

Вестник

ЧЕЛЯБИНСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 1994-2796 (print)
ISSN 2782-4829 (online)
doi 10.47475/1994-2796

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

MONTI BVSEI SIN
IO LACTABAT COR
CRUDE LIS ALEXI NI
CARMINI NOS TRI
RE MORI M F DN VN
MONTI BVSEI SIN
IO LACTABAT COR
CRUDE LIS ALEXI NI
CARMINI NOS TRI

9 / 2023

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

Главный редактор

Таскаев Сергей Валерьевич — доктор физико-математических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0001-6352-2816; Scopus Author ID: 55886287900;
Researcher ID: AAU-9890-2021

Ответственный секретарь

Майоров Андрей Владимирович — доктор юридических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0002-8629-9837; Scopus Author ID: 55629771300;
Researcher ID: AAK-3612-2021

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **Бубнов Юрий Александрович**, доктор философских наук (Воронежский государственный университет, Россия); **Бугалин Александр Владимирович**, доктор экономических наук, профессор (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия); **Голованова Елена Иосифовна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Желтухина Марина Ростиславовна**, доктор филологических наук, профессор (Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия); **Кирабаев Нур Серикович**, доктор философских наук, профессор (Российский университет дружбы народов, Россия); **Качалов Роман Михайлович**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **Невелев Анатолий Борисович**, доктор философских наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Нижегородцев Роберт Михайлович**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **Питина Светлана Анатольевна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Попов Евгений Васильевич**, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, Россия); **Эндер Демир**, Университет Рейкьявика (Рейкьявик, Исландия); **Ж. Ришар**, PhD, профессор (Университет Париж-Дофин, Франция).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Е. В. Шелестюк, доктор филологических наук, доцент, председатель редакционной коллегии (Челябинск); **Т. В. Борисенко**, кандидат филологических наук, заместитель председателя редакционной коллегии (Челябинск); **Е. Н. Бекасова**, доктор филологических наук, профессор (Оренбург); **Г. К. Валеев**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Т. А. Воронцова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Е. И. Голованова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. Ю. Двинина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **М. В. Загидуллина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Л. А. Месеняшина**, доктор педагогических наук, профессор (Челябинск); **А. А. Миронова**, доктор филологических наук, доцент (Челябинск); **Л. А. Нефёдова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Н. С. Олизько**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. А. Питина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **О. Ю. Редькина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **Ал. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **А. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Е. М. Хакимова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Т. В. Чернышова**, доктор филологических наук, профессор (Барнаул); **Марьям Шафаги**, кандидат филологических наук (Университет имени Алламе Табатабаи, Иран); **Маджид Эстри**, кандидат филологических наук (Государственный университет Гонбад-Кавус, Иран).

Журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов,
утвержденный ВАК Минобрнауки РФ, по отраслям:
экономические науки, филологические науки, философские науки.

Издание включено в базы данных: UlrichsWeb Global Serials Directory;
EBSCO's research collections.

Журнал выходит 12 раз в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции научного
направления
«Филологические науки»:
Россия, 454084, Челябинск,
пр. Победы, 162в
Тел.: (351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

С требованиями к оформлению
статей можно ознакомиться на сайте
[http://journals.csu.ru/index.php/
BulletinCSU](http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU)

Редакция журнала может
не разделять точку зрения авторов
публикаций

Ответственность за содержание
статей и качество перевода аннотаций
несут авторы публикаций

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-66312

Индекс 33077
в каталоге «Пресса России»

Корректурa *Е. В. Южаковой*
Верстка *Е. В. Южаковой*

Подписано в печать 07.11.23.
Выход в свет 14.11.23.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 15,2.
Уч.-изд. л. 13,0.
Тираж 500 экз. Заказ 501.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief

S. V. Taskaev, Dr. Sci. (Physics and Mathematics), Prof. (Assoc.)

Executive secretary

A. V. Mayorov, Dr. Sci. (Law), Prof. (Assoc.), Member of ASEP

EDITORIAL COUNCIL

N. N. Boldyrev, Dr. Sci. (Philology), Prof. (G. R. Derzhavin Tambov State University, Russia); **Y. A. Bubnov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Voronezh State University, Russia); **A. V. Buzgalin**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Lomonosov Moscow State University, Russia); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **M. R. Zheltukhina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia); **N. R. Kirabaev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Peoples' Friendship University of Russia, Russia); **R. M. Katchalov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Russia); **A. B. Nevelev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **R. M. Nizhegorodtsev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Institute of Control Sciences of RAS, Russia); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **E. V. Popov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Corresponding Member of RAS (Ural Institute of Management — branch of RANEPa, Russia); **E. Demir**, PhD, University of Reykjavik, (Reykjavik, Iceland); **J. Richard**, PhD, Prof. (Paris-Dauphine University, France).

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTION

E. V. Shelestyuk, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.), Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **T. A. Borisenko**, Cand. Sci. (Philology), Deputy Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **E. N. Bekasova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Orenburg); **G. K. Valeev**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **T. A. Vorontsova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **S. Yu. Dvinina**, Cand. Sci. (Philology) (Chelyabinsk); **M. V. Zagidullina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **L. A. Mesenyashina**, Dr. Sci. (Pedagogical), Prof. (Chelyabinsk); **A. A. Mironova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **L. A. Nefedova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **N. S. Olizko**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **O. Yu. Redkina**, Cand. Sci. (Philology) (Chelyabinsk); **Al. A. Selyutin**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **A. A. Selyutin**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **E. M. Khakimova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **T. V. Chernyshova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Barnaul); **M. Shafaghi**, Cand. Sci. (Philology) (Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran); **M. Estiri**, Cand. Sci. (Philology) (Gonbad Kavous University, Iran)

The journal is included into the list of peer-reviewed journals, approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, in the following branches of knowledge: Economic Sciences, Philological Sciences, and Philosophical Sciences.

This journal is currently listed in: UlrichsWeb Global Serials Directory; EBSCO's research collections.

The journal is published
12 times per year

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office address:
129, Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

"Philological Sciences"
editorial office address:
162v, Prospect Pobedy,
Chelyabinsk, 454084, Russia
Telephone: + 7(351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

All the requirements
are available on the web-site
[http://journals.csu.ru/index.php/
BulletinCSU](http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU)

The Editorial Board may not share
the views of the authors

Authors are responsible
for the article content and quality
of abstract translation

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies
and Communications
Certificate ПИ № ФЦ77-66312

Index 33077
in the "Press of Russia" catalog

Proofreader *E. V. Yuzhakova*
Imposition by *E. V. Yuzhakova*

Approved for printing 07.11.23.
Date of publication 14.11.23.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.

Conventional print. sh. 15.2.
Ac.-publ. sh. 13,0.
Circulation 500 copies.
Order 501. Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА, МОРФОЛОГИЯ, ПРАГМАЛИНГВИСТИКА

- Беляев А. Н.* Когнитивные параметры семантики и словообразования языковых единиц 5
- Ян Нань, Литневская Е. И.* Способы обозначения женского пола у существительных переходного к общему роду («кандидатов» в общий род): традиционное и новое 14
- Торопчина О. В., Власов М. С., Исаева И. П., Замашанская Е. С.* Семантизация молодежных сленгизмов и жаргонизмов сферы видеоигр и аниме 21
- Шакирьянов Л. М.* Языковые особенности реализации противопоставления внутри одной и внутри двух номинаций (на материале англоязычных экономических терминов) 29

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, МЕДИАЛИНГВИСТИКА, ДИСКУРСОЛОГИЯ

- Афанасьева А. А.* Функциональный потенциал междометий в ситуации каузации эмоциональной модификации (на материале испанского языка) 41
- Васильева Ю. А.* Функционирование логоэпистем в публицистическом дискурсе (на примере заголовков астраханских массмедиа) 51
- Зырянова И. П., Каменева В. А.* Средства вербализации базовых эмоций в индивидуальных портретных интервью с американскими спортсменами 61
- Сергеева О. В.* Лингвоэкологические проблемы современного образовательного медиадискурса 70
- Хакимова Е. М., Толстых О. А.* Мотивационное письмо с позиций полипарадигмального подхода 83
- Ли Ян.* Названия элементов интерфейса как отражение реалий межличностной коммуникации в интернете 95

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, ПАРЕМИОЛОГИЯ

- Косар Салими Абдолмалеки, Халида Сиями Эйдлак.* Репрезентация и вербализация концепта «женщина» с негативной коннотацией в русско-персидском сопоставительном аспекте 106

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

- Проконичев Г. И.* Англо-шотландская баллада в свете смены переводческих парадигм: два века перевода 117
- Смирнова В. Н.* Технология DeepL Translate в переводе пословиц и поговорок (на материале английского языка) 126

CONTENTS

COGNITIVE SEMANTICS, MORPHOLOGY, PRAGMALINGUISTICS

- Belyaev A. N.* Cognitive parameters of semantics and word formation. 5
- Yang Nan, Litnevskaya E. I.* Traditional and new ways to designate the female sex
by the Russian transient-to-general-gender nouns 14
- Toropchina O. V., Vlasov M. S., Isaeva I. P., Zamashanskaya E. S.*
Semantization of youth slangisms, video games and anime jargonisms 21
- Shakiryaynov L. M.* Linguistic peculiarities of oppositions within one and within two nominations
(based on English economic terms) 29

FUNCTIONAL LINGUISTICS, LINGUOCULTUROLOGY, MEDIALINGUISTICS, DISCOURSE STUDIES

- Afanaseva A. A.* Functional potential of interjections in the situation of causation
of emotional modification in the Spanish language 41
- Vasileva J. A.* Functioning of logoepestemes in journalistic discourse
(using the example of headlines of Astrakhan mass media) 51
- Zyryanova I. P., Kameneva V. A.* Means of verbalization of basic emotions
in individual portrait interview with American athletes 61
- Sergeeva O. V.* Linguoecological problems of the modern educational media discourse. 70
- Khakimova E. M., Tolstykh O. A.* Motivation letter from the standpoint of the polyparadigm approach 83
- Li Yang.* Names of interface elements as a reflection of the realities of interpersonal communication
on the Internet. 95

LINGUOCULTUROLOGY, PAREMIOLOGY

- Kosar Salimi Abdolmaleki, Khalida Siyami Eidlak.* Representation and verbalization
of the concept “woman” with a negative connotation
in the Russian-Persian comparative analysis 106

QUESTIONS OF TRANSLATION STUDIES

- Prokonichev G. I.* The Anglo-Scottish ballad in the light of changing translation paradigms:
two centuries of translation. 117
- Smirnova V. N.* DeepL Translate technology in the translation of proverbs and sayings
(on the material of the English language). 126

КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА, МОРФОЛОГИЯ, ПРАГМАЛИНГВИСТИКА

COGNITIVE SEMANTICS, MORPHOLOGY, PRAGMALINGUISTICS

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 9 (479). С. 5–13.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(9(479):5-13. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 81

doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-5-13

КОГНИТИВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ СЕМАНТИКИ И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Андрей Николаевич Беляев

Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия, anbelajew@mail.ru

Аннотация. В данной статье излагаются результаты исследования в области когнитивной семантики и когнитивного словообразования. Цель настоящей работы заключается не в том, чтобы дать полный и исчерпывающий анализ имеющихся многочисленных работ, а в том, чтобы дать краткий обзор его основных параметров и положений. Автор сосредоточивает внимание на важных аспектах новейших исследований. Несмотря на разнообразие подходов, в исследованиях по когнитивной семантике и когнитивному словообразованию выделяются некоторые глобальные тенденции. Когнитивная семантика описывается как менталистская теория значения, которая фокусируется на взаимосвязи между семантическими знаниями и другими когнитивными системами, с одной стороны, и взаимосвязи между репрезентативными и процедурными аспектами семантической компетентности, с другой стороны. Она тесно связана с когнитивным словообразованием. Перспективы дальнейших исследований обсуждаются применительно к общему развитию когнитивной науки.

Ключевые слова: междисциплинарный подход, язык, когнитивные науки, семантика, словообразование

Для цитирования: Беляев А. Н. Когнитивные параметры семантики и словообразования языковых единиц // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 9 (479). С. 5–13. doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-5-13

Original article

COGNITIVE PARAMETERS OF SEMANTICS AND WORD FORMATION

Andrej N. Belyaev

Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia, anbelajew@mail.ru

Abstract. The paper intends to give an up-to-date survey of the field of cognitive semantics and word formation. It does not aim at giving a full and exhaustive account of research, but at giving a short review of its main foundations and perspectives concentrating on significant aspects of recent research. Despite the diversity of approaches, some global tendencies can be recognized in cognitive semantics and word formation research. Cognitive semantics is described as a mentalistic theory of meaning which focusses on the relationship between semantic knowledge and other cognitive systems on the one hand, and the relationship between representational and procedural aspects of semantic competence on the other hand. It is closely related to cognitive word formation. Perspectives of further research are discussed with respect to the general development of cognitive science.

Keywords: interdisciplinary approach, language, cognitive sciences, semantics, word formation

For citation: Belyaev AN. Cognitive parameters of semantics and word formation. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(9(479):5-13. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-5-13

Введение

Выработанные традиционным языкознанием принципы описания языковой системы значительно обогатились в последние десятилетия благодаря широкому применению междисциплинарного подхода, предполагающего объединение двух или более академических дисциплин в одном виде деятельности. Существующая с давних пор прочная взаимосвязь языкознания с рядом смежных дисциплин привела к порождению целого ряда дисциплин, объект изучения которых выходит за пределы собственно лингвистики. Особое место среди таких дисциплин занимает когнитивная лингвистика. Ее обращенность к языку как общему когнитивному механизму (см. [10]) нацелена прежде всего на выработку адекватной методики описания и объяснения языковой способности человека кодировать и трансформировать информацию. Когнитивная лингвистика видит свою задачу не только в исследовании роли мыслительных структур в механизмах функционирования языка, но и воплощения этих структур в материальных языковых знаках. Ее характерной чертой является также обращенность к «ментальным» основам понимания и продуцирования речи. Когнитивная лингвистика взяла на себя тяжелую ношу по синтезу двух исследовательских планов: анализа репрезентаций собственно языковых знаний в сознании человека и изучения порождения, восприятия и понимания речи, затрагивая тем самым сложнейшую область исследования взаимоотношений языка и мышления, языка и речи.

Надо сказать, что в традиционной лингвистике не существует ни одного сколько-нибудь подходящего метода для полного раскрытия этих отношений. Ни структурная лингвистика с ее точными методами описания языка и выявлении структур, связей между разными сторонами языка, ни функциональная лингвистика, в центре внимания которой находится язык в «действии», в процессе общения, — не в состоянии сформулировать адекватным образом теоретические положения, раскрывающие механизмы системы обработки информации и связанные с ними мыслительные операции, обуславливающие образование языковых знаков и построение лингвистических систем. Казалось бы, выход в междисциплинарное исследовательское пространство даст желаемый результат. Однако сколько бы ни старались ревнители междисциплинарного подхода доказать его жизнеспособность в создании такой теории, которая позво-

ляла бы адекватно объяснять все факты речемыслительной деятельности, *воз и ныне там*. Основная трудность заключается в том, что любая система знаков, возникшая в результате определенной деятельности человека или животных, функционально зависима и производна от знаковой системы, стоящей по отношению к ней на более низком уровне. Знаковая система не может возникнуть сама по себе, она зиждется на элементах другой знаковой системы, на единицах другого порядка. В отношении естественного языка такими элементами, по-видимому, являлись некие протознаки, выражавшие особое состояние «высказывания», когда его смысл еще не был переведен в знак. В нем выражались чувственные следы от реальных впечатлений и зачатки мыслительной деятельности. У животных система коммуникации не нашла в процессе эволюции дальнейшего развития и осталась, по своей сути, на уровне протознаков, или сигналов, для передачи информации, которая осуществляется специальными органами (голосовой аппарат, пахучие железы, форма тела, окраска, поведение животного и т. п.). Вероятно, предвестником человеческого языка явилось возникшее в определенный момент развития человеческого общества некое социальное «сгущение», обусловленное процессом экстерииоризации, т. е. процессом превращения внутреннего психического действия во внешнее действие. В работах Н. Хомского и его последователей такое свойство называется базовым свойством языка. Возникает вопрос, как и когда оно возникло? Появление осмысленных словоподобных элементов остается для всех загадкой. Так же сложно ответить на вопрос, когда и как именно появилась операция соединения протознаков. Н. Хомский и Р. Бервик указывают на промежуток времени между появлением современных с анатомической точки зрения людей (приблизительно 200 000 лет назад в Южной Африке) и первых с поведенческой точки зрения людей (приблизительно 80 000 лет назад) [18. С. 246–247]. Видимо, до этого периода сознание человека находилось в сингулярном состоянии. Далее параллельно с увеличением объема мозга происходило расширение сознания и постепенная его дифференциация на языковое и неязыковое сознание. Представляется, что с момента окончательного раздвоения сознания на языковое и неязыковое можно ставить исследовательскую задачу, чтобы установить онтологию и феноменологию языкового и неязыкового сознания, ср. [16].

Материалы и методы исследования

Основой для разработки теоретических положений настоящего исследования послужили труды отечественных и зарубежных исследователей в отдельных областях знания: лингвистика, когнитивная лингвистика, психолингвистика, словообразование. В качестве методического инструментария использовались концептуальный анализ и метод когнитивного моделирования, при помощи которых изучалось взаимодействие структур знания и языковых значений, с последующим выявлением элементов смысловой структуры производных слов. Кроме того, использовался метод дискурсивного анализа, который позволил более рельефно отобразить параметры смысловой и структурной составляющих дискурсивного пространства.

Параметры когнитивной семантики

Проблема параметров когнитивной семантики представляет научный интерес в плане определения семантических границ языковых единиц, а в более широком плане — определения границы между наивной и научной картинами мира (см. [19]). Эта проблема может привлекать внимание исследователей, которые оперируют вычислительными факторами, рассматривая язык как вычислительную систему. Иногда вычислительные факторы соседствуют с вычислительными факторами искусственного интеллекта. О. П. Кузнецов пишет: «Мозг с информационной точки зрения — это большой и сложный биокомпьютер, и поэтому интеллектуальные процессы нужно реализовывать на принципах работы с информацией в компьютере, т. е. на основе символьных представлений информации и их обработки с помощью алгоритмических логико-комбинаторных процедур» [13. С. 32]. Ниже остановимся на том, в каких смыслах встречается словосочетание «когнитивная семантика» в лингвистических сочинениях.

В самых общих чертах термин «когнитивная семантика» служит для обозначения направления лингвистического исследования, занимающегося исследованием ментального характера семантических феноменов. Она представляет собой ту область когнитивных наук, которая имеет дело с языком как системой когниций, т. е. ментальной системой познания [20. С. 10]. В понимании В. З. Демьянкова когнитивная семантика — это «эксплицитная, эмпирически заземленная субъективистская, или концептуалистическая теория значения, в которой принимается, что значение

выражения не может быть сведено к объективной характеристике ситуации, описываемой высказыванием: не менее важным является и ракурс, выбираемый “концептуализатором” при рассмотрении ситуации и выразительного портретирования ее» [8. С. 73–74]. По определению Н. Н. Болдырева, «когнитивная семантика — это определенная теория значения, специфика которой заключается в том, что в ней значительное место отводится антропоцентрическому фактору — человеку как наблюдателю, “концептуализатору” и “категоризатору”» [2. С. 23]. В свете этой популярной среди лингвистов концепции разъясняется, в отличие от традиционной семантики, активная деятельность человека в формировании и адекватном восприятии значений языковых знаков. Принято считать, что использование тех или иных языковых средств в определенной речевой ситуации и объяснение причин их выбора будут зависеть от языковой компетенции носителя языка, именно от тех параметров, в рамках которых укладываются его ментальные способности. Попутно заметим, в работе Е. Е. Голубковой [7. С. 48] понятие «когнитивная семантика» практически воспринимается как тождественное понятию «когнитивная лингвистика», с чем мы не можем согласиться.

Несомненно, мы не должны претендовать на многое: полное и непротиворечивое объяснение семиотических процессов означивания и смыслопорождения с позиций когнитивной семантики едва ли возможно. Существует множество причин, препятствующих следованию адекватной линии при принятии правильного решения. Имея дело с когнитивной семантикой, мы не уверены в том, что она способна выявить все релевантные факты некоторого языкового явления, дать полную семантическую характеристику выражению с учетом воспринимаемой ситуации, фоновых предположений и ожиданий, выбранной точки зрения на описываемую сцену (см. [10. С. 73–74]). В связи с этим наши теоретические обобщения носят скорее прогностический, чем детерминистский характер.

Существующее мнение, будто слово приобретает свое значение исключительно в дискурсе, скажем, в определенной коммуникативной ситуации, а следовательно, не является вместилищем для лексического значения, основано на неверной трактовке слова как некой семантической конструкции только на уровне текста. Представление о значении слова как о явлении, порождаемом в дискурсе, исключает из языковой

системы слово, значительно упрощает и обедняет описание языковой структуры. «Слово, — пишет А. Н. Тихонов, — представляет собой семантически цельную единицу языка» [17. С. 18]. Попытки заменить слово как основную единицу языка некой конструкцией обречены на деструктивность. Еще Л. Г. Веденина писала: «Неминуемым следствием “исключения” слова из состава лингвистических единиц является эмпиризм в сфере семантики, растворение анализа в речевых значениях, невозможность существенных обобщений в этой области» [5. С. 83]. Тем не менее существует парадокс: из отдельного высказывания можно извлечь значительно больше информации, чем содержится в нем как в языковом образовании. Осознание этого факта ставит вопрос, каков общий механизм возникновения такой информации и какие важнейшие лингвистические и экстралингвистические факторы способствуют ее возникновению. В лингвистике эта проблема известна как проблема подтекста, которая особенно активно разрабатывалась с середины прошлого века, а ее главный вывод гласит: «подтекст не обязательно является смыслом высказывания, но без подтекста смысла нет» [9. С. 46]. Н. Н. Болдырев справедливо отметил, что «современный взгляд на язык и речевое общение предполагает учет не только их собственно знакового характера, но и комплексного взаимодействия разных языковых функций и их реализаций: когнитивной, коммуникативной, интерпретирующей» [3. С. 5]. В первую очередь необходимо четко установить круг проблем когнитивной семантики, выделив среди них два существенных цикла: 1) проблемы онтологии вербального значения, 2) методологические проблемы когнитивной семантики.

Традиционные семантические концепции (референтная, детерминативная, прототипическая), как считает Е. Ф. Тарасов, не в состоянии дать адекватный анализ содержательной стороны языковых единиц; значение выражения превышает познавательные возможности этих теорий [16. С. 9]. Так, референтная теория значения предполагает, что язык в целом применяется для суждения о вещах вне (а также внутри) его. Согласно данной теории значение выражения отождествляется с тем, на что оно указывает [14. С. 8]. Уязвимым местом в референтной теории значения является то, что связь языка с реальностью не всегда может быть выражена конкретными формами. Так, структура выражения «*Возьми один!*» и значение ее составляющих указывают на то, что нужно взять один какой-то

предмет. Например, *возьми один арбуз, один экземпляр, один гектар земли* и т. п. *Возьми один хлеб, одну лепешку, смоченную оливковым маслом, и один корж из той корзины с пресным хлебом, что поставлена пред Господом* (Ветхий завет. Вторая книга Моисея). Но в ситуации проезда на общественном транспортном средстве фраза пассажира, обращенная к водителю: «*Возьми один на Комарова!*», имплицитно не значение одного предмета, а оплату проезда. В свете приведенных фактов едва ли можно считать состоятельной попытку представить связь языка с миром как корреляцию значимых языковых компонентов с различными компонентами реальности. Не лучшим образом складывается ситуация и в других традиционных направлениях. Существо дела состоит в том, что в традиционных концепциях значения четко разграничиваются языковые и неязыковые знания. Семантике языковой единицы в системе противопоставляется ее употребление в речи. Система лексики, как и синтаксис, относятся к знаковой области языка. Но в когнитивной семантике грань между этими реалиями несущественна. Установление значения выражения происходит в результате обработки всего комплекса информации. Язык устроен таким образом, что языковые элементы получают «смысловую заряженность» в сопряжении с определенной концептуальной системой. Понятие концептуальной системы стало одним из базовых понятий когнитивной лингвистики, позволяющих интерпретировать причинную взаимосвязь мыслительной деятельности человека и объективированных в форме слов или сочетаний слов концептов [3].

Подобно другим теориям, когнитивная теория значения основана на некоторой здравой догадке, значимость которой, однако, не стоит сильно преувеличивать. Точно так же, как несомненно то, что человек, употребляя языковые знаки, некоторым образом выражает и передает другому человеку свои мысли, указывает на мир, несомненным является факт, что единицы языка получают свое значение в процессе их использования людьми. Попытки непосредственного раскрытия значения выражения через привносимый в него конкретный смысл, возникновение которого обусловлено индивидуальными интеллектуальными характеристиками говорящего, сразу сталкиваются с трудностями, поскольку этот конкретный смысл должен по меньшей мере быть уже известен слушающему, в противном случае между участниками коммуникации не будет взаимопонимания. Иными словами, новый смысл должен

быть закреплён в языковом сознании, а на языковую единицу, в силу принадлежности ее к языковой системе, должно накладываться действие ограничительного характера в отношении ее использования. Такая необычная онтологическая ситуация требует своего объяснения. При обращении к конкретному языковому материалу представители различных школ в лингвистике неодинаково понимают характер взаимоотношений между указанными аспектами. И это довольно четко проявляется в противопоставлении значения как формы «социальной фиксации и кодификации деятельности» [15. С. 8–9] и смысла как мотивированного отношения к значению, как формы вовлеченности значения в структуру сознания личности.

Рассматривая современную лингвистическую семантику в свете когнитивной теории языка, Л. М. Васильев выделяет следующие весьма важные для нее черты:

- 1) в основе современной лингвистической семантики лежит теория прототипов; суть этой теории в том, что среди видов категории выделяются образцовые, прототипические (*ворона* — образцовая птица) и необразцовые, не обладающие всеми признаками прототипа (*страус* — необразцовая птица);
- 2) теория сематических и понятийных полей дополнилась теорией когнитивных и ассоциативных полей, описывающей когнитивную картину мира, репрезентацией которой в сознании являются концепты;
- 3) описание универсального языка мысли (*lingua mentalis*), базирующегося на семантических примитивах;
- 4) модульное строение языка считается в когнитивной семантике изоморфным модульной инфраструктуре мозга, его нейронной сети связей [4].

Возражая критикам когнитивной семантики относительно необходимости ее существования, Н. Ф. Алефиренко пишет: «Когнитивная семантика — не миф; она такая же реальная категория, как и сама речемыслительная деятельность человека» [1. С. 47]. В отличие от традиционного взгляда, в теории Н. Ф. Алефиренко словесный знак имеет трехстороннюю структуру: *означающее* (звуковая или графическая структура), *внутренняя форма* и *означаемое*. Таким образом, с точки зрения когнитивной семасиологии «значением выступает мысль о втором объекте, являющаяся информационной функцией первого объекта, и в этом плане является (а) фактом созна-

ния, (б) производящей базой знака (знак произведен от значения) и в этом плане (в) это первичное по отношению к знаку образование» [1. С. 47]. На наш взгляд, важно не столько абсолютно жесткое разделение трех указанных сторон знака (такое разделение объективно невозможно), сколько правильное понимание сути явлений. В связи с этим отношения между фактом сознания, производящей базой знака и внутренней формой должны быть определены с полной четкостью не только в семантике, но также в системе словообразования, поскольку подобная операциональная процедура не должна сводиться только к семантическому анализу, но и задействовать словообразовательный уровень. Оба этих уровня перекрещиваются и накладываются друг на друга.

Проблемы когнитивного словообразования

Одна из наиболее актуальных проблем когнитивного словообразования — проблема адекватного описания языковой способности человека осмысливать мотивированные языковые единицы, для того чтобы их правильно употреблять в речевой деятельности. По существу, все когнитивные и психолингвистические исследования в области словообразования служат одной цели: раскрытию природы этой способности. Когнитивная дериватология становится в настоящее время одним из актуальных направлений в изучении речевой деятельности человека. Ее выделение в качестве самостоятельной области внутри лингвистики наряду с когнитивной грамматикой и когнитивной семантикой естественным образом диктуется общими установками современной лингвистики на изучение внутренних, ментальных процессов получения человеком знания о мире. Следует сказать, что когнитивная дериватология тесно связана и с когнитивной грамматикой, и с когнитивной семантикой. Связь с ними обнаруживается при изучении соответствующих аспектов, подобно связи с грамматикой и семантикой в традиционном словообразовании.

Особое место в теории когнитивного словообразования отводится понятию производного знака, структурирующего определенный тип знания об обозначаемом предмете. Такая структура знания принципиально отличается от непродолжного, нечленимого или условно членимого, холистически воспринимаемого слова. Так, в сложном немецком существительном *Löwenzahn* ‘одуванчик’ выражена идея «зуб льва». Ср. простые слова *Löwe* ‘лев’ и *Zahn* ‘зуб’. Специфика производных слов выражается в том, что они всегда

отражают «такие концептуальные (когнитивные) структуры, которые, по определению, связывают в единое целое несколько концептов, а потому оказываются способными сохранить представление людей о том, что с чем связано, по отношению к кому/чему характеризуется обозначаемое явление, процесс или объект» [12. С. 10]. Однако такую связь не всегда возможно установить на синхронном уровне. Например, в немецком слове *Verwandter* ‘родственник’ связь с понятием «стена» (нем. *Wand*) опосредована понятием «обвивать, крутить» (нем. *winden*). В этом случае мы имеем дело не с наивным представлением: родственник — это тот, кто живет у нас за стеной, а тот, с кем мы связаны кровными узами. Надо сказать, что производное слово в рамках рассматриваемых теорий обладает свойством двойной референции, а именно: обращенностью к миру действительности, свойственной и простым словам, и обращенностью к миру слов, представляющих по своей структуре вторичные единицы номинации. На словообразовательном уровне важным представляется извлечение смысла из производного знака.

Наиболее сложной задачей в этом плане является построение теоретической модели, которая позволила бы, как универсальное средство научного познания, выявить существующие корреляции, соотношения, пропозиции между производным словом и «структурами сознания или структурами знания» [11. С. 59].

Сложность ее заключается в том, что когнитивные механизмы, участвующие в процессе образования производной единицы и наполняющие ее некоторым смыслом, не даны нам в «чистом» виде. Их скрытый характер не предполагает использовать их в качестве анализа эмпирического материала. Поэтому в большинстве работ по когнитивной дериватологии изучение процессов порождения и восприятия смыслов производной лексики носит, как правило, гипотетический характер. Расхожее утверждение, что закрепленные в языковом сознании определенные словообразовательные модели способны соотносить языковые структуры со структурами знания, нуждается в уточнении. Необходимость исследования процессов, обеспечивающих восприятие смыслов и их изменение в производных единицах, в последние годы ощущается все острее. Имеющиеся в распоряжении исследователей когнитивно-дискурсивные описания различных словообразовательных систем убедительно показывают, что для понимания этих процессов недостаточно ни

когнитивных, ни дискурсивных данных. Проблема в том, что даже носитель языка не всегда способен описать значение слова, но при этом правильно его употребляет. Напрашивается сам собой вопрос, нужно ли разделять знание значения слова и употребление слова в соответствии с его значением? Не связано ли то и другое чем-то единым?

Можно согласиться с утверждением Л. В. Ворониной, что когнитивно-дискурсивный подход в словообразовании не исключает, а, напротив, предполагает глубокое изучение сущности производного языкового знака [6]. Конструированием смысла производного слова в дискурсе является инференция, которая представляет многомерный и многоаспектный процесс, определяемый множеством языковых и внеязыковых факторов. В разработанной Л. В. Ворониной схеме по извлечению смысла производного слова центральное место занимает пропозициональная структура, представленная в языке определенными словообразовательными моделями. Ограничение моделирования смысла осуществляется действием когнитивного фильтра. К факторам, образующим цепочку фильтров, на наш взгляд, следует также отнести системные факторы языка. При этом особое внимание уделяется социальным, индивидуально-личным, национально-вариативным параметрам, которые приносят в анализ языковых единиц свои собственные характеристики.

Заключение

При определении параметров когнитивной семантики и когнитивного словообразования целесообразно использовать оппозицию «значение vs смысл». Значение закреплено в языковом знаке, оно объективно и является по своей сущности социальным явлением. Более сложным явлением предстает смысл в системе «язык — речь», который и определяет параметры языкового выражения. Для декодирования смысла производных и сложных слов необходимым условием является не только наличие языковой компетенции, знания знаков, но и умение оперировать этими знаками в процессе определенных мыслительных операций. Чтобы извлечь смысл из речевого высказывания, реципиент должен осуществить две мыслительные операции: во-первых, установить наличие когнитивной метафоры и, во-вторых, определить скрытый смысл по ее эксплицитному компоненту.

В связи с данной проблематикой возникает все тот же старый вопрос относительно того, могут

ли трактоваться корреляции между структурными единицами языка и структурами мыслительной деятельности человека как индуцированные отношения между системообразующими элементами языка и элементами когнитивной деятельности человека, которые затрагивают сферу образования смыслов (концептов). Иными словами, оказывает ли структура языка (и если оказывает, то в какой мере) влияние на мыслительную деятельность человека?

В настоящем исследовании мы пришли к следующему главному выводу: языковая и неязыковая информация, извлекаемая из семантической и словообразовательной структуры языкового знака, зависит от когнитивных семантических и словообразовательных параметров кон-

цептуальной системы, она не носит устойчивого характера и варьируется в зависимости от актуального или возможного положения вещей в мире. Внутренняя неупорядоченность мыслительных операций и даже неспособность «ухватывать» и устанавливать смысл языкового выражения (особенно отчетливо это проявляется при изучении иностранного языка) объясняется, по большому счету, не структурными особенностями строения языка, а глобальностью лингвистической интуиции, выражающейся в умении чувствовать язык, понимать его взаимосвязанную иерархическую структуру и интуитивно понимать новые, до этого неизвестные человеку языковые явления, неологизмы, заимствования и т. д.

Список источников

1. Алефиренко Н. Ф. Когнитивная семантика: миф или реальность? // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. Вып. 5 (56). Серия: Гуманитарные науки (Филология). С. 43–48.
2. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Курс лекций по английской филологии : учеб. пособие. 4-е изд., стер. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. 163 с.
3. Болдырев Н. Н. Проблемы вербальной коммуникации в когнитивном контексте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2. С. 5–14.
4. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика в свете когнитивной теории языка // Germanica. Slavica. Turcica : сб. науч. статей. К 60-летию Р. З. Мурсова. Уфа : Изд-во Башкир. гос. ун-та, 2000. С. 248–252.
5. Веденина Л. Г. Функциональное направление в зарубежной лингвистике // Вопросы языкознания. 1978. № 6. С. 74–84.
6. Воронина Л. В. Субстантивное словообразование современного немецкого языка: когнитивно-дискурсивное представление деривационных и композиционных процессов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Смоленск, 2022. 38 с.
7. Голубкова Е. Е. Использование лингвистических корпусов при решении семантических проблем // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход ; под общ. ред. В. И. Заботкиной. М. : Языки славянской культуры, 2015. С. 39–81.
8. Демьянков В. З. Когнитивная семантика // Краткий словарь когнитивных терминов ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М. : Филол. фак-т МГУ, 1996. С. 73–74.
9. Долинин К. А. Имплицитное содержание высказывания // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 37–47.
10. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М. : Филол. фак-т МГУ, 1996. 245 с.
11. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
12. Кубрякова Е. С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2006. Т. 65, № 2. С. 3–13.
13. Кузнецов О. П. Когнитивная семантика и искусственный интеллект // Искусственный интеллект и принятие решений. 2012. № 4. С. 32–42.
14. Петров В. В. Структуры значения (логический анализ). Новосибирск : Наука, 1979. 144 с.
15. Психолингвистические проблемы семантики / А. А. Леонтьев, Е. Ф. Тарасов, Р. М. Фрумкина и др. ; отв. ред. А. А. Леонтьев, А. М. Шахнарович. М. : Наука, 1983. 258 с.
16. Тарасов Е. Ф. Онтология и феноменология языкового и неязыкового сознания // Язык — культура, мышление — познание. Интегративные исследования : материалы Междунар. науч.-практ. конференции. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2018. С. 6–9.

17. Тихонов А. Н. Слово — многоуровневая единица языка // *Germanica. Slavica. Turkica* : сб. науч. статей. К 60-летию Р. З. Мурясова. Уфа : Изд-во Башкир. гос. ун-та, 2000. С. 17–21.
18. Хомский Н., Бервик Р. Человек говорящий. Эволюция и язык. СПб. : Питер, 2021. 320 с.
19. Langacker R. W. A view of linguistic semantics // *Topics in cognitive linguistics*. Amsterdam ; Philadelphia, 1988. Pp. 49–90.
20. Schwarz M. Kognitive Semantik // *Cognitive Semantics: Ergebnisse, Probleme, Perspektiven*. Tübingen : Narr, 1994.

References

1. Alefirenko NF. Cognitive semantics: Myth or reality? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 2006;(5(56):43-48. (In Russ.).
2. Boldyrev NN. Kognitivnaya semantika = Cognitive semantics. Moscow; Berlin; 2016. 163 p. (In Russ.).
3. Boldyrev NN. Problems of verbal communication in a cognitive context. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki = Problems of cognitive linguistics*. 2017;(2):5-14. (In Russ.).
4. Vasil'ev LM. Modern linguistic semantics in the light of cognitive theory of language. In: *Germanica. Slavica. Turkica*. Ufa: Publ. house of Bashkir. State University; 2000. Pp. 248–252. (In Russ.).
5. Vedenina LG. Functional direction in foreign linguistics. *Voprosy yazykoznanija = Topics in the study of language*. 1978;(6):74-84. (In Russ.).
6. Voronina LV. Substantivnoe slovoobrazovanie sovremennogo nemeckogo yazyka: kognitivno-diskursivnoe predstavlenie derivacionnyh i kompozicionnyh processov = Substantive word formation of the modern German language: cognitive-discursive representation of derivational and compositional processes. Abstract of Thesis. Smolensk; 2022. 38 p. (In Russ.).
7. Golubkova EE. The use of linguistic corpora in solving semantic problems. In: *Metody kognitivnogo analiza semantiki slova: komp'yuterno-korpusnyj podhod = Methods of cognitive analysis of word semantics: computer-corpus approach*. Moscow; 2015. Pp. 39–81. (In Russ.).
8. Dem'yankov VZ. Cognitive semantics. In: *Kratkij slovar' kognitivnyh terminov = Concise dictionary of cognitive terms*. Moscow; 1996. Pp. 73–74. (In Russ.).
9. Dolinin KA. Implicit content of the statement. *Voprosy yazykoznanija = Topics in the study of language*. 1983;(6):37-47. (In Russ.).
10. *Kratkij slovar' kognitivnyh terminov = Concise dictionary of cognitive terms*. Moscow; 1996. 245 p. (In Russ.).
11. Kubryakova ES. Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znanij o yazyke: CHasti rechi s kognitivnoj točki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira = Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of Speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world. Moscow; 2004. 560 p. (In Russ.).
12. Kubryakova ES. Images of the world in human consciousness and word-formation categories as their components. *Izvestiya RAN = News of the Russian Academy of Sciences*. 2006;65(2):3-13. (In Russ.).
13. Kuznecov OP. Cognitive semantics and artificial intelligence. *Iskusstvennyj intellekt i prinyatie reshenij = Artificial intelligence and decision-making*. 2012;(4):32-42 (In Russ.).
14. Petrov VV. Struktury znacheniya (logicheskij analiz) = Structures of meaning (logical analysis). Novosibirsk; 1979. 144 p. (In Russ.).
15. Leontyev AA, Tarasov EF, Frumkina RM et al. Psiholingvisticheckie problemy semantiki = Psycholinguistic problems of semantics. Moscow; 1983. 258 p. (In Russ.).
16. Tarasov EF. Ontology and phenomenology of linguistic and non-linguistic consciousness. In: *Yazyk — kul'tura, myshlenie — poznanie. Integrativnye issledovaniya = Language — culture, thinking — cognition. Integrative research*. Ulan-Ude; 2018. Pp. 6-9. (In Russ.).
17. Tihonov AN. A word is a multilevel unit of a language. In: *Germanica. Slavica. Turkica*. Ufa: Publ. house of Bashkir. State University; 2000. Pp. 17–21. (In Russ.).
18. Homskij N, Bervik R. Chelovek govoryashchij. Evolyuciya i yazyk = A talking man. Evolution and language. St. Petersburg; 2021. 320 p. (In Russ.).
19. Langacker RW. A view of linguistic semantics = Topics in cognitive linguistics. Amsterdam; Philadelphia; 1988. Pp. 49–90.

20. Schwarz M. Kognitive Semantik: Ergebnisse, Probleme, Perspektiven = Cognitive Semantics: Results, problems, prospects. Tübingen; 1994. 242 p. (In German).

Информация об авторе

А. Н. Беляев — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков.

Information about the author

Andrej N. Belyaev — Doctor of Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Foreign Languages.

Статья поступила в редакцию 09.01.2023; одобрена после рецензирования 09.04.2023; принята к публикации 02.10.2023.

The article was submitted 09.01.2023; approved after reviewing 09.04.2023; accepted for publication 02.10.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81

doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-14-20

СПОСОБЫ ОБОЗНАЧЕНИЯ ЖЕНСКОГО ПОЛА У СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ПЕРЕХОДНОГО К ОБЩЕМУ РОДА («КАНДИДАТОВ» В ОБЩИЙ РОД): ТРАДИЦИОННОЕ И НОВОЕ

Ян Нань¹, Елена Ивановна Литневская²

^{1,2} Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

¹ Харбинский научно-технический университет, Харбин, Китай

¹ 122387490@mail.qq.com, ORCID: 0000-0002-1316-8721

² litn-elena@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы правила употребления называющих профессии имён существительных мужского рода, обозначающих женщин, а также характер соблюдения или нарушения данных правил в современном русском языке. Отмечается, что, согласно грамматической традиции, глаголы-сказуемые могут согласовываться с данными словами семантически (стоять в женском роде), а прилагательные и другие атрибуты — грамматически (стоять в мужском роде). Выявлено, что первая из названных норм в современном русском языке соблюдается, а вторая нередко допускает отклонения. Среди возможных причин распространения в языке семантического согласования названы расшатывание грамматической нормы и доминирование прагматической функции в использовании языка.

Ключевые слова: «кандидаты» в общий род, существительное переходного к общему рода, женский пол, андроцентризм, атрибутивное выражение, предикативное выражение

Для цитирования: Ян Нань, Литневская Е. И. Способы обозначения женского пола у существительных переходного к общему рода («кандидатов» в общий род): традиционное и новое // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 9 (479). С. 14–20. doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-14-20

Original article

TRADITIONAL AND NEW WAYS TO DESIGNATE THE FEMALE SEX BY THE RUSSIAN TRANSIENT-TO-GENERAL-GENDER NOUNS

Yang Nan¹, Elena I. Litnevskaya²

^{1,2} Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹ Harbin University of Science and Technology, Harbin, China

¹ 122387490@mail.qq.com, ORCID: 0000-0002-1316-8721

² litn-elena@mail.ru

Abstract. The article analyzes the rules of the use of masculine nouns denoting women in speech, as well as the nature of compliance or violation of these rules in modern Russian. It is observed that, according to grammatical tradition, predicate verbs can agree with these words semantically (are used in the feminine gender), and adjectives and other attributes — grammatically (are used in the masculine gender). It was revealed that the first of the named norms in modern Russian is observed, while the second often admits violations and options. Among the possible reasons for the spread of semantic coordination in the language are the loosening of the grammatical norm and the dominance of the pragmatic function in the use of the language.

Keywords: “candidates” for the general gender, noun transient to general gender, feminine gender, androcentrism, attributive expression, predicative expression

For citation: Yang Nan, Litnevskaya EI. Traditional and new ways to designate the female sex by the Russian transient-to-general-gender nouns. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(9(479):14-20. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-14-20

Введение

В русском языке есть существительные мужского рода, с помощью которых называют лиц не только мужского, но и женского пола по профессии, роду деятельности, политической принадлежности, национальности, званию и другим общественно важным признакам. Так, словами *врач*, *политик*, *космонавт*, *демократ* и под. (всего, по данным словарей, около двухсот слов [2. С. 97]) могут быть названы и мужчины, и женщины; существительные при этом не становятся словами общего рода, но, по мнению некоторых лингвистов, эти слова — «потенциальные “кандидаты” в разряд слов общего рода» [13. С. 53].

Таким образом, в языке проявляется андроцентризм — «глубинная культурная традиция, сводящая общечеловеческую субъективность <...> к единой мужской норме, репрезентируемой как универсальная объективность, в то время как иные субъективности, и прежде всего женская, репрезентируются как собственно субъективности, как отклонение от нормы» [6. С. 19]. Андроцентризм отражает долгое существование общества в условиях патриархата, при котором мужчины выполняли в жизни социума активные роли, а женщины — пассивные. При андроцентризме в языке постепенно образуется гендерная асимметрия — неравномерная представленность в языке лиц разного пола. Так, например, поскольку женщины в течение столетий не могли быть врачами, то за словом *врач* закрепились форма мужского рода.

Однако употребление существительных переходного к общему роду для обозначения женщин демонстрирует две тенденции. Во-первых, в русском языке всё более широкое распространение получают феминитивы — «лексические неологизмы женского рода, образованные и парные соответствующему существительному мужского рода» [3. С. 357], например, *дикторка*, *режиссёрка*, *блогерка*. Анализ образования и использования феминитивов в русском языке XXI века — тема отдельного научного исследования. Во-вторых, наблюдаются некоторые изменения в согласовании существительных переходного к общему роду с другими словами в предложении. Анализ данных особенностей и трансформаций родового выражения и является предметом нашего исследования.

Цель. В статье проанализированы правила употребления для обозначения женщин определённых имён существительных мужского рода, а также характер соблюдения или нарушения

данных правил в современном русском языке. В грамматиках и справочниках отмечается, что, согласно традиции, глаголы-сказуемые могут согласовываться с данными словами семантически (стоять в женском роде), а прилагательные и другие атрибуты — грамматически (стоять в мужском роде). Выявлено, что первая из названных норм в современном русском языке соблюдается, а вторая нередко допускает нарушения. Среди возможных причин распространения в языке семантического согласования названы расшатывание грамматической нормы и доминирование прагматической функции в использовании языка.

Теоретическая значимость. Рассмотрение семантического согласования существительных переходного к общему роду при обозначении женщин с предикатами и атрибутами помогает уточнить родовое выражение данных слов и тенденцию развития правил грамматики современного русского языка.

Практическая значимость. Рассмотренный материал и полученные выводы могут быть использованы для преподавания русского языка в вузах, при подготовке специальных курсов и семинаров по проблемам морфологии.

Материалы и методы исследования

Материалом изучения служат примеры из Национального корпуса русского языка (НКРЯ); поиск в данном корпусе осуществляется по часто употребляемому существительному переходного к общему роду, обозначающим лиц женского пола. В ходе написания статьи использованы такие методы исследования, как анализ, синтез, наблюдение, классификация.

Согласование существительных переходного к общему роду при обозначении женщин с другими словами в предложении согласно грамматической норме

Ещё в 1970-е годы лингвисты отмечали, что «число подобных существительных, не имеющих женской родовой параллели, в языке увеличивается» [2. С. 96], и приводили такие примеры неологизмов того периода, как *космофизик*, *космопроходец*, *телекомментатор*, *телереporter*, *бионик*, *кибернетик* [2. С. 96]. Этот процесс, несомненно, продолжается и сейчас; он связан с развитием общества, технологий и продолжающимся процессом появления новых профессий, видов деятельности. При этом новые наименования лиц по их профессии, специальности, общественному положению по-прежнему преимущественно

мужского рода, хотя уже изначально в сущность практически каждой профессии закладывается возможность владения ею и женщиной. Например: *веб-разработчик, биофармаколог, тайм-менеджер, игромастер, медиаполицейский* и др. Только появившись в языке, данные слова сразу сталкиваются с проблемами использования их при обозначении женщин, что делает анализ данного вопроса ещё более актуальным.

Существует грамматическая норма, которая регулирует согласование существительных переходного к общему роду с другими словами в предложении, если они обозначают женщину. Особенно актуальна проблема их согласования с прилагательными и другими склоняемыми атрибутами и глаголами в форме прошедшего времени и сослагательного наклонения.

Согласование как вид синтаксической связи, основанный на совпадении или соответствии значений параметров орфологических категорий падежа, рода, числа и лица, оказывается связан с важными характеристиками русской флективной морфологии [5. С. 14]. Согласование может быть грамматическим, и тогда имеющие грамматический род формы глагола и прилагательного при существительном мужского рода должны также стоять в мужском роде, даже если оно обозначает женщину (*Доктор пришёл*), и смысловым, семантическим, и тогда должны быть выбраны формы женского рода (*Доктор пришла*). В первом случае значение женского пола не передаётся совсем, а во втором оно «передается аналитически — формой согласуемого глагола» [14. С. 95].

Практически все учебные пособия, грамматические справочники и исследования по культуре речи, начиная со второй половины XX века [2. С. 96–98; 6. С. 183, 258; 11. С. 95 и др.], рекомендуют для существительных мужского рода при обозначении женщин:

- семантическое согласование с предикатом, выраженным глаголом прошедшего времени, сослагательного наклонения или именем прилагательным (*Доктор пришла. Доктор пришла бы. Доктор очень строгая*);
- грамматическое согласование с атрибутами, использованными как согласованные определения (*добрый доктор, грамотный учитель, опытный массажист*).

То есть грамматически верное предложение выглядит так: *«Грамотный доктор вела приём»*. Данные правила можно считать закреплённой на настоящий момент грамматической нормой;

иные употребления и способы согласования будут отклонениями.

Возможность при таких существительных употребления предиката в женском роде как грамматическая норма закрепилась в языке не сразу. Одним из первых заговорил о таком употреблении глаголов А. М. Пешковский, назвавший его «самостоятельным женским родом глагола» [9. С. 193]. В «Русской грамматике» 1980 года указывается, что существуют варианты и колебания, то есть предикат можно употребить двойко: с грамматическим и с семантическим согласованием: *Педагог выступила/выступил с лекцией* [10. С. 244].

Ненормативное родовое выражение существительных переходного к общему роду

Сложной проблемой современной речи является появление форм женского рода у атрибутов, употреблённых в качестве согласованных с анализируемыми существительными определений. Такое употребление признаётся ненормативным в научных, справочных и других источниках, а также в самых свежих публикациях, например, в статьях И. Г. Милославского [7. С. 57], Е. А. Ряжских [12. С. 66] и др.

«Обнаружить изменения в системе языка, складывающиеся за этот небольшой срок, можно большей частью только на основе массового речевого материала» [11. С. 18]. Форма глагола (чаще всего прошедшего времени) в обнаруженных в НКРЯ примерах регулярно стоит в женском роде, например:

«Вот видите, и доктор сказала, что вы живы и здоровы» («Экран и сцена». URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>, дата обращения 15.07.2022).

«А я говорю — это просто гримаса. Нам врач объясняла на лекции. Непроизвольная мимика» (Андрей Геласимов «Жанна». URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>, дата обращения 15.01.2022).

Необходимость именно семантического согласования нормально для современного носителя языка, и нами почти не обнаружено примеров, в которых в таком контексте был бы использован мужской род глагола: очевидно, в современном русском языке такое употребление воспринимается носителями языка как архаизм.

Однако чувствуется, что некоторые современные авторы испытывают дискомфорт, ставя глаголы-предикаты в форму женского рода. Поэтому говорящие «подстраховываются», используя

рядом с существительными мужского рода существительные женского рода, например:

«Нас **пригласила** к себе **мамина подруга, зубной врач...**» (В. Шапко «Синдром веселья Плуготаренко». URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>, дата обращения 05.08.2022).

В данном случае существительное *подруга* однозначно требует женского рода предиката, и грамматическая проблема снимается сама собой.

Что касается имён прилагательных и других атрибутов, то они могут использоваться при существительных и в форме мужского рода (что соответствует литературной норме), и в форме женского рода (что нарушает норму и допустимо только в разговорном стиле речи).

Нормативно атрибут ставится в форму мужского рода:

- 1) у прилагательных: «...**Участковый врач** приходится **заведующей** **двоюродной племянницей**» (А. Сальников «Петровы в гриппе и вокруг него». URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>, дата обращения 05.07.2022);
- 2) у местоимений-прилагательных: «**Сегодня нашим экспертом** будет **начальник** **отдела торговли и бытового обслуживания администрации, профессиональный товаровед** **Вера Владимировна Тихонова**» (Виктор Лихачев «Что вам надо? Шоколада?». URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>, дата обращения 07.07.2021) и других согласуемых атрибутов (причастия, порядкового числительного, слова *один*).

Ненормативно атрибут ставится в форму женского рода и выражается:

- 1) прилагательным, в том числе местоименным: «**К дверям** здания **быстро** **прошла** **белая врач** с **медицинским баулом...**» (В. Шапко «Синдром веселья Плуготаренко». URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>, дата обращения 12.03.2022); «**Другая врач** **приехала** из **ГДР** и **привезла** **бигуди** **совсем нового типа**» (И. Грекова «Дамский мастер». URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>, дата обращения 11.10.2021);
- 2) причастием, в том числе с зависимыми словами: «**Плачущая администратор** **просила** **сдать билет**, **сказав**, **что** **в театре** **начался срочный ремонт** и **вечер отменяется**» (И. Вирабов «Андрей Вознесенский». URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>, дата обращения 12.03.2022); «...**Любез-**

но пояснила **редактор** **передачи** «**Женский взгляд**», **считавшая** **себя** **примой телеканала**.» (Елена Сафронова «Так проходит слава земная». URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>, дата обращения 09.12.2021). В последнем случае разговорный оттенок практически не ощущается.

Пражская грамматика («Русская грамматика», изданная в Праге в 1979 году, т. е. практически одновременно с АГ-80) пишет: «Вполне обычные конструкции типа *наша врач (наша профессор, наша староста...)* сказала...» [1. С. 318–319]. Такое выражение и определение рода существительных переходного к общему роду «синтаксическими средствами в связи с наличием возможности выбора формы атрибута и предиката в еще большей степени отражает особенности аналитического языка» [15. С. 345].

Однако важным моментом является то, что примеры ненормативного семантического согласования имени прилагательного в сочетании с косвенным падежом существительных мужского рода почти не встречаются. Об этом говорят многие современные исследователи, например И. Г. Милославский: «...Слова обозначенной группы, пусть и с трудом, но допуская согласованные формы женского рода в именительном падеже, никогда не допускают формы женского рода в косвенных падежах: у *нашей декана, к опытной бухгалтеру*» [7. С. 56]. У А. А. Зализняка аналогичная точка зрения: «На косвенные падежи, однако, эта тенденция почти не распространяется <...>» [4. С. 68–69].

Другие способы выражения женского пола существительными переходного к общему роду

Говорящему часто бывает необходимо сообщить, о лице какого пола идёт речь, поэтому у адресанта возникает потребность использовать согласуемую форму именно в женском роде. Однако проблема употребления существительных мужского рода для обозначения женщин может решаться говорящими и в обход приема семантического согласования. К примеру, такое существительное может быть поставлено в ряд однородных членов или иметь приложение с именами женского рода, однозначно указывающими на женский пол, например:

«**Муниципальный депутат** **Пресненского района, велоактивистка, редактор** **журнала AD.**» (Алексей Радченко, Мария Наумова «Москва станет пешеходной». URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>, дата обращения 05.07.2022).

Кроме того, можно включить в предложение имя и фамилию женщины:

«...**Главный редактор** журнала “Сеанс” **Любовь Аркус**» (Елена Анисимова «Гид: по довла-товскому фестивалю <День Д>». URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>, дата обращения 23.07.2022).

Бывает и сочетание разных средств указания на пол:

«**Вика Кисимьяка, ютуб-блогер и ведущая ка-налов о комиксах и кинокомиксах**» (Алиса Загряд-ская «Мой лучший друг меня не знает». URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>, дата об-ращения 21.08.2021).

«Существуют слова-феминитивы, которые ис-пользуются уже давно и не вызывают никаких вопросов» [8. С. 538]. Многие существительные переходного к общему рода могут заменяться со-ответствующими феминитивами: *герой* — *герои-ня*, *лаборант* — *лаборантка*, *учитель* — *учитель-ница* и др. Это свойственно словам, феминитивы которых достаточно хорошо закрепились в язы-ке и не несут оттенков разговорности. Например, вместо слова *абитуриент* для обозначения жен-щин используется слово *абитуриентка*:

«**По лицам экзаменационной комиссии абиту-риентка поняла, что ее слышно далеко за преде-лами института**» (Ольга Демьянова «Неважная театральная жизнь». URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>, дата обращения 01.07.2022).

Само слово *абитуриент* обозначает как муж-чин, так и женщин и может употребляться в обоб-щённом значении без указания на пол лица:

«**Как бы абитуриент ни подавал документы, желательно заранее заполнить анкету абиту-риента на сайте приёмной комиссии**» (Три са-мых распространенных вопроса абитуриента «За науку». URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>, дата обращения 05.07.2022).

Заключение

Итак, в современном русском языке наблюда-ются определённые, в том числе новые законо-мерности при согласовании с другими словами в предложении существительных переходного к общему рода, обозначающих лиц женского пола.

В соответствии с грамматической нормой гла-голы-сказуемые в описываемых случаях обычно ставятся в женском роде (*Врач сказала*), то есть согласуются семантически. Однако имена при-лагательные и другие атрибуты, которые норма-тивно должны согласовываться грамматически и стоять в мужском роде (*Она хорош-ий врач*), также испытывают тенденцию к семантическо-му согласованию (*Она хорош-ая врач*).

Возможно, это связано с общей направленно-стью языка на прагматичность, удобство для го-ворящих: главными критериями становятся по-нятность речи, способность языка точно транс-линировать смысл и удовлетворять потребности го-ворящих. Кроме того, расширение возможности использования согласующихся с указанными су-ществительными слов женского рода может от-ражать распространение в языке феминизма и по-степенное устранение гендерной асимметрии. Язык социально обусловлен, и в настоящий мо-мент, когда роль женщины в обществе становится всё более значимой, когда женщины и мужчины уравниваются в правах и обязанностях, андро-центризм становится всё менее актуальным. Это вызывает колебания в употреблении слов муж-ского рода, по-прежнему используемых для обо-значения лиц женского пола.

Данная тенденция, по нашему мнению, свиде-тельствует о расшатывании указанной литера-турной нормы и о расширении зоны семантиче-ского согласования при употреблении существи-тельных переходного к общему рода.

Список источников

1. Vilma BARNETOVA, Helena BĚLIČOVÁ-KŘIŽKOVÁ, Oldřich LEŠKA et al. Русская грамматика. Praha : Acad., 1979. 664 с.
2. Граудина Л. К. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического сло-варя вариантов. М. : Наука, 1976. 456 с.
3. Жорж Т. К. Феминитив: лингвистический аспект и проблема перевода // Преподаватель XXI век. 2018. № 4-2. С. 356–363.
4. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М. : Наука. 1967. 370 с.
5. Ким И. Е. Согласование в русском языке: морфологическая, синтаксическая и семантическая сущ-ность // Северо-Западный лингвистический журнал. 2023. № 2 (7). С. 9–24.
6. Кирилина А. В. Гендер и язык. М. : Языки славянской культуры, 2005. 622 с.
7. Милославский И. Г. Человек: пол неизвестен, а род мужской, и это не сексизм // Русская речь. 2017. № 1. С. 50–59.

8. Первак В. А. Феминитивы в русском языке // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития : сб. материалов IV Междунар. науч.-практ. конф. Минск : Изд-во БГУ, 2020. С. 536–540.
9. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М. : Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
10. Русская грамматика. В 2 т. Т. 2: Синтаксис / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Наука, 1980. 710 с.
11. Русский язык и советское общество: Социолингвистическое исследование. В 4 т. Т. 1: Лексика современного русского языка / под ред. М. В. Панова. М. : Наука, 1968. 367 с.
12. Ряжских Е. А. «Известная блогер»: о проблеме смыслового согласования существительных мужского рода, именующих лиц женского пола (из практики преподавания студентам факультета журналистики) // Вестник Воронежского государственного университета. 2022. № 1. С. 65–67.
13. Тарасенко Р. В. Слова общего рода в русском языке : дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. 158 с.
14. Шанский Н. М. Современный русский язык : учебник. В 3-х ч. Ч. 2: Словообразование. Морфология. М. : Просвещение, 1987. 256 с.
15. Ян Нань. О нормативном и новом в грамматической категории рода у существительных-антропонимов // Преподаватель XXI век. 2023. № 1. С. 340–347.

References

1. Barnetova V, Běličová-Křížková H, Leška O et al. Russian grammar. Praha: Acad.; 1979. 664 p. (In Russ.).
2. Graudina LK. Grammaticheskaya pravil'nost' russkoy rechi. Opyt chastotno-stilisticheskogo slovary variantov = Grammatical correctness of Russian speech. The experience of a frequency-stylistic dictionary of variants. Moscow: Nauka; 1976. 456 p. (In Russ.)
3. Georges TK. Feminitiv: linguistic aspect and the problem of translation. *Prepodavatel' XXI vek = Teacher XXI century*. 2018;(4-2):356-363. (In Russ.).
4. Zaliznyak AA. Russkoye imennoye slovoizmeneniye = Russian nominal inflection. Moscow: Nauka; 1967. 370 p. (In Russ.).
5. Kim IE. Coordination in the Russian language: morphological, syntactic and semantic essence. *Severo-Zapadnyj lingvisticheskij zhurnal = Northwestern Linguistic Journal*. 2023;(2(7):9-24. (In Russ.).
6. Kirilina AV. Gender and language. Moscow: Languages of Slavic culture; 2005. 622 p. (In Russ.).
7. Miloslavsky IG. Human: sex is unknown, but gender is male, and it's not sexism. *Russkaya rech' = Russian speech*. 2017;(1):50-59. (In Russ.).
8. Pervak VA. Feminitives in the Russian language. In: *Lingvistika, lingvodidaktika, lingvokul'turologiya: aktual'nye voprosy i perspektivy razvitiya = Linguistics, linguodidactics, linguoculturology: topical issues and prospects of development*. Minsk: BSU; 2020. Pp. 536-540. (In Russ.).
9. Peshkovsky AM. Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii = Russian syntax in scientific coverage. Moscow: Languages of Slavic culture; 2001. 544 p. (In Russ.).
10. Shvedova NYu (ed.) Russkaya grammatika. V 2 t. T. 2: Sintaksis = Russian Grammar: in 2 vol. Vol. 2: Syntax. Moscow: Nauka; 1980. 710 p. (In Russ.).
11. Panov MV. Russkiy yazyk i sovetskoye obshchestvo: Sotsiolingvisticheskoye issledovaniye. V 4 t. T. 1: Leksika sovremennogo russkogo yazyka = Russian language and Soviet society: Sociolinguistic research. In 4 vol. Vol. 1: Vocabulary of the modern Russian language. Moscow: Nauka; 1968. 367 p. (In Russ.).
12. Ryazhskikh EA. "Famous blogger": on the problem of semantic agreement of masculine nouns naming female persons (from the practice of teaching students of the Faculty of Journalism). *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Voronezh State University*. 2022;(1):65-67. (In Russ.).
13. Tarasenko RV. Slova obshchego roda v russkom yazyke = Words of the general gender in the Russian language. Thesis. Moscow; 1994. 158 p. (In Russ.).
14. Shansky NM. Sovremennyy russkiy yazyk: uchebnik. V 3 ch. Ch. 2: Slovoobrazovaniye. Morfologiya = Modern Russian language: Textbook. In 3 parts. Part 2: Word formation. Morphology. Moscow: Prosvesheniye, 1987. 256 p. (In Russ.).
15. Yang Nan. On the normative and new in the grammatical category of gender in anthroponymic nouns. *Prepodavatel' XXI vek = Teacher of the XXI century*. 2023;(1):340-347. (In Russ.).

Сведения об авторах

Ян Нань — аспирант кафедры русского языка филологического факультета (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова); преподаватель (Харбинский научно-технический университет).

Е. И. Литневская — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры русского языка филологического факультета.

Information about the authors

Yang Nan — postgraduate student, Department of Russian Language, Faculty of Philology (Lomonosov Moscow State University); Senior Lecturer (Harbin University of Science and Technology).

Elena I. Litnevskaya — Cand. of Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Associate Professor of the Russian Language Department.

Статья поступила в редакцию 11.10.2022; одобрена после рецензирования 23.05.2023; принята к публикации 02.10.2023.

The article was submitted 11.10.2022; approved after reviewing 23.05.2023; accepted for publication 02.10.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'23

doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-21-28

СЕМАНТИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖНЫХ СЛЕНГИЗМОВ И ЖАРГОНИЗМОВ СФЕРЫ ВИДЕОИГР И АНИМЕ

Ольга Викторовна Торопчина¹✉, Михаил Сергеевич Власов²,
Ирина Петровна Исаева³, Елена Сергеевна Замашанская⁴

¹ Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В. М. Шукшина, Бийск, Россия, olatoro@mail.ru, ORCID: 0009-0002-6289-0451

² Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия, vlasov@bigpi.biysk.ru, ORCID: 0000-0001-7848-5114

³ Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия, isaeva_ip@inbox.ru, ORCID: 0000-0002-4323-2923

⁴ Бийский технологический институт (филиал) Алтайского государственного технического университета имени И. И. Ползунова, Бийск, Россия, zamashanskaia@mail.ru, ORCID: 0009-0007-8397-209X

Аннотация. В статье описана проблема семантизации молодежных разговорных сленгизмов и жаргонизмов сферы видеоигр и субкультуры аниме. В ходе исследования были установлены актуальные функциональные значения тематически связанных сленгизмов и жаргонизмов посредством выявления частот тематически связанных слов на уровне их парадигматических отношений, а также на уровне их линейного развертывания, представленных в синтагматических реакциях (коротких текстах), которые были получены в ходе онлайн-опроса среди школьников и студентов профессиональных образовательных организаций г. Бийска Алтайского края.

Ключевые слова: семантизация, молодежный сленг, жаргон, аниме, видеоигры, геймеры

Для цитирования: Торопчина О. В., Власов М. С., Исаева И. П., Замашанская Е. С. Семантизация молодежных сленгизмов и жаргонизмов сферы видеоигр и аниме // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 9 (479). С. 21–28. doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-21-28

Original article

SEMANTIZATION OF YOUTH SLANGISMS, VIDEO GAMES AND ANIME JARGONISMS

Olga V. Toropchina¹✉, Mikhail S. Vlasov², Irina P. Isaeva³, Elena S. Zamashanskaya⁴

¹ Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy, Biysk, Russia, olatoro@mail.ru, ORCID: 0009-0002-6289-0451

² Perm State National Research University, Perm, Russia, vlasov@bigpi.biysk.ru, ORCID: 0000-0001-7848-5114

³ Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia, isaeva_ip@inbox.ru, ORCID: 0000-0002-4323-2923

⁴ Biysk Technological Institute — Branch of Polzunov Altai State Technical University, Biysk, Russia, zamashanskaia@mail.ru, ORCID: 0009-0007-8397-209X

Abstract. The article describes the problem of semantization of youth slangisms, video games and anime jargonisms. In the course of the study, the actual functional meanings of thematically related slangisms and jargonisms were established by identifying the frequencies of thematically related words at the level of their paradigmatic relations, as well as at the level of their linear expansion, presented in syntagmatic reactions (short texts), which were obtained during an online survey among schoolchildren and college students in Biysk, the Altai Territory.

Keywords: semantization, youth slang, jargon, anime, video games, gamers

For citation: Toropchina OV, Vlasov MS, Isaeva IP, Zamashanskaya ES. Semantization of youth slangisms, video games and anime jargonisms. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(9(479):21-28. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-21-28

Введение

Создание словарей и лексических баз данных нового типа — это «импульс для развития лексической семантики» [8]. В центре внимания лингвистов, занимающихся данным направлением, находится вопрос об «исчерпывающем и неизбыточном толковании лексических значений» [1] и выражении актуальных для носителей языка системных (парадигматических, синтагматических) отношений лексических единиц в толкованиях активной лексики языка.

Например, известно, что разговорный и особенно сленговый пласт лексики современного языка — это динамичная система, в которой происходит постоянная актуализация тех или иных значений слов, устаревание и пополнение узуса новыми единицами словаря. Так, к примеру, слово *post* за последние годы приобрело новые лексические значения, причем для разных групп населения актуальное доминантное значение данного слова будет различным: для пользователей социальными сетями *post* — это интернет-публикация, для активных автомобилистов — место, пункт ДПС (обычно оснащённый техническими устройствами), а для глубоко верующих людей — религиозная традиция. Данная дифференциация важна не только для теоретических, но и практических задач: оптимизации поисковой выдачи пользователям различного возраста и социального статуса, разработки методов дистрибутивной семантики для систем искусственного интеллекта [набора матриц сочетаемости лексических единиц с другими лексическими единицами, представления значений лексических единиц в виде векторов их сем (квазисинонимов)], диагностики поведенческих и других особенностей пользователей социальных сетей по созданным ими текстам. В подобных случаях целесообразно изучать такое явление как *семантизация*, то есть выявление значения лексической единицы, как правило, используемое в лексикографических работах, посвященных проблемам толкования [7. С. 566; 13], а также в методике преподавания иностранного языка [5. С. 273; 11].

Семантизация — это и процесс экспликации значения слова, и результат данного процесса, и в последнем случае вербальная семантизация синонимична терминам «дефиниция» и «толкование». Исследование семантизации позволяет устанавливать связи вербального и невербального, формального и семантического в процессах означивания, рассматривать ненормативные толкования как закономерные [12]. Под обыденной

семантизацией понимается «форма метаязыковой деятельности рядового носителя языка, направленная на экспликацию мыслительного содержания, репрезентируемого словом в его (носителя) языковом сознании» [6. С. 205].

В поле нашего исследовательского внимания — семантизация сленга современной молодежи и жаргона двух социальных групп (фанатов аниме и видеоигр) наивными носителями русского языка. Вопрос о разграничении понятий сленг и жаргон достаточно условный, однако ранее в статье М. С. Власова и соавторов [4. С. 5] были введены «рабочие» определения данным понятиям. В нашем исследовании сленг, в отличие от жаргона, мы рассматриваем как достаточно понятный современной молодежи лексикон, в то время как использование жаргонизмов является характерным для лексикона более или менее закрытых социальных групп, субкультур, групп по интересам (жаргон фанатов аниме, геймерский жаргон).

Выбор для анализа сленга и жаргона двух данных субкультур обусловлен недавно выявленным рейтингом популярности субкультур в регионах России. Так, согласно данным Н. Н. Ростовской, субкультура аниме занимает лидирующую позицию среди более 12 000 опрошенных респондентов [10]. Для сравнения частотности жаргонизмов другой субкультуры была выбрана субкультура геймеров, которая является одной из относительно новых среди сообществ по интересам [9]. Жаргоны фанатов аниме и видеоигр рассматриваются как различные типы лексиконов со своей спецификой. Так, например, жаргоны поклонников видеоигр и аниме будут отличаться набором единиц пассивного словаря (для первого наиболее свойственны заимствования из английского языка, а для второго — из японского языка) [2. С. 27]. Однако, как мы считаем, они наиболее распространены в интернет-пространстве. Кроме того, приверженцы данных субкультур имеют склонность к погружению как в виртуальную деятельность, так и в социолект своей группы. Употребление жаргона, учитывая частотность, контекст, эмоционально-экспрессивную окраску, является индикатором вовлеченности в ту или иную субкультуру [3. С. 49]. Известны случаи, когда подросток, увлекаясь той или иной субкультурой, становится жертвой аддиктивного и антисоциального поведения, хотя однозначного ответа о вреде или пользе видеоигр или аниме для когнитивного и психоэмоционального развития подростков на данный момент

не найдено. Но некоторые ученые увлечение аниме [14] и видеоиграми [15] связывают с повышенной тревожностью, агрессивностью, депрессивностью и суицидальным поведением молодежи. Анализ формирования деструктивных тенденций в современных молодежных субкультурах представлен в обзоре Н. Н. Ростовской [10].

Важно отметить, что жаргон и другая специфическая (в том числе терминологическая) лексика — это обязательный элемент общения членов любого сообщества, а также динамичный пласт лексики современного русского языка, требующий детального изучения ее семантизации. Исследований подобного рода по-прежнему недостаточно, прежде всего, из-за нехватки системных описаний современного молодежного сленга и жаргона различных субкультур, поскольку кодификация данного пласта лексики русского языка весьма затруднена вследствие архаизации одних единиц и постоянного появления новых единиц сленга и жаргона. Актуальность изучения языковых проявлений общих и субкультурных интересов школьников в живой устной и сетевой коммуникации обусловлена недостаточностью четких и однозначных научных подходов к толкованию, а также к распознаванию сленгизмов и жаргонизмов как в письменной (электронной), так и устной коммуникации.

Материалы и методы исследования

Предмет нашего исследования — семантизация актуального молодежного сленга и жаргона двух наиболее часто встречающихся групп (субкультур) в России: поклонников видеоигр и аниме.

Гипотезой нашего исследования является следующее утверждение: «размытость» лексического значения сленгизмов или жаргонизмов, отсутствие строгих словарных дефиниций приводит носителей данных социолектов к интуитивному контекстуальному использованию тех или иных слов, например, даже у популярного слова кринж не существует единственной точной дефиниции. Таким образом, экспликация семантизации данного пласта субстандартной лексики (в отличие от общеупотребительной, терминологической и т. п.) возможна только путем психолингвистических опросов и экспериментов.

Цель настоящего исследования — установить актуальное функциональное значение тематически связанных сленгизмов и жаргонизмов через выявление частот тематически связанных слов (парадигматических реакций) и некоторых линг-

вистических качественных и количественных показателей коротких текстов (синтагматических реакций), полученных от наивных носителей русского языка в ходе опроса. Для достижения поставленной цели использовались количественные и качественные методы обработки данных. Частотный анализ проводился в среде R-studio (далее — R) с использованием пакета *tm*.

Материалом исследования послужили реакции наивных носителей русского языка, полученные в ходе онлайн-опроса, организованного при помощи сервиса «Гугл-формс». Участникам для заполнения была предложена анкета с инструкцией и заданиями.

В исследовании принял участие 91 человек. Из них 69,2 % — участницы женского пола, 30,8 % — мужского. Средний возраст — 16,7 лет, стандартное отклонение — 3,46.

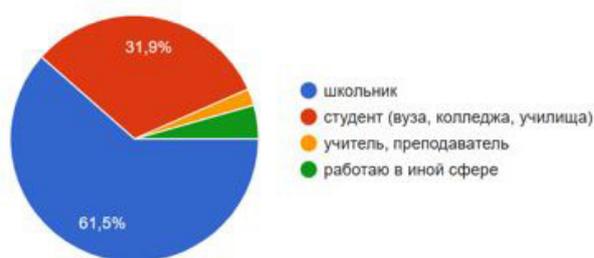

Рис. 1. Распределение участников опроса по социальному статусу

Fig. 1. Distribution of survey participants by their social status

Среди участников основную часть составили школьники (61,5 %), студенты (31,9 %), 2,2 % молодых педагога (по 22 года), 4,4 % — работающие в иной от образования сфере. Реакции всех участников по критерию возраста было решено оставить для дальнейшего анализа их реакций.

Участникам опроса предлагалось два задания:

- 1) продолжить ряд слов по теме (напечатать слова через пробел): а) *ап, баг, гамать, катка, нуб, ...*; б) *манга, мангака, тян, хасбендо, нэко, ...*; в) *краш, рофл, чил, шипперить, вайб, ...*;
- 2) составить небольшой рассказ, используя эти же слова или другие слова данной темы.

Таким образом, все стимулы и реакции распределялись по трем лексико-тематическим группам: 1) жаргон геймеров (*ап, баг, гамать, катка, нуб* и др.); 2) жаргон фанатов аниме (*манга, мангака, тян, хасбендо, нэко* и др.); 3) молодежный сленг (недифференцированный, используемый разными молодежными субкультурами: *краш, рофл, чил, шипперить, вайб* и др.).

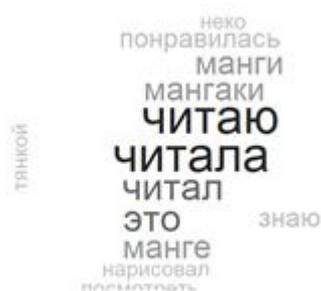

Рис. 5. Облако слов для тематически связанных жаргонизмов (контексты): жаргон фанатов аниме

Fig. 5. Word cloud for thematically connected jargonisms (contexts): anime fan jargon

Рис. 6. Облако слов для тематически связанных жаргонизмов (контексты): молодежный сленг

Fig. 6. Word cloud for thematically connected jargonisms (contexts): youth slang

Рис. 7. Облако слов для тематически связанных жаргонизмов (контексты): молодежный сленг

Fig. 7. Word cloud for thematically connected jargonisms (contexts): youth slang

Более интересными для анализа представляются контексты. Согласно анализу облаков слов по контекстам видно, что в текстах носителей языка, повествующих о видеоиграх, несомненно, опорным словом стало слово «катка» (игра), а в повествованиях об аниме ключевым словом стал глагол «читать». Видимо, в этом проявляется некоторая ядерная пропозиция, связанная с данными субкультурами: игра у геймеров и чтение манги у поклонников аниме. Наименее лексически разнообразными отмечены контексты с использованием молодежного сленга, в которых слова *кринж* и *треш* значительно чаще ис-

пользовались носителями языка, чем другие лексические единицы. *Кринж* и *треш* в разговорной речи чаще всего употребляются в качестве наречий и междометий, что, по-видимому, и отражает в определенной мере сущность молодежного сленга: основную роль он играет в выражении оценки и эмоций, в отличие от жаргонизмов, где более важным становится сама деятельность субкультуры (в нашем случае — игра или чтение).

При создании коротких текстов часть слов наши участники повторяли из предложенного стимульного списка слов, что можно назвать условным «центром» семантизации трех тематических групп слов («центры семантизаций» представлены на графиках облаков слов).

Однако вокруг данного центра семантизации образовалась своего рода периферия (более редкие реакции), отражающая активные процессы в молодежном сленге и жаргоне. Так, в периферию семантизации жаргонизмов геймеров попали такие слова, как: *бан*, *пруф*, *задрот*, *рипнуться*, *пайплайн*, *краш*, *треш*, *свег*, *дед инсайд*, *бот*, *слит*, *имба*, *кринж*, *станить*, *фармить*, *стоник*, *чел*, *гигачад*, *слив*, *хелпа*, *гг*, *тима*, *раков*, *ливаю*, *тиммейт*, *киннить*, *позер*, *читак* и другие слова. Нужно отметить, что большая часть жаргонизмов геймеров — это освоенные заимствования из английского языка. Можно отметить, что появляются новые словообразовательные модели, характерные для грамматики русского языка. Например, *хелпа* (от англ. help — помощь) означает оказывать содействие, то есть помогать человеку в игре; *хелпа* — это некий круг лиц, например, «гетто фама», который приходит к лидеру и помогает тому воевать, иногда безвозмездно, но чаще за деньги. Таким образом, в именительном падеже добавляется окончание *-а* для того, чтобы отразить грамматическое значение женского рода для данного жаргонизма. Такие жаргонизмы, как *станить* (от англ. stun оглушение) — оглушать противника и *фармить* (от англ. farm — ферма, хозяйство) — накапливать полезные ресурсы в игре, приобретают форму глаголов русского языка, образованных от существительного при помощи суффикса — *и*.

Оценка жаргона, связанного с аниме, несколько проще, поскольку основную часть лексики составляют заимствованные из японского языка слова, связанные с данной субкультурой¹, например, *кавайи* — японское слово, означающее

¹ Термины и понятия аниме и манги // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Термины_и_понятия_аниме_и_манги (дата обращения: 16.05.2023).

«милый», «прелестный», «хорошенький»; *сэмпай* — человек, у которого больше опыта в той или иной области; *кохай* — противоположное понятие: человек, менее опытный в некоторой сфере занятий; *сэнсэй* — японское вежливое обращение к учителю, врачу, начальнику и другим вышестоящим лицам или лицам являющимся старшими по возрасту и др.

В «ядро» семантизации жаргонизмов данной субкультуры попал глагол *читать*, а «периферия» представлена несколько иными реакциями. Так, часть из указанных малочастотных слов связана с различными видами комиксов: *манхва* (корейская манга), *маньхуа* (китайские комиксы), *румманга* (комиксы на русском языке, действие в которых может происходить как в России, так и в Японии) и др. Другая часть жаргонизмов отражает литературные направления, жанры и поджанры аниме, в том числе специфические, романтизирующие нетрадиционные романтические и сексуальные отношения: *ранобэ*, *ванишот*, *гуро*, *лоликон*, *исэкай*, *хентай*, *юри*, *яой*, *сёнен*, *сёнэн-ай*, *бара*, *крипинаста* и др. Также «на периферии» оказалась лексика, связанная с некоторыми архетипами героев аниме и именами популярных персонажей: *Аро*, *Наруто*, *Ханако*, *гуль*, *яндэрэ*, *цундэрэ*, *кун хикка*, *кошка-девочка*, *токкэби* и др.

Интересно, что наиболее однообразной лексикой наши участники воспользовались при создании текстов, в которых использовались молодежные сленгизмы. Помимо очень частотных слов *кринж* и *треш* на стимульный ряд слов (*краш*, *рофл*, *чил*, *шипперить*, *вайб*) мы получили такие реакции, как *хайп*, *пруф*, *соулмейт френдзона*, *агриться*, *ауф*, *жиза*, *запилить*, *рофл*, *имба*, *лутый вайб*, *дрипсет*, *тролль*, *заиквар*, *кринге*, *гайд*, *боже чел*, *пэринг*, *киннить*, *изи*, *крипово*, *дед инсайд*, *буллить*, *войсить*, *криповый*, *пруф*, *токсик*, *хейт*, *абьюзер*, *скилл*, *чел*, *флекс*, *дефолт*, *тильт*, *цбшник*, *чуитс*, *лол*, *ору*, *рили*, *по рофлянчику*. Подавляющее большинство молодежных сленгизмов — заимствования из английского языка. Они также отчасти осваиваются носителями русского языка по законам русской морфологии, например, сленгизм *криповый* образован от *крип* (англ. *сгееру*), что значит жуткий, броса-

ющий в дрожь; *киннить* образовано от английского слова *kin*, что переводится как «родственный» или «близкий», поэтому большинство современных подростков употребляют его в переносном значении, называя «кинами» людей, с которыми сравнивают себя или на которых хотят быть похожими; *по рофлянчику* образовано от аббревиатуры ROFL (*Rolling On Floor Laughing*, что расшифровывается как «катаюсь по полу от смеха») — употребляется как наречие со значением «смеясь до упаду, буквально катаясь по полу от смеха». Как видим, молодежный сленг является наименее разнообразным пластом лексики современных школьников и студентов ПОО г. Бийска.

Выводы

Проведенное исследование показало, что актуальное функциональное значение тематических связанных слов жаргонной и сленговой лексики возможно выявить посредством частотного анализа парадигматических (слова, относящиеся к одной тематической группе) и синтагматических реакций (короткие тексты), полученных от носителей русского языка с помощью проведенного опроса. Частотный анализ субстандартной лексики представляет собой нетривиальную задачу как для теоретической лингвистики (определение границ семантизации сленгизмов и жаргонизмов, их контекстуального окружения, денотативных и коннотативных характеристик их значения), так и для прикладной лингвистики (например, вычисление семантической близости между различными сленговыми или жаргонными словами в больших массивах текстовых данных для систем искусственного интеллекта или усовершенствование выдачи результатов интернет-поисковиков). Ещё одной перспективой исследования является то, что дальнейшее изучение семантизаций молодежных сленгизмов и жаргонизмов позволит создать своего рода новый инструмент диагностики речи — некий психо- и социолингвистический индикатор приверженности подростков к той или иной закрытой социальной группе или молодежной субкультуре на основе анализа их языкового поведения в социальных сетях.

Список источников

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М., 1974. 366 с.
2. Власов М. С. Проблемное использование интернета как предиктор скорости распознавания сетевых жаргонизмов в задаче дуального лексического решения (на примере выборки учащейся молодежи Алтайского края) // Мир человека в фокусе психологических метапрактик : материалы VIII Сибирского психологического форума (Международ. науч. конференции). Томск, 2022. С. 27–30.

3. Власов М. С., Торопчина О. В., Гришакова Т. В. Почему молодежь использует сленг и зачем педагогу следует его понимать? // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания : материалы VII Междунар. науч. конф. Бийск : АГГПУ им. В. М. Шукшина, 2022. С. 47–50.
4. Власов М. С., Трофимова У. М., Подрезов М. В., Абдуллина У. В. Связь частотности и эмотивности молодежных сленгизмов русского языка (на материале психолингвистической базы данных) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 5–15. doi: 10.17223/15617793/457/1
5. Глухов Б. А., Щукин А. Н. Термины методики преподавания русского языка как иностранного. М., 1993. 369 с.
6. Голев Н. Д. Обыденное и профессиональное лексикографирование: аспекты и оппозиции // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты : коллективная монография: в 3 ч. / отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово : Кемеров. гос. ун-т, 2010. Ч. 3. С. 219–251.
7. Дудкина В. Г. Семантизация лексики и типы лексикографических дефиниций // Язык. Текст. Дискурс. 2010. № 8. С. 566–574.
8. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М., 2000. 350 с.
9. Кропачева М. А., Литвинова Е. С. Субкультура геймеров, единая и делимая // Социо- и психолингвистические исследования. 2013. Вып. 1. С. 74–77.
10. Ростова Н. Н. Молодежные субкультуры России и формирование деструктивных тенденций // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2021. № 2 (2). С. 24–30.
11. Ручина Л. И., Горшкова Т. М. Новые подходы к семантизации лексики // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2021. № 5. С. 218–221.
12. Трофимова У. М. О некоторых особенностях семантизаций тематически связанных слов в психолингвистическом эксперименте // Вопросы филологии. 2005. № 1. С. 33–35.
13. Яичникова О. В. Остенсивная семантизация лексических единиц в словаре : дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 236 с.
14. Liu Y., Liu Y., & Wen J. Does anime, idol culture bring depression? Structural analysis and deep learning on subcultural identity and various psychological outcomes // Heliyon. 2022. № 8 (9). e10567. doi: 10.1016/j.heliyon.2022.e10567.
15. Stockdale L., Coyne S. M. Video game addiction in emerging adulthood: Cross-sectional evidence of pathology in video game addicts as compared to matched healthy controls // Journal of affective disorders. 2018. № 225. P. 265–272. doi: 10.1016/j.jad.2017.08.045.

References

1. Apresjan YuD. Leksicheskaja semantika: sinonimicheskie sredstva jazyka = Lexical semantics: synonymous means of language. Moscow; 1974. 366 p. (In Russ.).
2. Vlasov MS. Problematic use of the Internet as a predictor of the recognition speed of network jargonisms in the task of dual lexical solution (on the example of a sample of students of the Altai Territory). In: Mir cheloveka v fokuse psihologicheskikh metapraktik = The human world in the focus of psychological metapractices. Tomsk; 2022. Pp. 27–30. (In Russ.).
3. Vlasov MS, Toropchina OV, Grishakova TV. Why do young people use slang and why should a teacher understand it? In: Obshheteoreticheskie i tipologicheskie problemy jazykoznanija = General theoretical and typological problems of linguistics. Biysk; 2022. Pp. 47–50. (In Russ.).
4. Vlasov MS, Trofimova UM, Podrezov MV, Abdullina UV. The relationship between word frequency and affective characteristics of youth slang words in Russian (evidence from a psycholinguistic database). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*. 2020;(457):5-15. (In Russ.).
5. Gluhov BA, Shchukin AN. Terminy metodiki prepodavaniya russkogo jazyka kak inostrannogo = Terms of methods of teaching Russian as a foreign language. Moscow; 1993. 369 p. (In Russ.).
6. Golev ND. Naïve and professional lexicography: aspects and oppositions. In: Obydennoye metayazykovoye soznaniye: ontologicheskkiye i gnoseologicheskkiye aspekty = Ordinary metalinguistic consciousness: ontological and epistemological aspects. Kemerovo; 2010. Pp. 219–251. (In Russ.).
7. Dudkina VG. Semantization of the vocabulary and types of lexicographic definitions. *Jazyk. Tekst. Diskurs = Language. Text. Discourse*. 2010;(8):566-574. (In Russ.).
8. Kobozeva IM. Lingvisticheskaja semantika = Linguistic semantics. Moscow; 2000. 350 p. (In Russ.).

9. Kropacheva MA, Litvinova ES. Subculture of gamers, one and undivided. *Socio- i psiholingvistiche issledovaniya = Social and psycholinguistic studies*. 2013;(1):74-77. (In Russ.).
10. Rostova NN. Youth subcultures of Russia and the formation of destructive tendencies. *Vestnik obshchestvennyh i gumanitarnykh nauk = Bulletin of Social Sciences and Humanities*. 2021;(2(2):24-30. (In Russ.).
11. Ruchina LI, Gorshkova TM. New approaches to the semantization of lexical units. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2021;(5):218-221. (In Russ.).
12. Trofimova UM. On some features of semantization of thematically related words in a psycholinguistic experiment. *Voprosy filologii = Journal of Philology*. 2005;(1):33-35. (In Russ.).
13. Jaichnikova OV. Ostensivnaya semantizatsiya leksicheskikh yedinit v slovare = Ostensive semantization of lexical units in a dictionary. Thesis. Moscow; 1999. 236 p. (In Russ.).
14. Liu Y, Liu Y, Wen J. Does anime, idol culture bring depression? Structural analysis and deep learning on subcultural identity and various psychological outcomes. *Heliyon*. 2022;(8(9)). doi: 10.1016/j.heliyon.2022.e10567.
15. Stockdale L, Coyne SM. Video game addiction in emerging adulthood: Cross-sectional evidence of pathology in video game addicts as compared to matched healthy controls. *Journal of affective disorders*. 2018;(225). doi: 10.1016/j.jad.2017.08.045.

Информация об авторах

О. В. Торопчина — преподаватель кафедры русского языка и литературы.

М. С. Власов — кандидат филологических наук, доцент, научный сотрудник учебно-научной лаборатории социокогнитивной и компьютерной лингвистики.

И. П. Исаева — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии.

Е. С. Замашанская — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин.

Information about the authors

Olga V. Toropchina — Lecturer of the Department of Russian Language and Literature.

Mikhail S. Vlasov — Cand. of Sci. (Philology), Associate Professor, researcher of Educational and Scientific Laboratory of Sociocognitive and Computational Linguistics.

Irina P. Isaeva — Cand. of Sci. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of English Philology.

Elena S. Zamashanskaya — Cand. of Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social and Human Sciences.

Статья поступила в редакцию 08.06.2023; одобрена после рецензирования 27.06.2023; принята к публикации 02.10.2023.

The article was submitted 08.06.2023; approved after reviewing 27.06.2023; accepted for publication 02.10.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.111-26

doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-29-40

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ ВНУТРИ ОДНОЙ И ВНУТРИ ДВУХ НОМИНАЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ)

Лев Морисович Шакирьянов

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия, levshakiryaynov@gmail.com, ORCID: 0000-0001-9478-3867

Аннотация. Статья посвящена исследованию языковых особенностей реализации противопоставления между англоязычными экономическими терминами внутри одной и внутри двух номинаций. Внутри одной номинации анализируются особенности в рамках классификации антонимов по частеречной принадлежности и по способу образования отношений. Внутри двух номинаций исследуются реализация противопоставления при помощи словообразовательных средств, реализация противопоставления при помощи лексико-семантических средств, а также совместная реализация противопоставления при помощи словообразовательных и лексико-семантических средств. В качестве более частных задач исследуются грамматические категории, части речи и словообразовательные части слова с точки зрения реализации противопоставления между антонимическими элементами.

Ключевые слова: английский язык, антонимы, части речи, словообразование, грамматические категории

Для цитирования: Шакирьянов Л. М. Языковые особенности реализации противопоставления внутри одной и внутри двух номинаций (на материале англоязычных экономических терминов) // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 9 (479). С. 29–40. doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-29-40

Original article

LINGUISTIC PECULIARITIES OF OPPOSITIONS WITHIN ONE AND WITHIN TWO NOMINATIONS (BASED ON ENGLISH ECONOMIC TERMS)

Lev M. Shakiryaynov

Bashkir State University, Ufa, Russia, levshakiryaynov@gmail.com, ORCID: 0000-0001-9478-3867

Abstract. The article is devoted to the study of linguistic peculiarities of oppositions between English economic terms, as opposed within one and within two nominations. Within one nomination, we consider the classification of oppositions according to part-of-speech appurtenance and according to the method of forming relations. Within two nominations, we investigate the realization of oppositions based on word-formation, oppositions due to lexico-semantic means, as well as the joint implementation of oppositions based on word-formation and due to lexico-semantic means. As more specific tasks, we analyze grammatical categories, parts of speech and derivational parts of the word from the point of view of implementing the opposition between antonymic elements.

Keywords: the English language, antonyms, parts of speech, word-formation, grammatical categories

For citation: Shakiryaynov LM. Linguistic peculiarities of oppositions within one and within two nominations (based on English economic terms). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(9(479):29-40. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-29-40

Введение

При выявлении особенностей реализации противопоставления внутри одной¹ и внутри двух² англоязычных номинаций³ исследование опирается на работы отечественных и зарубежных исследователей в следующих областях:

- философия и теория познания (Аристотель, Г. Гадамер, Г. Гегель, И. Кант, А. Ф. Лосев, Платон, И. Г. Фихте, Ф. Шеллинг, напр. [2; 3; 6; 12]);
- теория значения и словообразование (Г. Б. Антрушина, Ю. Д. Апресян, О. С. Ахманова, И. М. Кобозева, О. Д. Мешков, Ю. В. Федосов и др., напр. [1; 4; 11]);
- теория антонимии (И. В. Арнольд, О. С. Ахманова, В. А. Иванова, В. Н. Комиссаров, М. Р. Львов, Е. Н. Миллер, Л. А. Новиков, Л. М. Шакирьянов, С. Г. Шафииков, N. Webster, J. Richards, J. Platt, H. Weber и др., напр. [7; 8; 13]);
- теория антонимов как «слов противоположного значения» (В. Н. Комиссаров, А. А. Реформатский) [5; 9];
- теория антонимов как «слов разного звучания, которые выражают противоположные, но соотносительные друг с другом понятия» (Н. М. Шанский) [14];
- теория антонимов как «слов, противоположных по сигнификативному значению» (Ю. С. Степанов) [10];
- теория антонимов как «слов разного звучания, выражающих противоположные, но соотносительные друг с другом понятия» (В. Н. Прохорова);
- теория антонимов как «слов, противопоставленных по самому общему и существенному для их значения семантическому признаку, причем эти слова должны находиться на крайних точках соответствующей лексико-семантической парадигмы» (Д. Н. Шмелев) [15];
- теория антонимов как «лингвистически сопряженных пар слов» (Н. Л. Соколова).

¹ Внутри одной номинации противопоставление рассматривается в рамках классификации антонимов по частеречной принадлежности и по способу образования.

² Внутри двух номинаций противопоставление осуществляется при реализации словообразовательных средств, лексико-семантических средств, а также с помощью совместной реализации противопоставления как словообразовательными, так и лексико-семантическими средствами.

³ Под номинациями в данном случае понимаются конкретные слова и словосочетания.

Под *антонимами* понимаются семантические противоположности, или противоположные семантические единицы в языке и речи, под *антонимией* — сложное структурное объединение, задействующее две и более языковые единицы⁴, которые реализуют (или актуализируют) противопоставление.

*Номинация*⁵ в данной статье — процесс именования посредством соответствующей характеризующей языковой единицы (детерминирующей лексемы) какого-либо объекта или явления в закономерном ряду определенной системы и категории, задействующий слова и словосочетания.

Анализ литературы позволяет на основании простых и сложных структур, в которых задействованы, соответственно, один и два процесса номинации, составить классификацию антонимов, выделив пять их видов.

В простых структурах основополагающими принципами, раскрывающими сущность процессов противопоставления, являются принципы деления антонимов по частеречной принадлежности и по способу образования. В сложных структурах таковыми являются принцип деления реализации антонимии за счет словообразовательных средств, за счет лексико-семантических средств, а также за счет комбинации обоих видов. При этом среди основных показателей антонимии, способствующих дальнейшему классифицированию противоположностей, исследуются грамматические категории, части речи и словообразовательные части слова с точки зрения реализации противопоставления между антонимическими элементами.

Материалы и методы исследования

Цель данной работы заключается в том, чтобы дополнить существующие особенности антонимов⁶ в части их упорядочения при изучении более

⁴ Реализация двух и более языковых единиц подразумевает деление антонимов на контрадикторные, контрарные, несовместимые, конверсивные, комплементарные, реверсивные, контрастирующие и широко контрастирующие.

⁵ Реализация номинации позволяет задействовать слова, словосочетания, слова с дефисным написанием, где каждая из частей контрадикторно противопоставлена другой части, а также слова словосочетания, элементы которого контрастируют за счёт чередования отрицательных и положительных полюсов.

⁶ К особенностям антонимии относятся проблемы их дефиниции и классифицирования. Первая группа дефиниций базируется на философских понятиях «противоположность» и «противопоставление». Вторая группа определений антонимов очерчивает

частных случаев реализации противопоставления между экономическими терминами. Так, для выполнения данной цели ставится задача по исследованию реализации антонимов внутри одной номинации и внутри двух номинаций. Такая классификация содержит деления по грамматическим категориям, частям речи и словообразовательным частям слов. К грамматическим категориям отнесены категории падежа, одушевленности/неодушевленности и числа. Среди частей речи анализируются субстантивы, вербы, адвербы, адъективы, местоимения, предлоги, союзы, частицы. В качестве вербов также исследуются инфинитивы, герундиальные вербы и отглагольные причастия. В качестве адъективов рассматриваются отглагольные адъективы, неотглагольные адъективы, герундиальные адъективы, негерундиальные адъективы. В качестве союзов анализируются соединительные союзы, разделительные союзы и подчинительные союзы. В качестве частиц исследуются частицы *no* и *to*. Среди словообразовательных (и словоизменительных) частей слова выделяются корни слова, аффиксы (суффиксы и префиксы) и окончания. Здесь также отдельно исследуется конверсия как способ словообразования.

Выбор *методов* анализа, использованных в статье, обусловлен ее целью, задачами и характером языкового материала. В ходе исследования применяются такие общенаучные методы, как анализ, синтез, сравнение, обобщение. Для выполнения частных задач используются метод сплошной выборки и экспериментальная методика логико-семантической классификации антонимов. Последняя заключается в упорядочении всевозможных случаев реализации экономических терминов как реализующихся внутри одной номинации и внутри двух номинаций. Методика позволяет выявить две классификации антонимов внутри одной номинации и три классификации антонимов внутри двух номинаций.

границы антонимии путем перечисления основных признаков антонимов в качестве отдельной семантической группы слов при перечислении способов их идентификации. Третья группа определений антонимов фокусирует внимание на функциональном аспекте антонимичных свойств, или употреблении антонимов в речи. Классификации антонимов строятся на основании шести критериев: частеречной принадлежности, морфемной структуры противопоставленных элементов, типа антонимической номинации, лексической сочетаемости антонимов, контекстуального критерия, или степени антонимичности элементов пары, семантического критерия.

Материалом исследования служат экономические термины из Англо-русского экономического словаря под ред. проф., д-ра экон. наук А. В. Аникина¹.

Результаты исследования и их обсуждение

В рамках классификации антонимов внутри одной номинации по частеречной принадлежности возможна реализация антонимии между субстантивами, вербами, адвербами, адъективами, местоимениями, предлогами. Также возможны частные случаи реализации противопоставления — совместная реализация некоторых из элементов (вербов и адъективов, вербов и субстантивов, субстантивов и адъективов, адъективов и предлогов). Кроме того, возможна совместная реализация отдельных элементов и словосочетаний, а также реализация противопоставления за счет словосочетаний. Частные случаи реализации приведены в других работах автора.

При делении противоположностей **внутри одной номинации по частеречной принадлежности субстантивы** анализируются в свете грамматической категории одушевленности/неодушевленности. Здесь исследуются одушевленные (*contest between master and laborer*²) и неодушевленные (*activity analysis of production and allocation*³) субстантивы. Также рассматривается грамматическая категория числа. В этой связи анализируются субстантивы в единственном числе (*activity analysis of production and allocation*), субстантивы во множественном числе (*assets and liabilities*⁴) и субстантивы в единственном/множественном числе (*balance of income and expenditures*⁵).

В рамках анализа классификации антонимии **внутри одной номинации по частеречной принадлежности вербы** могут быть представлены инфинитивами. Здесь рассматриваются инфинитивы с частицей *to* (*order to buy or to sell at best*⁶)

¹ Англо-русский экономический словарь / под ред. проф., д-ра экон. наук А. В. Аникина. М. : Рус. яз., 1977. 726 с.

² Там же.

³ Carter C.F. Activity Analysis of Production and Allocation // The Economic Journal. 1952. Vol. 62, Iss. 247. P. 625–628. <https://doi.org/10.2307/2226909>

⁴ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина; Johnson H.G. Some Implications of Secular Changes in Bank Assets and Liabilities in Great Britain // The Economic Journal. 1951. Vol. 61, Iss. 243. P. 544–561. <https://doi.org/10.2307/2226487>

⁵ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина...

⁶ Там же.

и без нее (*buy-sell agreement*¹). Также анализируется реализация вербов в качестве атрибутов (*buy-sell agreement*²) и изолированная реализация вербов (*order to buy or to sell at best*³). Кроме того, вербы могут быть выражены герундиальными вербами (Participle 1) (*starting-and-stopping costs*⁴) и отглагольными причастиями (Participle 2). Во втором случае анализу подлежит реализация в качестве атрибутов — атрибутов в препозиции (*lost and found department*⁵) и атрибутов в постпозиции (*currency lost or destroyed*⁶) и изолированная реализация вербов (*asked and bid*⁷).

В качестве иллюстрации реализации противопоставления в рамках классификации антонимов **внутри одной номинации по частеречной принадлежности между адвербами** можно привести следующие словосочетания: *jointly and severally*⁸, *pilotage inwards or outwards*⁹, *prices tend downwards or upwards*¹⁰, *ten points off or on*¹¹, *to jockey back and forth*¹². Вопрос о дальнейшем делении примеров пока остается открытым, хотя можно выделить пространственные наречия с вертикальной локализацией (*prices tend downwards or upwards*¹³), про-

странственные наречия с горизонтальной локализацией (*pilotage inwards or outwards*¹⁴, *to jockey back and forth*¹⁵) и наречия без определенной локализации (*jointly and severally*¹⁶, *ten points off or on*¹⁷).

При классифицировании антонимов **внутри одной номинации по частеречной принадлежности адъективы** рассматриваются в свете реализации противопоставления между адъективами (*bad money drives out good*¹⁸) и внутри адъективов. В рамках последней антонимы могут быть выражены непосредственно адъективами (*black-and-white advertisement*¹⁹) и субстантивами (*age-sex classification*²⁰). Кроме того, допускается их выражение (*try-and-error method*²¹).

Примерами реализации противопоставления при делении антонимов **внутри одной номинации по вербально-субстантивной частеречной принадлежности между местоимениями** являются фразы *many-vs-many duel*²² и *to make a bargain all-or-nothing*²³.

В рамках классификации антонимов **внутри одной номинации по частеречной принадлежности между предложениями** примерами являются словосочетания *at or better*²⁴, *first-in-first-out*²⁵,

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина; Pinsker S. Jewish-American literature's lost-and-found department: How Philip Roth and Cynthia Ozick reimagine their significant dead...

¹⁷ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина...

¹⁸ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина; Leland H.E. Quacks, Lemons, and Licensing: A Theory of Minimum Quality Standards // Journal of Political Economy. 1979. Vol. 87, no. 6. P. 1328-1346. <https://www.jstor.org/stable/1833335>

¹⁹ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина...

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина; Helmbold R.L. Solution of a General, Nonadaptive, Many-Vs-Many Duel Model // Operations Research. 1968. Vol. 16, no. 3. P. 518-524. <https://www.jstor.org/stable/168579>

²³ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина...

²⁴ Там же.

²⁵ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина; Kumar K. First In, First Out? Britain as a Post-Industrial Society // Built Environment. 1978. Vol. 4, no. 4, A Choice of Futures. P. 257-265. <https://www.jstor.org/stable/23286061>

¹ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина; Page D. K. Setting the Price in a Close Corporation Buy-Sell Agreement // Michigan Law Review. 1959. Vol. 57, No. 5. P. 655-684. <https://doi.org/10.2307/1286199>

² Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина; Carter C.F. Activity Analysis of Production and Allocation...

³ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина...

⁴ Там же.

⁵ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина; Pinsker S. Jewish-American literature's lost-and-found department: How Philip Roth and Cynthia Ozick reimagine their significant dead // Modern Fiction Studies. 1989. Vol. 35, No. 2. P. 223-235. <https://www.jstor.org/stable/26283075>

⁶ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина...

⁷ Там же.

⁸ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина; Dyer C. Individual managers are liable for record discrimination award as well as trust // British Medical Journal. 2012. Vol. 344, No. 7838. P. 2. <https://www.jstor.org/stable/23066539>

⁹ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина...

¹⁰ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина...

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

*first-in-first-out costing*¹, *first-in-first-out method*², *free in and out*³, и т. д.

Классификация антонимов **внутри одной номинации по способу образования противопоставления** содержит способы реализации антонимии в рамках одного словосочетания (*asked and bid*⁴). Также здесь рассматривается актуализация противопоставления в словах с дефисным написанием, где каждая из частей контрадикторно противопоставлена другой части (*adaptation of supply-to-demand*⁵). В качестве еще одного способа анализируется реализация антонимии в одном слове словосочетания, элементы которого контрастируют за счет чередования отрицательных и положительных полюсов (*maximin criterion*⁶).

В рамках классификации антонимов **внутри одной номинации по способу образования противопоставления в рамках одного словосочетания** рассматривается реализация противопоставления с помощью вспомогательных средств (*activity analysis of production and allocation*⁷) и без них (*bad money drives out good*⁸). В свете первой реализации исследуется реализация противопоставления с помощью союзов (*activity analysis of production and allocation*⁹), предлогов (*conversion of surplus value into capital*¹⁰) и частиц (*ratio of banking capital to liabilities*¹¹).

¹ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина...

² Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина; Lacey K. Some Implications of the First in-First out Method of Stock Valuation // *Economica, New Series*. 1945. Vol. 12, no. 45. P. 26–30. <https://doi.org/10.2307/2550248>

³ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина...

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина; Carter C. F. Activity Analysis of Production and Allocation...

⁸ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина; Dyer C. Individual managers are liable for record discrimination award as well as trust...

⁹ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина; Carter C.F. Activity Analysis of Production and Allocation...

¹⁰ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина...

¹¹ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина; Mitchell W.C. The Decline in the Ratio of Banking Capital to Liabilities // *The Quarterly Journal of Economics*. 1909. Vol. 23, no. 4. P. 697–713. <https://doi.org/10.2307/1883524>

В рамках классификации антонимов **внутри одной номинации по способу образования противопоставления в рамках одного словосочетания с помощью союзов** последние могут быть представлены соединительными союзами и подчинительными союзами.

Примерами **использования соединительных союзов** при классификации антонимов **внутри одной номинации по способу образования противопоставления в рамках одного словосочетания** являются следующие словосочетания:

- *asked and bid*¹²;
- *assets and liabilities*¹³;
- *balance of income and expenditures*¹⁴;
- *balance on goods and services*¹⁵;
- *balancing of demand and supply*¹⁶;
- *bargain and sale*¹⁷;
- *debit and credit*¹⁸;
- *divorce of requirements of production and producers*¹⁹;
- *equilibrium of demand and supply*²⁰;
- *equilibrium of sales and purchases*²¹;
- *export of goods and services*²²;
- *extras for size and quality*²³;

¹² Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина...

¹³ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина; Carter C.F. Activity Analysis of Production and Allocation...

¹⁴ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина...

¹⁵ Там же.

¹⁶ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина; Schade J.D. et al. A Conceptual Framework for Ecosystem Stoichiometry: Balancing Resource Supply and Demand // *Oikos*. 2005. Vol. 109, no. 1. P. 40–51. <https://www.jstor.org/stable/3548612>

¹⁷ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина...

¹⁸ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина; Clevenger E. Presenting the Theory of Debit and Credit // *The Accounting Review*. 1943. Vol. 18, no. 1. P. 40–44. <https://www.jstor.org/stable/240361>

¹⁹ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина...

²⁰ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина; Moore H. L. A Moving Equilibrium of Demand and Supply // *The Quarterly Journal of Economics*. 1925. Vol. 39, no. 3. P. 357–371. <https://doi.org/10.2307/1882433>

²¹ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина...

²² Там же.

²³ Там же.

- *fluctuations of supply and demand*¹;
- *goods and services expenditure(s)*²;
- *import of goods and services*³;
- *import quotas and tariffs*⁴;
- *inequality of supply and demand*⁵;
- *interaction of supply and demand*⁶;
- *jointly and severally*⁷;
- *joint and several liability*⁸;
- *labor and capital*⁹;
- *labor and wages department*¹⁰;
- *leads and lags*¹¹;
- *lost and found department*¹²;
- *master and servant*¹³;

¹ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина; Kennan J. An Econometric Analysis of Fluctuations in Aggregate Labor Supply and Demand // *Econometrica*. 1988. Vol. 56, no. 2. P. 317-333. <https://doi.org/10.2307/1911074>

² Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина...

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина; Bonanno A. Food Deserts: Demand, Supply, and Economic Theory // *Choices*. 2012. Vol. 27, no. 3. P. 1-4. <https://www.jstor.org/stable/choices.27.3.05>

⁷ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина; Pinsker S. Jewish-American literature's lost-and-found department: How Philip Roth and Cynthia Ozick reimagine their significant dead...

⁸ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина; Burdick F.M. Joint and Several Liability of Partners // *Columbia Law Review*. 1911. Vol. 11, no. 2. P. 101-119. <https://doi.org/10.2307/1111016>

⁹ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина; Ruth J. Between Labor and Capital: Charlotte Brontë's Professional Professor // *Victorian Studies*. 2003. Vol. 45, no. 2. P. 279-303. <https://www.jstor.org/stable/3829772>

¹⁰ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина...

¹¹ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина; Kejriwal M. and Perron P. Data Dependent Rules for Selection of the Number of Leads and Lags in the Dynamic OLS Cointegrating Regression // *Econometric Theory*. 2008. Vol. 24, no. 5. P. 1425-1441. <https://www.jstor.org/stable/20142547>

¹² Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина; Page D. K. Setting the Price in a Close Corporation Buy-Sell Agreement...

¹³ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина; Jolowicz J.A. Master and Servant. Vicarious Liability. Master's Indemnity against Servant // *The Cambridge Law Journal*. 1958. Vol. 16, no. 2. P. 157-160. <https://www.jstor.org/stable/4504519>

- *minimum of risk and maximum of revenue*¹⁴;
- *odd and even*¹⁵;
- *population making according to sex and age*¹⁶;
- *ratio between gold and silver*¹⁷;
- *to jockey back and forth*¹⁸.

При использовании **разделительных союзов** в рамках классификации антонимов **внутри одной номинации по способу образования противопоставления в рамках одного словосочетания** противопоставление может реализовываться как с использованием частицы *no*, так и без нее.

Иллюстрацией использования частицы *no* при применении **разделительных союзов** в рамках классификации антонимов **внутри одной номинации по способу образования противопоставления в рамках одного словосочетания** является словосочетание *berth or no berth*¹⁹.

Примерами реализации противопоставления с помощью **разделительных союзов** в рамках классификации антонимов **внутри одной номинации по способу образования противопоставления в рамках одного словосочетания** без использования частицы *no* являются следующие словосочетания:

- *at or better*;
- *currency lost or destroyed*;
- *coining value of an ounce of gold or silver*;
- *order to buy or to sell at best²⁰ prices tend downwards or upwards*;
- *ten points off or on*;
- *to post credit or debit to the account*;
- *to yield a fair or poor return²¹*.

В рамках классификации антонимов **внутри одной номинации по способу образования противопоставления в рамках одного словосочетания при реализации противопоставления**

¹⁴ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина...

¹⁵ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина; Boyd B. V. Learning about Odd and Even Numbers // *The Arithmetic Teacher*. 1987. Vol. 35, no. 3. P. 18-21. <https://www.jstor.org/stable/41194252>

¹⁶ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина...

¹⁷ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина; Prime F. The Varying Ratio between Gold and Silver // *Proceedings of the American Philosophical Society*. 1985. Vol. 34, no. 147. P. 49-50. <https://www.jstor.org/stable/983158>

¹⁸ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина...

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

с помощью предлогов рассматриваются **классификация предлогов и состав предлогов**.

При изучении **классификации предлогов** в рамках классификации антонимов **внутри одной номинации по способу образования противопоставления в рамках одного словосочетания** анализу подвергаются предлоги *by, for, from, into, in relation to, over, per, with*.

Примером реализации антонимов с помощью предлога *by* при изучении **классификации предлогов** в рамках классифицирования антонимов **внутри одной номинации по способу образования противопоставления в рамках одного словосочетания** является словосочетание *displacement of human labor by machinery*¹.

В свете использования предлога *for* при исследовании **классификации предлогов** в рамках классифицирования антонимов **внутри одной номинации по способу образования противопоставления в рамках одного словосочетания** подвергаются анализу случаи антонимии между словами/словосочетаниями в единственном/множественном числе (*to substitute machinery for workers*²) и словами/словосочетаниями исключительно во множественном числе (*to trade fixed assets for current assets*³).

При реализации антонимов с помощью предлога *from* при исследовании **классификации предлогов** в рамках классифицирования антонимов **внутри одной номинации по способу образования противопоставления в рамках одного словосочетания** возможна реализация противопоставления исключительно между словами (*deviation of prices from value*⁴, *divergence of price from value*⁵) и между словами/словосочетаниями (*divorce of producer from the means of production*⁶).

В связи с реализацией антонимов с помощью предлога *into* при исследовании **классификации предлогов** в рамках классифицирования антонимов **внутри одной номинации по способу образования противопоставления в рамках одного словосочетания** рассматриваются случаи реализации противопоставления между словами (*to convert pounds into dollars*) и случаи реализации противопоставления между словами/словосочетаниями. Последние содержат примеры антони-

мии между словами/словосочетаниями в единственном числе (*conversion of surplus value into capital, to convert a firm into a limited company*) и словами/словосочетаниями во множественном числе (*equalization of values of commodities into prices of production, to convert a firm into a limited company*)⁷.

Примером реализации антонимов с помощью предлога *in relation to* при исследовании **классификации предлогов** в рамках классифицирования антонимов **внутри одной номинации по способу образования противопоставления в рамках одного словосочетания** является фраза *depreciation of currency in relation to gold*.

При реализации антонимов с помощью предлога *over* при исследовании **классификации предлогов** в рамках классифицирования антонимов **внутри одной номинации по способу образования противопоставления в рамках одного словосочетания** противопоставление может актуализироваться между словами в единственном числе (*excess of birth over death*) и словами во множественном числе (*excess of receipts over expenses*)⁸.

Случаи реализации антонимов с помощью предлога *per* при исследовании **классификации предлогов** в рамках классифицирования антонимов **внутри одной номинации по способу образования противопоставления в рамках одного словосочетания** могут быть проиллюстрированы фразой *number of divorces per new marriages*.

Примером реализации противопоставления с помощью предлога *with* при изучении **классификации предлогов** в рамках классифицирования антонимов **внутри одной номинации по способу образования противопоставления в рамках одного словосочетания** служит словосочетание *to coordinate receipts with expenditures*.

При изучении **состава предлогов** в рамках классифицирования антонимов **внутри одной номинации по способу образования противопоставления в рамках одного словосочетания** исследованию подлежат предлоги из нескольких слов (*depreciation of currency in relation to gold*) и предлоги из одного слова.

Примерами реализации последних случаев служат следующие словосочетания⁹:

- *conversion of surplus value into capital*;
- *deviation of prices from value*;
- *displacement of human labor by machinery*;

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹ Англо-русский экономический словарь / под ред. А. В. Аникина...

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

- *divergence of price from value;*
- *divorce of producer from the means of production;*
- *equalization of values of commodities into prices of production;*
- *excess of birth over death;*
- *excess of receipts over expenses;*
- *number of divorces per new marriages;*
- *to convert a firm into a limited company;*
- *to convert pounds into dollars;*
- *to coordinate receipts with expenditures;*
- *to substitute machinery for workers;*
- *to trade fixed assets for current assets.*

Актуализация противопоставления с помощью частиц в рамках исследования антонимов **внутри одной номинации по способу образования противопоставления в рамках одного словосочетания** может быть проиллюстрирована словосочетаниями (*ratio of reserves to liabilities, subordination of labor to capital*).

Два других раздела классификации антонимии **внутри одной номинации по способу образования противопоставления**, а именно — случаи реализации противопоставления **в словах с дефисным написанием**, а также **антонимы в одном слове словосочетания** содержат более частные случаи реализации и рассмотрены в других работах автора.

При рассмотрении противопоставления **внутри двух номинаций за счет словообразовательных средств** проводится различие между отглагольными (*clearing house stocks / nonclearing house stocks*) и неотглагольными прилагательными (*assessable stock/ nonassessable stock*). Также возможно образование противопоставления за счет аффикса *non-*, происходящего от частицы *no* (*broker's loan / nonbroker's loan*), образования за счет самой частицы *no* (*of value / of no value*). Одним из способов является образование противопоставления за счет реализации аффиксов в одном из терминов (*ab-, il-, in-, un-, non-*) (*biased/unbiased*) и при помощи двухполюсных аффиксов (*declaration inwards / declaration outwards*).

При реализации противопоставления **за счет словообразовательных средств внутри двух номинаций** также актуализируются следующие аффиксы:

- *-less (effectual/effectless)*
- *after- (crop/aftercrop)*
- *a- (periodicity/aperiodicity)*
- *anti- (Malthusianism / anti-Malthusianism)*
- *co- (creditor / co-creditor)*
- *counter- (offer / counteroffer)*

- *cross- (elasticity / cross-elasticity)*
- *de- (control/decontrol)*
- *dis- (economy/diseconomy)*
- *extra- (budgetary funds / extra-budgetary funds)*
- *half- (finished goods / half-finished goods)*
- *hyper- (employment/hyperemployment);*
- *mid- (month population / midmonth population)*
- *multi- (plant development / multiplant development)*
- *mini- (recession/minirecession)*
- *pre- (contract/precontract)*
- *quasi- (contractual / quasi-contractual)*
- *re- (costs of sales / costs of resales)*
- *semi- (natural economy / seminatural economy)*
- *sub- (agency/subagency)*
- *super- (corporate control / supercorporate control)*

Кроме того, при реализации противопоставления **за счет словообразовательных средств внутри двух номинаций** происходит реализация префиксов греческого происхождения *iso-* (*равенство, единообразие, сходство*) (*cost curve / isocost curve*), *neo-* (*classical economies / neoclassical economies*), *pseudo-* (*shadow price / pseudo-shadow price*), аффикса латинского происхождения *ante-* (*nuptial/antenuptial*) и префикса французского происхождения *-mal* (*adjustment/maladjustment*).

В рамках реализации противопоставления **внутри двух номинаций за счет лексико-семантических средств** возможна актуализация антонимов за счет атрибута *deputy*, адъективов *double* и *new*, предлогов *of/under*. Кроме того, возможна актуализация антонимов за счет латинских атрибутов *de facto / de jure*, латинских атрибутов *prior/posterior*. В качестве еще одного способа используются латинские наречия *a priori / a posteriori*, латинские предлоги *cum* и *ex*, а также латинские атрибуты *ex ante* и *ex post*.

Примером актуализации противопоставления **внутри двух номинаций за счет лексико-семантических средств за счет атрибута deputy** являются словосочетания *chief engineer / deputy chief engineer*.

Иллюстрацией актуализации контрадикторных логико-семантических отношений **внутри двух номинаций за счет лексико-семантических средств за счет адъектива double** являются фразы *logarithmic chart / double logarithmic chart*.

Случаи актуализации противопоставления **внутри двух номинаций за счет лексико-семантических средств за счет адъектива new** могут

быть проиллюстрированы словосочетаниями *construction activity / new construction activity, reproduction cost / reproduction new cost*.

Примером актуализации противопоставления **внутри двух номинаций за счет лексико-семантических средств за счет предлогов *of/under*** является пара словосочетаний *to be of age / to be under age*.

Примерами актуализации противопоставления **внутри двух номинаций за счет лексико-семантических средств за счет латинских атрибутов *de facto/ de jure*** являются следующие словосочетания:

- *de facto address/ de jure address;*
- *de facto census/ de jure census;*
- *de facto enumeration/ de jure enumeration;*
- *de facto household/ de jure household;*
- *de facto marriage/ de jure marriage;*
- *de facto population/ de jure population.*

Реализация противопоставления **внутри двух номинаций за счет лексико-семантических средств за счет латинских атрибутов *prior/posterior*** может быть проиллюстрирована фразами *prior distribution / posterior distribution*.

Примером реализации противопоставления **внутри двух номинаций за счет лексико-семантических средств за счет латинских наречий *a priori / a posteriori*** являются фразы *a priori method / a posteriori method*.

Иллюстрацией противопоставления **внутри двух номинаций за счет лексико-семантических средств при помощи латинских предлогов *cum* и *ex*** являются словосочетания *cum interest / ex interest*.

Актуализация противопоставления **внутри двух номинаций за счет лексико-семантических средств при помощи латинских атрибутов *ex ante* и *ex post*** протекает в словосочетаниях *ex ante analysis / ex post analysis, ex ante savings / ex post savings*.

При реализации противопоставления **внутри двух номинаций за счет совместного использования словообразовательных и лексико-семантических средств** антонимия актуализируется за счет продуктивных элементов *on* и *off*. Кроме того, она может актуализироваться за счет аффиксов *macro-/micro-* и *mono-/poly-*, при помощи прилагательных *upper/lower*, предлогов *above/below*. Дополнительными способами служат реализация двухполюсных аффиксов *in-/out-* в терминах, описывающих горизонтальное перемещение в пространстве, использование фразовых/нефразовых глаголов, а также реализация противо-

поставления с помощью словообразовательных префиксов *inter-/intra-*.

В рамках реализации противопоставления **внутри двух номинаций за счет совместного использования словообразовательных и лексико-семантических средств за счет продуктивных элементов *on* и *off*** рассматривается актуализация непосредственно за счет одного элемента *off* (*diagonal element / off-diagonal element*), а также актуализация за счет обоих элементов *on* и *off* (*on-line installations / off-line installations*).

Примерами реализации противопоставления **за счет совместного использования словообразовательных и лексико-семантических средств за счет аффиксов *macro-* и *micro-*** в свете классификации антонимов **внутри двух номинаций** являются словосочетания: *macroeconomic analysis / microeconomic analysis, macroeconomic relationship / microeconomic relationship, macroeconomic theory / microeconomic theory, macrodemography/microdemography, macroeconomics/microeconomics*.

При реализации противопоставления **внутри двух номинаций за счет совместного использования словообразовательных и лексико-семантических средств при помощи прилагательных *upper/lower*** неизменяемые элементы могут представлять собой как отдельные слова (*upper value / lower value*), так и словосочетания, содержащие герундиальный атрибут и субстантив (*upper turning point / lower turning point*).

В случае, когда происходит образование антонимов **внутри двух номинаций за счет совместного использования словообразовательных и лексико-семантических средств при помощи предлогов *above/below***, последние образуют противопоставленные фразы *above the line/ below the line*, которые могут использоваться в качестве антонимов как самостоятельно, так и служить дополнением к другим словам [*expenditure(s) above the line / expenditure(s) below the line, revenue above the line / revenue below the line*]. При реализации фраз *above the line / below the line* в качестве дополнения к более разветвленным словосочетаниям, в последних неизменяемые элементы могут использоваться, как только в единственном числе (*revenue above the line / revenue below the line*), так и в обоих числах [*expenditure(s) above the line / expenditure(s) below the line*].

В рамках реализации антонимов **внутри двух номинаций за счет совместного использования словообразовательных и лексико-семантических средств при помощи двухполюсных**

аффиксов *in-/out-* противопоставление может возникать как между отдельными словами (*inborn/outborn, inflow/outflow, inmarriage/outmarriage*), так и между словосочетаниями, где контрастируют атрибуты к словам (*entry inwards / entry outwards, incoming advice / outgoing advice, inflow of gold / outflow of gold, inflow of money / outflow of money*).

При реализации двухполюсных аффиксов *in-/out-* в терминах, описывающих горизонтальное перемещение в пространстве, противопоставление может возникать между отдельными субстантивами (*inflow/outflow, inmarriage/outmarriage*) и отдельными адъективами (*inborn/outborn*).

При реализации двухполюсных аффиксов *in-/out-* в терминах, описывающих горизонтальное перемещение в пространстве, когда противопоставление возникает между словосочетаниями, атрибуты могут быть выражены субстантивами (*inflow of gold / outflow of gold, inflow of money / outflow of money*), адвербами (*entry inwards / entry outwards*) и адъективами (*incoming advice / outgoing advice*).

Внутри двух номинаций за счет совместного использования словообразовательных и лексико-семантических средств возможна реализация противопоставления между **фразовыми** (*to look up / to look down, to mark down rate / to mark up rate, to move up / to move down, to write down / to write off, write up / write down*) и **нефразовыми глаголами** (*to increase / to decrease*).

При возникновении контрадикторных отношений между фразовыми глаголами последние могут использоваться как с прямым дополнением (*to mark down rate / to mark up rate*), так и нет (*to look up / to look down, to move up / to move down, to write down / to write off, write up / write down*).

Фразовый глагол может реализовываться как в двух позициях (*to move down / to move up, to phase in / to phase out, to put down / to put up, to write up / to write down*), так и в одной из них, в то время как во второй реализуется нефразовый глагол (*to write out / to pay, to write down / to increase, to give way / to increase*).

Субстантивная реализация контрадикторных смыслов возможна как между существительными, образованными от фразовых глаголов (*write-up / decrease*), так и между существительными, образованными без участия таких глаголов (*increase / decrease*).

Возможна реализация контрадикторных смысловых характеристик совмещенного типа, то есть где одно существительное образовано от фразо-

вого глагола, а второе — без участия такого глагола (*winding-up / opening*).

Примерами реализации противопоставления **внутри двух номинаций за счет совместного использования словообразовательных и лексико-семантических средств с помощью словообразовательных префиксов *inter-/intra*** являются словосочетания *intercohort change / intracohort change, intergeneration mobility / intrageneration mobility, intergenerational / intragenerational, interindustry economies / intraindustry economies, interplant economies / intraplant economies*.

Заключение

Таким образом, отмечаются следующие языковые особенности реализации противопоставления внутри одной и внутри двух номинаций между англоязычными экономическими терминами.

Реализация противопоставления между экономическими терминами происходит внутри одной номинации и внутри двух номинаций. Способы актуализации противопоставления содержат деления по грамматическим категориям, частям речи и словообразовательным частям слов.

Среди грамматических категорий отдельно рассматриваются категории падежа, одушевленности/неодушевленности и числа. В качестве частей речи рассматриваются субстантивы, вербы, адвербы, адъективы, местоимения, предлоги, союзы, частицы.

Исследование вербов предполагает анализ инфинитивов, герундиальных вербов и отглагольных причастий. В качестве адъективов анализируются отглагольные адъективы, неотглагольные адъективы, герундиальные адъективы, негерундиальные адъективы. Среди союзов, участвующих в противопоставлении, можно выделить соединительные союзы, разделительные союзы и подчинительные союзы.

При исследовании реализации антонимов в качестве частиц активное участие принимают частицы *no* и *to*. Частица *no* служит элементом противопоставления антонимов при классифицировании их по способу образования, с помощью вспомогательных средств за счет разделительных союзов в рамках одного словосочетания. Кроме того, с помощью частицы *no* образуется аффикс *non-*, с помощью которого происходит противопоставление между антонимами. Этот феномен наблюдается при образовании антонимов за счет словообразовательных средств, при классифицировании противопоставленных единиц по способу образования внутри двух номинаций. Сам

феномен рассматривается в свете различия антонимов по частеречной принадлежности. Так, выделяются отглагольные прилагательные (сложные прилагательные и простые прилагательные), неотглагольные прилагательные, субстантивы и субстантивы в притяжательном падеже с апострофом. Также феномен рассматривается в рамках различия по способу образования. Здесь можно наблюдать дефисное и недефисное образование антонимов. Еще одним способом является реализация противопоставления за счет самой частицы *no*. Данный феномен способствует классификации антонимов по способу образования. Так, выделяют дефисное и недефисное образование противоположности. Также антонимы классифицируются по расположению частицы. В этой связи она может располагаться в составе сложных прилагательных и обособленно.

Частица *to* является способом противопоставления вербов-инфинитивов, выявляемых при классифицировании антонимов по частеречной принадлежности. Также она служит одним из вспомогательных средств реализации противоположности в рамках одного словосочетания при их классифицировании по способу образования. Кроме того, частица участвует в качестве вспомогательного средства при реализации антонимов в словах с дефисным написанием, где каждая из частей контрадикторно противопоставлена другой части. Здесь она выявляется при классифицировании противопоставления по способу образования.

Среди словообразовательных частей слова выделяются корни слова, аффиксы (суффиксы и префиксы) и окончания. При таком подходе отдельно исследуется конверсия как способ словообразования.

Список источников

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М. : Наука, 1974. 367 с.
2. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1. М. : Мысль, 1975. 552 с.
3. Гадамер Г. Актуальность прекрасного. М. : Искусство, 1991. 368 с.
4. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М. : Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
5. Комиссаров В. Н. Проблема определения антонима // Вопросы языкознания. 1957. № 2. С. 49–58.
6. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. М. : АСТ, 2000. 624 с.
7. Львов М. Р. Антонимы, их роль и типы в русском языке // Русский язык в школе. 1970. № 3. С. 24–29.
8. Новиков Л. А. Антонимия в русском языке (Семантический анализ противоположности в лексике). М. : Изд-во МГУ, 1973. 290 с.
9. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М. : Аспект-Пресс, 1998. 536 с.
10. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М. : Просвещение, 1975. 271 с.
11. Федосов Ю. В. Идеографический антонимо-синонимический словарь русского языка. Волгоград : Перемена, 2001. 102 с.
12. Фихте И. Г. Сочинения в двух томах. Т. I. СПб. : Минфрил, 1993. 687 с.
13. Шакирьянов Л. М. Логико-семантические отношения контраста в парадигматике и синтагматике // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17, № 1. С. 249–250.
14. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М. : Просвещение, 1964. 316 с.
15. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М. : Просвещение, 1964. 244 с.

References

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка = Lexical Semantics. Synonymic Means of Language. Moscow: Nauka; 1974. 367 p. (In Russ.).
2. Aristotel'. Sochineniya v chetyrekh tomah. T. 1 = Essays in Four Volumes. Vol. 1. Moscow: Mysl'; 1975. 552 p. (In Russ.).
3. Gadamer G. Aktual'nost' prekrasnogo = Topicality of Beauty. Moscow: Iskusstvo; 1991. 368 p. (In Russ.).
4. Kobozeva IM. Lingvisticheskaya semantika = Linguistic Semantics. Moscow: Editorial URSS; 2000. 352 p. (In Russ.).
5. Komissarov VN. The Problem of the Definition of Antonyms. *Voprosy Jazykoznanija = Topics in the Study of Language*. 1957;(2):49-58. (In Russ.).
6. Losev AF. Istoriya antichnoj estetiki. Ranniyaya klassika = History of Ancient Aesthetics. Early classic. Moscow: AST; 2000. 624 p. (In Russ.).

7. L'vov MR. Antonyms, their role and types in Russian. *Russkiy. jazyk v shkole = Russian Language in School*. 1970;(3):24-29. (In Russ.).
8. Novikov LA. Antonimiya v russkom yazyke (Semanticheskij analiz protivopozhnosti v leksike) = Antonyms in Russian (Semantic Analysis of Oppositions in Vocabulary). Moscow: Moscow State University Publ.; 1973. 290 p. (In Russ.).
9. Reformatskij AA. Vvedenie v yazykovedenie = Introduction into Linguistics. Moscow: Aspekt-Press; 1998. 536 p. (In Russ.).
10. Stepanov YS. Osnovy obshchego yazykoznanija = Basics of General Linguistics. Moscow: Prosveshchenie; 1975. 271 p. (In Russ.).
11. Fedosov YV. Ideograficheskij antonimo-sinonimicheskij slovar' russkogo yazyka = Ideographic Dictionary of Russian Synonyms and Antonyms. Volgograd: Peremena; 2001. 102 p.
12. Fihte IG. Sochineniya v dvuh tomah. T. I = Essays in Two Volumes. Vol. I. St. Petersburg: Minfril; 1993. 687 p. (In Russ.).
13. Shakiryaynov LM. Logical-semantic relations of contrast in paradigmatics and syntagmatics. *Vestnik Bashkirskogo universiteta = Bulletin of the Bashkir University*. 2012;17(1):249-250 (In Russ.).
14. Shanskij NM. Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka = Lexicology of Modern Russian. Moscow: Prosveshchenie; 1964. 316 p. (In Russ.).
15. Shmelev DN. Ocherki po semasiologii russkogo yazyka = Essays in Semasiology of Russian. Moscow: Prosveshchenie; 1964. 244 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Л. М. Шакирьянов — кандидат филологических наук, выпускник аспирантуры на кафедре английского языка.

Information about the author

Lev M. Shakiryaynov — Cand. of Sci. (Philology), postgraduate at the Department of English.

Статья поступила в редакцию 15.11.2022; одобрена после рецензирования 23.11.2022; принята к публикации 02.10.2023.

The article was submitted 15.11.2022; approved after reviewing 23.11.2022; accepted for publication 02.10.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

**ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА,
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, МЕДИАЛИНГВИСТИКА,
ДИСКУРСОЛОГИЯ
FUNCTIONAL LINGUISTICS, LINGUOCULTUROLOGY,
MEDIALINGUISTICS, DISCOURSE STUDIES**

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 9 (479). С. 41–50.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(9(479):41-50. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 81.366.5

doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-41-50

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕЖДОМЕТИЙ
В СИТУАЦИИ КАУЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ МОДИФИКАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА)**

Арина Алексеевна Афанасьева

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия, arina-af@inbox.ru,
ORCID: 0000-0001-7812-0107

Аннотация. В настоящей статье на материале данных корпусов испанского языка исследуется функционирование междометий, которые являются прототипическими средствами выражения категории эмотивности, обозначающей эмоциональное состояние или отношение говорящего к окружающей действительности. Описывается категориальное взаимодействие эмотивности и каузативности — категории, имеющей значение «побуждение к действию, либо смене состояния». В рассматриваемой сфере модификации каузатор воздействует на объект каузации с целью изменить его эмоциональное состояние. Проводится анализ взаимодействия эмотивных каузативов, трактуемых как глаголы, имеющих сему каузативности и эмотивности, с междометиями испанского языка в рамках ситуации каузации эмоциональной модификации. Междометия и эмотивные каузативы могут оказывать взаимное влияние на семантический потенциал.

Ключевые слова: испанский язык, междометия, каузация, эмотивные каузативы, категория каузативности, категория эмотивности

Для цитирования: Афанасьева А. А. Функциональный потенциал междометий в ситуации каузации эмоциональной модификации (на материале испанского языка) // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 9 (479). С. 41–50. doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-41-50

Original article

**FUNCTIONAL POTENTIAL OF INTERJECTIONS
IN THE SITUATION OF CAUSATION OF EMOTIONAL MODIFICATION
IN THE SPANISH LANGUAGE**

Arina A. Afanaseva

Perm State University, Perm, Russia, arina-af@inbox.ru, ORCID: 0000-0001-7812-0107

Abstract. The article deals with the functioning of Spanish interjections on the material of corpora data. The interjections are prototypical means of expressing the category of emotiveness. This category denotes the emotional state or attitude of the speaker to the reality. The categorical interaction of emotivity and causativity — a category that has the meaning of “incitement to action or change of state” — is described. In the emotive area of modification the causator acts upon the object of causation in order to change their emotional state. An analysis is made of the interaction of emotive causatives, interpreted as verbs with the semes of causation and emotiveness, with Spanish

interjections in the framework of a situation of emotional modification causation. Interjections and emotive causatives can have mutual influence on the semantic potential.

Keywords: Spanish language, interjections, causation, emotive causatives, category of causativity, category of emotiveness

For citation: Afanaseva AA. Functional potential of interjections in the situation of causation of emotional modification in the Spanish language. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(9(479):41-50. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-41-50

Введение

Современная лингвистика ориентирована на изучение речи, иными словами на то, как человек оперирует языком в ситуации письменного или устного общения. В связи с этим функциональный подход в языкознании остаётся актуальным. Он направлен на изучение языковых единиц и их функционирования в процессе коммуникации, выделение функционально-семантических категорий, а также особенностей их вербальной репрезентации. В рамках данного подхода рассматриваются такие понятия, как «функциональный потенциал», «категория каузативности», «категория эмотивности», а также межкатегориальное взаимодействие.

Функция является одним из основополагающих терминов, для которого существует ряд трактовок, однако, по словам В. Г. Гака, «функцию» можно определить как «целевое назначение определённого элемента, объекта» [5. С. 180]. А. В. Бондарко подчёркивает, что в аспекте функциональной грамматики «каждая функция выступает как цель, которой может служить соответствующее языковое средство или их сочетание, как способность к определённому типу функционирования... и вместе с тем — как реализация этих потенциалов в речи» [3. С. 84]. С функциями связано понятие функционального потенциала — весь комплекс аспектов потенциала для данной языковой единицы, определяющих (программирующих) её поведение в речи [3. С. 85]; это понятие охватывает как семантические, так и эмоциональные, экспрессивные, стилистические, структурные функции [3. С. 85].

Система языковых единиц разных уровней, обладающих общим семантическим значением и функцией, представляет собой функционально-семантическую категорию. Каузативность и эмотивность могут быть выделены как функционально-семантические категории. В настоящее время изучением вопросов категории каузативности занимается С. В. Шустова [14]. Категория эмотивности была проанализирована В. И. Шаховским [10; 11].

Помимо изучения каждой из данных категорий, отдельного внимания заслуживает исследование межкатегориального взаимодействия, которому посвящён ряд работ И. В. Архиповой, С. В. Шустовой [2; 13], Н. П. Сюткиной [8], Т. В. Штатской [12] и др., однако вопрос взаимодействия каузативности и эмотивности на материале испанского языка был изучен мало (Н. А. Михеева [6]). В связи с этим возникает необходимость описания функционирования междометий на материале данного языка, выявления зон пересечения и синкретизма категорий эмотивности и каузативности. Новизна исследования заключается в описании функционального потенциала взаимодействия междометий разных классов с эмотивными каузативами испанского языка.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили данные корпуса современного испанского языка Corpus del Español del Siglo XXI¹, корпуса Leipzig Corpora Collection² и электронного ресурса Google Books³. В статье используется метод корпусного исследования, контекстуального анализа, дефиниционного анализа, компонентного анализа, сплошной выборки.

Каузативная эмоциональная модификация

В рамках настоящего исследования проводится анализ ситуации каузативной эмоциональной модификации. Подчёркнём, что каузативная категория, которая репрезентирована в языке определённой системой средств, актуализирующая причинно-следственные связи. Каузативная ситуация трактуется как интерперсональное взаимодействие [15. С. 128]. В рассматриваемой сфере

¹ Corpus del Español del Siglo XXI : электронный корпус современного испанского языка. URL: <https://www.rae.es/banco-de-datos/corpes-xxi> (дата обращения 13.06.2022).

² Leipzig Corpora Collection : электронный корпус языков. URL: https://corpora.uni-leipzig.de/en?corpusId=spaar_web_2019 (дата обращения 25.06.2022).

³ Google Books. URL: <https://books.google.es> (дата обращения 15.06.2022).

модификации каузатор воздействует на объект каузации с целью изменить его эмоциональное состояние относительно первоначального. При таких условиях актуально взаимодействие двух категорий — каузативности и эмотивности. Следует заметить, что каузативность — составляющая каузации, имеющая значение «побуждение к действию, либо смене состояния» [13. С. 196]. Эмотивность — это языковое отображение психологических (эмоциональных) состояний. Единицы языка, актуализирующие данную функцию, называют эмотивными [10. С. 5]. С точки зрения функциональной грамматики эмотивность можно определить как функцию вербальных единиц, которая обозначает эмоциональное состояние или отношение говорящего к окружающей действительности [7].

Таким образом, при синкретизме категорий каузативности и эмотивности проявляется ситуация каузации эмоциональной модификации — обстоятельства, при котором происходит межперсональное взаимодействие двух участников: каузатора и объекта каузации, где каузатор воздействует на объект с целью изменения его эмоционального состояния.

В настоящее время остаётся актуальным исследование межкуатегориального взаимодействия — выделение языковых средств, одновременно репрезентирующих обе категории — каузативности и эмотивности. В связи с этим подчёркивается, что помимо каузатора и объекта каузации необходимо выделить также и результат каузации, который может быть представлен эмотивными каузативами — глаголами, включаемыми в свой семантический потенциал семы каузативности и эмотивности. Приведём примеры подобных глаголов в испанском языке, иллюстрируя при помощи дефиниций наличие сем двух категорий:

alegrar — «causar (сема каузативности) alegría (сема эмотивности) a alguien»¹; «poner (сема каузативности) alegre (сема эмотивности)»²; «causar (сема каузативности) alegría (сема эмотивности)»³;
admirar — «causar (сема каузативности) sorpresa (сема эмотивности) la vista o consideración de

algo extraordinario o inesperado»⁴; «causar (сема каузативности) sorpresa (сема эмотивности) la vista o consideración de alguna cosa»⁵;

asustar — «dar o causar (семы каузативности) susto (сема эмотивности)»⁶; «causar (сема каузативности) o sentir susto (сема эмотивности) o desasosiego (сема эмотивности)»⁷;

enfurecer — «irritar a alguien, ponerlo (сема каузативности) furioso (сема эмотивности)»⁸;

deprimir — «producir (сема каузативности) decaimiento del ánimo (сема эмотивности)»⁹; «producir (сема каузативности) desaliento (сема эмотивности) y pesimismo (сема эмотивности)»¹⁰; «producir (сема каузативности) desánimo (сема эмотивности) o depresión (сема эмотивности)»¹¹;

excitar — «causar (сема каузативности) en alguien entusiasmo, enojo o alegría (семы эмотивности)»; «producir a alguien (сема каузативности) nerviosismo o impaciencia (семы эмотивности)»¹²;

sorprender — «conmover, suspender o maravillar con algo imprevisto, raro o incomprendible»¹³; «Admirar o maravillar con algo imprevisto o raro»¹⁴; «conmover, suspender o maravillar con una cosa imprevista, rara o incomprendible»¹⁵, при этом *maravillar* — «causar (сема каузативности) admiración (сема эмотивности) a alguien»¹⁶) и др.

⁴ Real Academia Española. Diccionario de la lengua Española...

⁵ Diccionario de la lengua española: más de 35000 entradas y 100000 definiciones, apéndices con información gramatical y ortográfica...

⁶ Real Academia Española. Diccionario de la lengua española...

⁷ Diccionario de la lengua española: más de 35000 entradas y 100000 definiciones, apéndices con información gramatical y ortográfica...

⁸ Real Academia Española. Diccionario de la lengua española...

⁹ Там же.

¹⁰ Diccionario de la lengua española: más de 35000 entradas y 100000 definiciones, apéndices con información gramatical y ortográfica...

¹¹ García-Pelayo y Gross R. Diccionario básico de la lengua Española...

¹² Real Academia Española. Diccionario de la lengua española...

¹³ Там же

¹⁴ Diccionario de la lengua española: más de 35000 entradas y 100000 definiciones, apéndices con información gramatical y ortográfica...

¹⁵ García-Pelayo y Gross R. Diccionario básico de la lengua Española...

¹⁶ Real Academia Española. Diccionario de la lengua española...

¹ Real Academia Española. Diccionario de la lengua española. URL: <https://dle.rae.es> (дата обращения 15.06.2022).

² Diccionario de la lengua española: más de 35000 entradas y 100000 definiciones, apéndices con información gramatical y ortográfica. Barcelona: Espasa Libros, 2012. 1073 p.

³ García-Pelayo y Gross R. Diccionario básico de la lengua española. Barcelona: Planeta, 2001. 1520 p.

Каузация эмоциональной модификации может быть также актуализирована при помощи междометий. Заметим, что исследование взаимодействия семантического, прагматического потенциала междометий с эмотивными каузативами испанского языка остаётся актуальной проблемой ввиду того, что она не была освещена в научной литературе. Существует необходимость разработки методики анализа междометных связей.

Междометия определяются как «класс неизменяемых слов, служащих для нерасчлennого выражения эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность»¹; «неполнозначительная часть речи, выражающая чувства, эмоциональные побуждения, призывы, но не называющая их»²; «класс неизменяемых слов, лишенных специальных грамматических показателей и обладающих особой экспрессивно-семантической функцией — выражения чувств и волевых побуждений»³; «неизменяемое слово, служащее для выражения чувств и волевых побуждений, грамматически не всегда связанное с другими словами»⁴; «часть речи, образованная неизменяемыми словами, которые служат для выражения различных чувств, эмоциональных оценок, реакций, побуждений»⁵; «часть речи, включающая неизменяемые слова, которые непосредственно выражают наши чувства и волеизъявления, не называя их»⁶.

Из представленных дефиниций понятия «междометие» можно сделать вывод о том, что одной из основных функций междометий является экспрессивная — выражение чувств и эмоций. Данные вербальные единицы наиболее полно реализуют эту функцию в речи, что способствует до-

стижению нужного коммуникативного эффекта, поэтому их употребление тесно связано с внеязыковой действительностью, а значение междометий может меняться в зависимости как от интонации, мимики, жестов, так и от самой ситуации общения [1. С. 338]. Таким образом, безусловно, междометия являются ведущими языковыми средствами репрезентации категории эмотивности.

Функции междометий испанского языка

Для описания функций междометий испанского языка рассмотрим различные их классификации⁷ [4. С. 33; 9. С. 507]. Согласно семантической классификации, выделяют три основных группы междометий: эмоциональные (выражают эмоции и чувства); императивные (призывы, команды, приказы) и этикетные (выражение приветствия, извинения и т. д.)⁸

Эмоциональные междометия подразделяют на: а) междометия, значение которых определяется интонацией (*ah, oh* и др.); б) междометия с устойчивым, более или менее определенным значением (*chin-chin* и т. д.). Императивные междометия делятся на: а) междометия призыва (*ea* и др.); б) приказы двигаться или остановиться (*ar* и пр.); в) приказы молчать (*chitón* и др.).

Междометия также делятся по своему образованию на: 1) первичные (не связаны со знаменательными частями речи): *jay!*; *jah!*; *joh!* и т. д.; 2) производные (образовались от знаменательных частей речи): *joiga!*, *janda!* и т. д.; 3) звукоподражательные (ономатопея): *tau, tau;* *zas, zas* и пр.⁹

Согласно «Новой грамматике испанского языка»¹⁰ выделяют два класса междометий с семантической точки зрения: апеллятивные и экспрессивные. Первые ориентированы на слушателя, обращены к реципиенту, чтобы побудить его к действию или вызвать у него какую-либо эмоциональную реакцию, но они также могут иметь социальные функции, такие как приветствия, прощания и т. д. Экспрессивные междометия выражают ощущения говорящего, чувства и др. Более детально рассмотрим оба класса.

⁷ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов; Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов; Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов...

⁸ Лингвистический энциклопедический словарь...

⁹ Real Academia Española. Nueva gramática de la lengua española. Madrid: Espasa-Calpe, 2009. 1049 p.

¹⁰ Там же.

¹ Лингвистический энциклопедический словарь. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/> (дата обращения 23.06.2022).

² Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.

³ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Советская энциклопедия, 1966. 608 с.

⁴ Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык. В 2 т. Т. 1 / А. Н. Тихонов, Р. И. Хашимов, Г. С. Журавлева и др. ; под общ. ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. 2-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 2014. 840 с.

⁵ Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-н/Д. : Феникс, 2010. 562 с.

⁶ Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителя. М. : Просвещение, 1985. 399 с.

I. Апеллятивные междометия в испанском языке вербализуют нормы этикета. Здесь можно выделить следующие функции:

- приветствие: *hola, salud, epa, chao, buenos días, buenas tardes, buenas noches*¹, (*mu*) *buenos / buenas*:

*¡Hola, amigos! donde se encuentren. Hoy nuevamente con ustedes*².

*¡Epa!, soy yo. ¿Por qué no te acercas un momento?, hay algo que quisiera enseñarte*³;

- прощание: *adiós, nos vemos, ahí nos vemos, hasta mañana, hasta la semana que viene, hasta el lunes / el martes (y otros días de la semana), hasta luego, hasta pronto, hasta la vista, hasta otro día, hasta después, hasta siempre, hasta nunca, abur / agur*⁴:

*Al despedirse de sus amigos les dice: “¡Adiós: voy hacia el amor!”*⁵

*¡Pues abur! — dice él, y mientras se escurre hacia la salida*⁶;

- просьба: *por favor, ¡por Dios!, ¡por el amor de Dios!, ¡por Dios Santo!*⁷:

*¡Por favor, un mínimo de seriedad!*⁸

*¡Por Dios se los estoy pidiendo!*⁹

- благодарность: *muchas gracias, mil gracias, infinitas gracias, un millón de gracias*¹⁰, *gracias, muchísimas gracias*:

¡A esas mujeres, gracias!

*¡Muchísimas gracias por la respuesta!*¹¹

- ответ на благодарность: *de nada, no hay de qué, no faltaba más, no las merece*¹²:

*Gracias; pero no hay de qué*¹³;

- при знакомстве: *encantado/encantada, un placer, mucho gusto, tanto gusto, para servirle*¹⁴:

— *Encantado — respondí — Podríamos llegar hasta la Peatonal Florida, — sugerí, — hay tanto que ver*¹⁵;

- поздравления: *felicidades, enhorabuena*¹⁶:

*“¡Felicidades!”; le dijo el médico, “un hijo es la mayor felicidad”*¹⁷;

- извинения: *lo siento, perdón, perdone, perdana, lo lamento (mucho)*¹⁸:

*Pilar: Perdón, no sabía que estaba ocupado*¹⁹;

- тост: *¡salud!, chin-chin*²⁰:

*¡Chin, chin! ¡Salud! El alegre tintineo del cristal restalló con fuerza sobre la música que flotaba en el aire...*²¹;

- реакция на чихание: *Jesús, salud:*

*Existe la costumbre popular que cuando alguien estornuda se diga ¡Jesús!, como deseo de buena salud*²²;

- обещания: *palabra, palabra de honor, palabrita del Niño Jesús*²³:

— *Mi palabra de honor. — Jure por ella. — Juro, mi General*²⁴.

- привлечение внимания: *eh, alto ahí, ojo, cuidado, hey, guay, güey, che; chis, chist, pst*²⁵:

*Pepe, pst, ¡PEPE...!*²⁶;

- поощрение: *ánimo, arriba, dale, ea, epa, hágale, hale, órale, vamos, venga, upa (aúpa, úpale o upalalá)*²⁷:

*Indio poco ortodoxo. ¡Ea! Eso sí está bueno*²⁸;

- просьба тишины — *chitón, chito, silencio*²⁹:

*¡Chitón! ¡Chitón! ¡A callar! ¡Tendidos en el piso o a callar! ¡Silencio!*³⁰;

¹⁵ Corpus del Español del Siglo XXI...

¹⁶ Real Academia Española. Nueva gramática de la lengua española...

¹⁷ Corpus del Español del Siglo XXI...

¹⁸ Real Academia Española. Nueva gramática de la lengua española...

¹⁹ Corpus del Español del Siglo XXI...

²⁰ Real Academia Española. Nueva gramática de la lengua española...

²¹ Corpus del Español del Siglo XXI...

²² Google Books...

²³ Real Academia Española. Nueva gramática de la lengua española...

²⁴ Google Books...

²⁵ Real Academia Española. Nueva gramática de la lengua española...

²⁶ Corpus del Español del Siglo XXI...

²⁷ Real Academia Española. Nueva gramática de la lengua española...

²⁸ Corpus del Español del Siglo XXI...

²⁹ Real Academia Española. Nueva gramática de la lengua española...

³⁰ Corpus del Español del Siglo XXI...

¹ Real Academia Española. Nueva gramática de la lengua española...

² Corpus del Español del Siglo XXI...

³ Там же.

⁴ Real Academia Española. Nueva gramática de la lengua española...

⁵ Corpus del Español del Siglo XXI...

⁶ Там же.

⁷ Real Academia Española. Nueva gramática de la lengua española...

⁸ Diccionario de la lengua española...

⁹ Там же.

¹⁰ Real Academia Española. Nueva gramática de la lengua española...

¹¹ Diccionario de la lengua española...

¹² Real Academia Española. Nueva gramática de la lengua española...

¹³ Google Books...

¹⁴ Real Academia Española. Nueva gramática de la lengua española...

- командные (военные) — *ar, fir*¹:
*¡Lince, Capitán, 007, Javi, Luis! ¡Vámonos! ¡Ar!*².

II. Экспрессивные междометия, выражающие чувства, эмоции, реакцию человека. Отметим следующие функции:

- гнев: *carajo, demonios, leche(s), mierda, puñetas*³, *joder, coño, cojones, jo, chispas, caracoles, pardiez, demonio, demontre, diablo, dianche, diantre, cuerno, mecachis*:

— *¿De quién demonios es ese perro?, sus ladridos me ponen nerviosa — Juana saca una cajetilla de cigarrillos de alguna parte*⁴;

- досада: *vaya por Dios, lo que faltaba, cuándo no, cómo no*⁵:

*Bastará, pues, inocular unas cuantas inyecciones para concluir con la pasión más avasalladora. ¡Vaya por Dios! ¡El amor, un microbio también!*⁶

- удивление: *caramba, caray, cáspita, córcholis, anda, arrea, atiza, toma (o tomá), bueno, vaya, arrea*⁷, *cómo va a ser, mira tú, mira por dónde; no digas / no me digas, hum, uh*:

*¡Vaya, qué sorpresa!*⁸

- недоумение: *corcho / concho, tate, uia, epa, épale cómo / pero cómo*⁹:

*¿Pero cómo sabes todo eso?*¹⁰

- восхищение: *bravo, chapó, guau, olé (ole), cáspita, ay*¹¹:

— *Cáspita, me alegro de verte, amigo*¹²;

- радость: *viva, hurra, epa, épale*¹³, *por fin, en fin, ja*:

*¡Hurra! ¡Ahora sí te mataré! — exclama Villano y gira alrededor del niño*¹⁴;

- облегчение: *gracias a Dios, menos mal*:
*¡Menos mal que la tal transformación no llegó hasta el fin!*¹⁵

- усталость: *uf*:

— *¡Uf!, ya basta — dijiste y diste por terminado tu ejercicio*¹⁶;

- страх: *Dios mío, ay*:

*Dios mío, estoy asustado. Asustado del amor*¹⁷;

- просьба / жалоба: *por Dios*:

— *¡Qué despropósito, señor! Quite usted, por Dios*¹⁸;

- боль: *ay*:

*Ay, este pinche dolor de piernas no me deja en paz*¹⁹;

- согласие: *ajá (ahá / anjá), ajajá, bueno, cómo no, desde luego, école (école cua / ecole cuatro), y cómo, ya, venga, dale, vale, bueno*²⁰:

*Ajá, muchas gracias — dijo la doctora — Veamos qué es lo que pasa aquí*²¹;

- возмущение: *quíá, ca*:

*El horóscopo, ¿no? Tú eres Escorpio. ¿A que no aciertas cuál soy yo? Quiá... no, tampoco, no... Géminis, soy Géminis*²².

- презрение: *bah, aj, puaf, puaj, pu, puf, pche, pchs / pst*²³:

— *¡Puaf! — escupí — ¡Maldito fullero! ¿Por qué no me avisaste que lo habías frito con azúcar?*²⁴

- отрицание: *anda ya, buah, ca y quia, nanay, ni modo, qué va, quita (quita ya), venga ya, y qué más; (un) cuerno, (un) huevo, un rábano, (unas) narices, naranjas (naranjas de la China)*²⁵:

*¡Buah! No se puede salir a la calle, ni jugar al fútbol, ni nada*²⁶.

- *Ni modo, no nos ayudó el gobierno, pero ni modo*²⁷;

- разное (в зависимости от ситуации общения): *¡ah!, ¡oh!, ¡eh!, ¡ay!, ¡huy!*:

¹ Real Academia Española. Nueva gramática de la lengua española...

² Corpus del Español del Siglo XXI...

³ Real Academia Española. Nueva gramática de la lengua española...

⁴ Corpus del Español del Siglo XXI...

⁵ Real Academia Española. Nueva gramática de la lengua española...

⁶ Google Books...

⁷ Real Academia Española. Nueva gramática de la lengua española...

⁸ Corpus del Español del Siglo XXI...

⁹ Real Academia Española. Nueva gramática de la lengua española...

¹⁰ Google Books...

¹¹ Real Academia Española. Nueva gramática de la lengua española...

¹² Corpus del Español del Siglo XXI...

¹³ Real Academia Española. Nueva gramática de la lengua española...

¹⁴ Corpus del Español del Siglo XXI...

¹⁵ Google Books...

¹⁶ Corpus del Español del Siglo XXI...

¹⁷ Google Books...

¹⁸ Там же.

¹⁹ Corpus del Español del Siglo XXI...

²⁰ Real Academia Española. Nueva gramática de la lengua española...

²¹ Corpus del Español del Siglo XXI...

²² Там же.

²³ Real Academia Española. Nueva gramática de la lengua española...

²⁴ Corpus del Español del Siglo XXI...

²⁵ Real Academia Española. Nueva gramática de la lengua española...

²⁶ Real Academia Española. Nueva gramática de la lengua española...

²⁷ Google Books...

1) согласие:

¡Ah sí, verdad!

Oh, sí, mi libro.

Ay sí, qué tonta, lo había olvidado

¡Qué bárbaro, Cholo!, te ha ido bien, ¿eh?, Más o menos, como tú dices.

¡Huy, sí! Yo le creí¹;

2) отрицание:

Ah, no, no les daría nunca esta satisfacción, no, no...

¡Oh, no! esto, esto no es posible, pensé que era una pesadilla...

¡Ay, no! — grité²;

3) удивление:

— ¡Ah, sí? ¿Qué viste? -la interrogó don Benjamín con tono mordaz.

No hay problema siempre que seamos conscientes de la importancia de una dieta lo suficientemente variada como para que no nos falte ningún nutriente.

Oh, sorpresa, lo mismo que en una dieta omnívora.

Huy, ¿esto para hoy? ¡Imposible!³

4) гнев:

¡Oh, maldita sea! — se reprochó — ¿Cómo voy a hacer eso? Podría complicarle la vida⁴.

5) привлечение внимания:

¡Eh, chicos, el Pocho pregunta si tenemos hierba!⁵

Результаты исследования и их обсуждение

Функционирование эмотивных каузативов и междометий

Итак, обращаясь к ситуации каузации эмоциональной модификации, при которой значение эмотивного каузатива, рассматриваемого в качестве глагола, выполняющего функцию изменения эмоционального состояния, каузатором у объекта каузации, усиливается при помощи группы экспрессивных междометий испанского языка.

Рассмотрим следующие контексты:

I. Положительные состояния:

1) радость: Pero si lo hacíamos por tu bien, **ja, ja, ja**, en fin, me **alegraste** la mañana...⁶;

2) восхищение: ... Los playboys **admiran** a las mujeres. — ¡**Guau!**⁷;

II. Диффузные состояния:

1) удивление:

• со злостью: ¡**Caramba!** Me **sorprende** usted.

• с иронией: **Vaya, vaya, señor Aranda, me sorprende** usted. No me diga que se cree todos esos cuentos⁸;

2) вызывать (excitar):

• восхищение:

— **Guau, cuanto me excita** — Jorge habla más despacio o calla, nos puede oír Rafael;

• страх:

El animal ruge más fuerte. — ¡**Dios mío, me excita** su rugido... grrrrrr!⁹

III. Отрицательные состояния:

1) страх: ¡**Dios mío!** Me **asusta** usted; ¡Ay, me **asustas!** ¿Qué es lo que sientes, mi hermanita?¹⁰;

2) гнев: Me enfureció, mierda¹¹;

3) печаль: — ¡Ah! Me entristeces. Eso no está bien¹².

Помимо этого, междометия испанского языка, функционируя в ситуации каузации эмоциональной модификации, могут выступать как первая, произвольная реакция, эмоциональный ответ объекта каузации, а эмотивный каузатив, в свою очередь, во-первых, раскрывает и уточняет семантическую нагрузку междометия, во-вторых, вербально фиксирует семантический результат изменения эмоционального плана у объекта каузации.

Следовательно, взаимодействие эмотивного каузатива и междометия способствует семантизации эмотивности на фоне каузативности. Иными словами, эмотивная составляющая семантического значения междометия конкретизируется при помощи эмотивного каузатива. Например, проанализируем контекст: “¡Ah! Me **entristeces**. Eso no está bien”¹³. Междометие *ah* является полисемантическим, однако, функционируя с эмотивным каузативом *entristecer* (*entristecer* — «causar tristeza a alguien»¹⁴), имеющим сему каузативности (*causar a alguien*) и эмотивности (*tristeza*), семантика эмотивности междометия детализируется. Объект каузации выражает результат изменения своего эмоционального состояния под влиянием каузатора: “¡Ah! Me **entristeces**” значит, что “*Ahora estoy triste*”, поэтому *ah* выражает печаль.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Real Academia Española. Diccionario de la lengua española...

¹ Corpus del Español del Siglo XXI...

² Там же.

³ Corpus del Español del Siglo XXI...

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Google Books...

⁷ Там же.

Иными словами, эмотивный каузатив представляет собой объединение *ratio*, отображающееся в установлении причинно-следственных связей, и *emotio*, которое выражается при помощи эмотивной семантики. Экспрессивные междометия, взаимодействуя с эмотивными каузативами, дополняют и усиливают эмотивную функцию высказывания.

Группа аппеллятивных междометий, имеющая функцию побуждения к действию или стимула к эмоциональной реакции, заключает в своем семантическом потенциале одновременно семы каузативности и эмотивности: “¡Epa!”, *me dijo*, “¡que rápido vamos!” *Me estaba hablando a mí. Yo emocionada le contesté: “No te creas. Hace tres años que pienso en esto y recién estoy animándome ahora”*; ...*miró rabioso al cornetero y gritó con voz de perro: — ¡Pantacha! ¡Silencio! ¡Principal es respeto! Él asustó a los sanjuanés*¹.

Аппеллятивное междометие является выражением эмоции говорящего, провоцирует эмоциональный ответ у слушающего, смену его психического состояния, что является выражением межкатегориального взаимодействия каузативности и эмотивности.

¹ Google Books...

Заключение

Таким образом, междометия — одно из наиболее значимых языковых средств для выражения эмотивности и экспрессивности. Так как экспрессия — «способность выражения психического состояния говорящего»², которая «тесно связана с категорией эмоциональной оценки и в целом с выражением эмоций у человека»³, междометия, выражая чувства и волевые реакции, могут усиливать экспрессивную силу высказывания.

При каузации эмоциональной модификации эмотивный каузатив может конкретизировать значение некоторых экспрессивных междометий. Семантический потенциал эмотивного каузатива увеличивается при наличии в контексте экспрессивных междометий испанского языка. Данные междометия также могут функционировать как стремительная реакция объекта каузации, при этом эмотивный каузатив может уточнить семантическую нагрузку междометия, а также зафиксировать семантический результат изменения эмоционального плана у объекта каузации. Использование аппеллятивных междометий каузативом может провоцировать смену эмоционального состояния у объекта каузации.

² Лингвистический энциклопедический словарь...

³ Там же.

Список источников

1. Агапова А. В. Междометия в испанском языке: некоторые теоретические аспекты и функционирование в речи // Молодой ученый. 2018. № 25 (211). С. 338–340.
2. Архипова И. В., Шустова С. В. Межкатегориальное взаимодействие в функциональной грамматике : монография. Пермь : Изд-во Перм. гос. нац. исслед. ун-та, 2021. 252 с.
3. Бондарко А. В. Теоретические проблемы русской грамматики. СПб. : Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 2004. 208 с.
4. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М. : Учпедгиз, 1947. 639 с.
5. Гак В. Г. Языковые преобразования. М. : Языки славянских культур, 1998. 768 с.
6. Михеева Н. А. Каузация эмоционального состояния и эмоционального отношения в испанском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 24 с.
7. Пиотровская Л. А. Эмотивность и дейксис // Избранные труды XLIII Междунар. филол. конф. СПб. : Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 2015. С. 321–332.
8. Сюткина Н. П. Функционирование эмотивных каузативов в категориальном семантическом комплексе : монография. Пермь : Изд-во Перм. гос. нац. исслед. ун-та, 2020. 176 с.
9. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
10. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1987. 193 с.
11. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций : монография. М. : Гнозис, 2008. 416 с.
12. Штатская Т. В. Взаимодействие категорий интенсивности, экспрессивности, оценочности и образности в семантике глаголов современного французского языка // Гуманитарные чтения «Свободная стихия» : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Севастополь : Изд-во Севаст. гос. ун-та, 2018. С. 71–76.

13. Шустова С. В. Инструментальность и эмотивность в ситуации с глаголами восхищаться/восторгаться и их дериватами // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В. Г. Гака : сб. статей по итогам VI Междунар. конф. М., 2021. С. 511–515.
14. Шустова С. В. Каузативность как функционально-семантическая категория // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2009. № 11. С. 193–196.
15. Шустова С. В., Ошева Е. А. Актуализация эмоциональной модификации // Историческая и социально-образовательная мысль. Научный журнал. 2015. Т. 7, № 1. С. 127–131.

References

1. Agapova AV. Interjections in the Spanish language: some theoretical aspects and functioning in speech. *Molodoy uchenyj = Young Scientist*. 2018;(25(211):338-340. (In Russ.).
2. Arhipova IV., Shustova SV. (2021) Mezhkategorial'noe vzaimodejstvie v funkcional'noj grammatike = Intercategorical interaction in functional grammar. Perm: Perm State University Publishing House; 2021. 252 p. (In Russ.).
3. Bondarko AV. Teoreticheskie problemy russkoj grammatiki = Theoretical problems of Russian grammar. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ. House; 2004. 208 p. (In Russ.).
4. Vinogradov VV. Russkij jazyk (grammaticheskoe uchenie o slove) = Russian language (grammatical doctrine of the word)]. Moscow: Uchpedgiz; 1947. 639 p. (In Russ.).
5. Gak VG. Jazykovye preobrazovaniya = Language transformations. Moscow: Languages of Slavic cultures; 1998. 768 p. (In Russ.).
6. Miheeva NA. Kauzacija jemocional'nogo sostojanija i jemocional'nogo otnoshenija v ispanskom jazyke = Causation of emotional state and emotional attitude in Spanish language. Abstract of Thesis. Moscow; 2007. 24 p. (In Russ.).
7. Piotrovskaja LA. Emotivity and deixis. In: Izbrannye trudy XLIII Mezhdunarodnoj filologicheskoi konferencii = Selected proceedings of the XLIII International Philological Conference. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ. House; 2015. Pp. 321–332. (In Russ.).
8. Sjutkina NP. Funkcionirovanie jemotivnyh kauzativov v kategorial'nom semanticheskom komplekse = Functioning of emotive causatives in the categorical semantic complex. Perm: Perm State University Publishing House; 2020. 176 p. (In Russ.).
9. Shahmatov AA. Sintaksis russkogo jazyka = Syntax of the Russian language. Moscow: URSS; 2001. 624 p. (In Russ.).
10. Shahovskij VI. Kategorizacija jemocij v leksiko-semanticheskoi sisteme jazyka = Categorization of emotions in the lexico-semantic system of the language. Voronezh State University Publishing House; 1987. 193 p. (In Russ.).
11. Shahovskij VI. Lingvisticheskaja teorija jemocij: monografija = Linguistic theory of emotions. Moscow: Gnozis; 2008. 416 p. (In Russ.).
12. Shtatskaja TV. Interaction of the categories of intensity, expressiveness, estimation and imagery in the semantics of modern French verbs. In: Gumanitarnye chtenija «Svobodnaja stihija» = Humanitarian readings “Free Element”. Sevastopol: Sevast. State University Publishing House; 2018. Pp. 71–76. (In Russ.).
13. Shustova SV. Instrumentality and emotiveness in the situation with the verbs admire / admire and their derivatives. In: Jazyk i dejstvitel'nost'. Nauchnye chtenija na kafedre romanskih jazykov im. V. G. Gaka = Language and Reality. Scientific Readings at the Department of Romance Languages named after VG. Gak. Moscow; 2021. Pp. 511–515. (In Russ.).
14. Shustova SV. Causativity as a functional-semantic category. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki = Actual problems of philology and pedagogical linguistics*. 2009;(11):193-196. (In Russ.).
15. Shustova SV., Osheva EA. Actualisation of emotional modification. *Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'.* *Nauchnyj zhurnal = Historical and socio-educational thought. Science Magazine*. 2015;(7(1):127-131. (In Russ.).

Информация об авторе

А. А. Афанасьева — преподаватель кафедры лингвистики и перевода.

Information about the author

Arina A. Afanaseva — lecturer at the Department of Linguistics and Translation.

Статья поступила в редакцию 22.09.2022; одобрена после рецензирования 03.11.2022; принята к публикации 02.10.2023.

The article was submitted 22.09.2022; approved after reviewing 03.11.2022; accepted for publication 02.10.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'371

doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-51-60

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛОГОЭПИСТЕМ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ЗАГОЛОВКОВ АСТРАХАНСКИХ МАССМЕДИА)

Юлия Александровна Васильева

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань, Россия, gis_00@mail.ru

Аннотация. В статье на примере заголовочных конструкций печатных и сетевых астраханских СМИ рассмотрены особенности функционирования логоэпистем в публицистическом дискурсе. Наиболее частотными являются заголовки с логоэпистемами, образованными на основе фразеологизмов, крылатых фраз из кинофильмов, песен, народных сказок, названий литературных произведений. Анализ языкового материала говорит о трансформации структуры или семантики прецедентного текста, составляющего ядро логоэпистемы. Заголовки, воспроизводимые в виде готовой речевой единицы, с трудно прогнозируемым содержанием, встречаются нечасто. В публицистических текстах логоэпистематические единицы выполняют аттрактивную, провокационную и аксиологическую функции. Логоэпистематические заголовочные конструкции характеризуются богатым ассоциативным потенциалом и модальной окрашенностью лексических единиц, входящих в их состав, формируют фактический и концептуальный смысл текста. Анализ целевых установок обращения к логоэпистемам в публицистическом дискурсе позволил сделать вывод о том, что чаще всего с помощью включения логоэпистем в заголовок журналисты стремятся дать образную оценку событиям, поступкам или личности. Для образной оценки современных событий журналисты используют прецедентные феномены, восходящие к кинематографу, художественной литературе, фольклору, истории. Понимание и адекватная интерпретация образованных на их основе логоэпистем выступает маркером принадлежности к культуре страны. Дальнейший анализ логоэпистематических заголовков позволит выявить особенности их функционирования и прагматики.

Ключевые слова: логоэпистема, публицистический дискурс, заголовок, квазицитация, прецедентный текст, лингвокультурология, массмедиа

Для цитирования: Васильева Ю. А. Функционирование логоэпистем в публицистическом дискурсе (на примере заголовков астраханских массмедиа) // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 9 (479). С. 51–60. doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-51-60

Original article

FUNCTIONING OF LOGOEPISTEMES IN JOURNALISTIC DISCOURSE (USING THE EXAMPLE OF HEADLINES OF ASTRAKHAN MASS MEDIA)

Julia A. Vasileva

Astrakhan State University named after V.N. Tatischev, Astrakhan, Russia, gis_00@mail.ru

Abstract. The article examines the features of the functioning of logoepistemes in journalistic discourse using the example of headline constructions of printed and online Astrakhan media. The most frequent are logoepistemes based on phraseological units, short phrases from movies, songs, folk tales, titles of literary works. The analysis of our linguistic material indicates transformations of structure or semantics of precedent texts that form the core of logoepistemes. Headlines reproduced in the form of ready-made speech units, with content difficult to predict, are rare. In journalistic texts, logoepistemetic units perform attractive, provocative and axiological functions. Logoepistemetic head constructions are characterized by a rich associative potential and modal coloring of the lexical units that make up their composition, form the actual and conceptual meaning of the text. The analysis of the target settings of addressing logoepistemes in the journalistic discourse allowed us to conclude that most often, by including logoepistemes in the title, journalists seek to give a figurative assessment of events, actions or personality. Journalists

use precedent phenomena stemming from cinema, fiction, folklore, history for figurative assessment of modern events. Understanding and adequate interpretation of logoepistemes based on them are the markers of belonging to a culture of a certain country. Further analysis of logoepistematic headings will reveal the features of their functioning and pragmatics.

Keywords: logoepisteme, journalistic discourse, heading, quasi-quotation, precedent text, linguoculturology, mass media

For citation: Vasileva JA. Functioning of logoepistemes in journalistic discourse (using the example of headlines of Astrakhan mass media). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(9(479):51-60. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-51-60

Введение

Эффективная коммуникация представляет собой не только обмен информацией, но и систематический и непрерывный процесс рассказывания, слушания и понимания (Луис А. Аллен). Адекватно принимать и передавать информацию помогает знание логоэпистем (греч. *logos* — ‘слово’ и *episteme* — ‘знание’) — «языковых выражений закреплённого общественной памятью следа отражения действительности в сознании носителей языка в результате постижения (или создания) ими духовных ценностей отечественной и мировой культур» [13]. Логоэпистематика как направление в лингвистике изучает логоэпистемы как языковые единицы, отражающие сложный процесс взаимосвязанного развития национальной культуры и языка [5; 7; 8; 9].

Как элементы своеобразной языковой игры логоэпистемы часто появляются в заголовках СМИ. Воспроизведение прецедентных текстов (или их фрагментов), составляющих ядро логоэпистем, в намеренно изменённом виде часто обусловлено стремлением к обогащению публицистических текстов нестандартными выражениями, экспрессивной и эмоционально окрашенной лексикой, стремлением к стиливой неоднородности, к созданию широкого ассоциативного ряда, что в итоге служит усилению основной функции текстов публицистического стиля — воздействующей. К логоэпистемам относят лозунги, фразеологизмы и крылатые фразы, строки из песен, рекламных текстов, народных сказок, художественных фильмов [1–3]. Н. Д. Бурвикова и В. Г. Костомаров определяют логоэпистему как механизм компрессии прецедентных текстов до отдельного слова, словосочетания или фразы. Логоэпистема является трансформированным прецедентным высказыванием, средством выражения прецедентных культурологических явлений, вызывающим у адресата (который может быть не знаком с текстом-источником) определённые ассоциации. Исследователи выделяют следующие

черты логоэпистем: словесное выражение, указание на породивший её текст или ситуацию, возобновление в процессе коммуникации (логоэпистемы не создаются заново), видоизменяемость в пределах сохранения опознаваемости, символичность, наполненность знанием культурного характера, герменевтичность (для понимания логоэпистем требуется соотнести их с иными текстами как артефактами культуры), дидактический потенциал (овладение логоэпистемами происходит в процессе получения образования, постижения культуры) [6. С. 39]. Логоэпистемы обращены к культурной памяти представителей того или иного социума, маркируют принадлежность к определённой социально-культурной группе, так как «позволяют выразить новое содержание через призму картины мира, ментальности, социально-культурной истории данного народа. Этим они обеспечивают безграничное приращение смысла, экспрессии, эмоциональности» [6. С. 48].

Коммуникативный эффект при включении логоэпистем в публицистический текст достигается посредством «свёрнутого» выражения мысли. Однако для этого коммуниканты должны владеть сходным набором логоэпистем [11; 12; 14]; только в этом случае исходный прецедентный текст (ядро логоэпистемы) адекватно дешифруется адресатом.

Материалы и методы исследования

Материалом нашего исследования послужили тексты печатных и сетевых астраханских средств массовой информации: астраханские информационно-новостные порталы «КаспийИнфо», «Арбуз», «ПУНКТ-А», «Астраханские новости», «Астрахань 24», «Прожектор», «Астрахань ФМ»; газеты «Волга», «Комсомолец Каспия», «Астраханские ведомости», «Каспиец», «Астраханский листок», «Горожанин», «Астраханская правда» и другие. Методом сплошной выборки была составлена репрезентативная картотека, включающая 420 заголовков.

Результаты исследования

Логоэпистематические заголовочные конструкции характеризуются богатым ассоциативным потенциалом и модальной окрашенностью лексических единиц, входящих в их состав, формируют фактический и концептуальный смысл текста. Однако нужный эффект воздействия на реципиента достигается не всегда: неуместное включение логоэпистем в заголовки статей (или неудачная трансформация подобных языковых единиц) зачастую ведёт к непониманию текста в целом и препятствует его осмыслению. Например, заголовок репортажа «Астрахань и астраханцы. Город красен будками и заборами» («Пункт-А», 16.07.2022) отсылает читателя к пословице «Не красна изба углами, красна пирогами», подразумевающей, что хозяин дома ценится не своим богатством, а гостеприимством. В тексте статьи последовательно раскрыто совершенно иное послание читателю: новые арт-объекты, граффити на заборах и ветхих, непримечательных постройках украшают город, делают его облик ярче и привлекательнее (то есть подчёркивается именно внешняя сторона Астрахани, о качествах жителей города речи не идёт).

Логоэпистемы функционируют «в речевой коммуникации в качестве смыслонесущего элемента дискурса» [10. С. 11]. Выделим несколько типов логоэпистем в составе заголовков публицистических текстов. Отметим важнейшую структурообразующую функцию заголовка текста СМИ: это не только основной элемент сообщения, но и первый элемент восприятия текста читателем. Именно от него во многом зависит интерес реципиента к публикации.

Логоэпистемы делятся на *предикативные*, по форме представляющие собой высказывания (пословицы, поговорки, крылатые слова, прецедентные высказывания и т. д.) и *непредикативные* (логоэпистемы-фразеологизмы и логоэпистемы — прецедентные имена), характеризующие не ситуацию в целом, а один из её компонентов.

В современных лингвистических исследованиях выделяется несколько типов отношений между логоэпистемой и прецедентным текстом. К *логоэпистемам, структурно связанным с текстом-источником*, относятся цитаты, занимающие сильную позицию в прецедентном тексте (например, его название, припев песни, повторяющаяся фраза): «Астраханцам обещают “город-сказку, город-мечту”» (слова «город-сказка, город-мечта» — начало припева популярной песни о Санкт-Петербурге группы «Танцы минус»).

В астраханских СМИ встречаются *дейктичные логоэпистемы*, связанные с ситуацией-источником. Например, автор статьи с заголовком «Астраханская подземная Хиросима» («Астраханские новости», 06.11.2012) проводит параллели между Астраханью, которая находится на грани экологической катастрофы вследствие взрывов в подземных газохранилищах «Газпрома», и Хиросимой — городом, который первым в мире подвергся ядерной бомбардировке. Другой пример: статья «Нептун в этом году беспощаден к астраханцам» («Блокнот-Астрахань», 11.07.2021), в которой приводится печальная статистика об утонувших горожанах. Мифологический контекст, актуализированный в заголовке, напоминает о древнеримском покровителе моря и пресной воды. Нептун считался грозным, мстительным и своенравным божеством, которому требовались жертвоприношения.

Автосемантические логоэпистемы в составе заголовочных конструкций включают крылатые слова, пословицы и поговорки, утратившие структурную связь с прецедентным текстом. Так, заголовок «Где родился, там и участковый: астраханский полицейский — о службе в селе» («Арбуз», 10.11.2020) указывает на пословицу «Где родился, там и пригодился» со значением «человеку лучше всего жить и трудиться в родных местах».

Заголовок статьи «Вобла идёт. Астраханцы кусают локти из-за тотального запрета на рыбалку» («Комсомолец Каспия», 09.04.2020) воспроизводит устойчивое сочетание «кусать локти» со значением «сожалеть о какой-то неудаче, о чём-то упущенном или сделанном в прошлом».

В статье под названием «По мандату и доходы?» («АиФ», 27.04.2022) обнародованы сведения о доходах и имуществе депутатов за 2021 год. Заголовочная конструкция содержит отсылку к русской пословице «По Сеньке и шапка» со значением «достоин не больше того, что имеет (о ком-либо)». Однако знак вопроса в конце заголовка задаёт тему потенциального диалога автора и читателя и косвенно указывает на то, что ответ заключён в тексте. Таким образом достигается усиление воздействующей функции публицистического текста: автор статьи не преподносит информацию в готовом виде, как факт, а вовлекает читателя, предоставляет ему возможность сформировать оценочное суждение.

В статье «Останутся рожки да ножки? Под ударом 100 тысяч Астраханских ЛПХ» («АиФ», 30.11.2021) рассказывается об ужесточении условий для владельцев личных подсобных хозяйств.

Выражение «рожки да ножки» из детской народной песенки прочно вошло в память языка, стало элементом национального культурного кода и означает «почти ничего не осталось от кого-либо или чего-либо». Фразеологический оборот отпочковался от более длинной фразы — «оставили бабушке рожки да ножки». В песне козлика съели серые волки. В тексте статьи легко угадывается этот образ — местные областные депутаты, выступившие с законодательной инициативой, которая грозит уменьшением количества ЛПХ и подорожанием продуктов питания. Здесь логоэпистема служит средством создания негативного образа власти. С её помощью автор статьи даёт образную оценку действий чиновников.

Приведём другие заголовки подобного типа:

- «Когда рак на горе свистнет: астраханцы 12 лет ждут документы по газоснабжению» («Астраханский листок», 06.04.2021). Фразеологизм «когда рак на горе свистнет» означает «неопределённо долго» и употребляется при невозможности дать конкретный ответ или при нежелании собеседника определяться со сроками;
- «Метры волнуются раз: рынок недвижимости в Астраханской области обещает нестабильный год» («Арбуз», 15.11.2021). В этом заголовке представлено устойчивое выражение «Море волнуется раз» (слова из детской игры), первый компонент которого заменён.

Распространены и логоэпистемы, созданные на основе названий литературных произведений или ставших крылатыми строк из них, закрепившиеся в русском речупотреблении. Заголовки статьи «На мусорном фронте без перемен» («АиФ», 21.04.2022) представляет собой квазицитацию названия романа Ремарка «На западном фронте без перемен» и освещает злободневную для города тему утилизации мусора как затянувшуюся, безрезультатную войну между астраханцами, администрацией и региональным оператором по вывозу отходов. Отметим другие заголовки подобного типа: «Пир во время коронавируса. Управделами астраханского губернатора закупило позолоченные икорницы по 25 тысяч за штуку» («Пункт-А», 31.03.2020) — отсылка к трагедии А. С. Пушкина «Пир во время чумы»; «Кому в Астрахани жить хорошо?» («Астраханские новости», 01.05.2017) — аллюзия к поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»; «Мёртвые души по новой школьной программе» («Арбуз», 19.03.2020) — аллюзия к поэме Н. В. Гоголя «Мёртвые души»; «Итак, она звалась Татья-

ной» («Волга», 22.01.2021) — строки из поэмы А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

Предикативные логоэпистемы, составляющие ядро таких заголовков, использованы авторами репортажей уместно; нарушений смыслообразующих связей с прецедентным текстом-источником не обнаруживается: в статье «Кому в Астрахани жить хорошо?» раскрывается тема доходов и уровня жизни астраханцев; статья «Мёртвые души по новой школьной программе» рассказывает о мошеннической схеме трудоустройства и ложных сведениях о якобы работающих людях в одной из астраханских школ; статья «Итак, она звалась Татьяной» — о праздновании Татьянинного дня.

Включённые в заголовки логоэпистемы призваны актуализировать информативность, модальность, экспрессивно-эмоциональную окраску. Когда ведущей категорией выступает информативность, логоэпистематические единицы часто демегафоризируются, то есть метафорическое значение нивелируется, и один или несколько компонентов логоэпистемы приводятся в их прямом значении. Так, в заголовке «После дождика в четверг: в Астрахани такси подорожало вдвое» (Bloknot-Astrakhan.Ru, 02.09.2021), где устойчивое фразеологическое сочетание «После дождика в четверг» функционирует в своём буквальном значении и информирует читателей о том, что неблагоприятные погодные условия влияют в городе на цену услуг такси. Значение же этой фразеологической единицы — «не скоро, маловероятно, никогда». Ещё один заголовок такого типа — «Большому кораблю — большую воду. Астраханский сухогруз сам сошёл с мели» (Astrakhanpost.ru, 14.10.2012). Статья информирует об инциденте с севшим на мель в Волго-Каспийском канале сухогрузом. В основу логоэпистемы положена фраза «Большому кораблю — большое плаванье», авторство которой приписывают древнеримскому сатирику Петронию. Крылатым выражение стало благодаря Н. В. Гоголю: эту фразу в пьесе «Ревизор» произносит Городничий, желающий продвинуться по службе через брак своей дочери и чиновника из Петербурга.

Отдельного упоминания заслуживают логоэпистематические заголовки-лозунги и заголовки-призывы, которые призваны привлечь внимание читателя к затрагиваемой проблеме:

- «Фальшивкам — бой!» («Пьянству — бой!») — известная фраза советской антиалкогольной пропаганды;
- «Да будут речные трамвайчики!» (аллюзия к библейской фразе «Да будет свет»);

- «Даёшь городу младенцев! Власти предпринимают усилия, которые должны увеличить рождаемость» («Дадим стране угля!» — трудовой лозунг советских шахтёров);
- «Побойтесь губернатора!» (в русском языке есть выражение «побойся Бога!», которое традиционно используется для обозначения желания пристыдить собеседника, воззвать к его морали);
- «Знай наших! Олимпийские традиции астраханского спорта» (усечение пословицы «Знай наших, поминай своих»);
- «Ударим расследованием по астраханскому разгильдяйству!» (фраза «Ударим автопробегом по бездорожью, разгильдяйству и бюрократизму» встречается в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой телёнок»);
- «Астраханцы всех городов, соединяйтесь!» (аллюзия к одному из самых известных интернационалистических лозунгов коммунизма «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»).

В заголовках астраханских сетевых и печатных массмедиа широко представлены логоэпистемы, связанные со сферой-источником «Кино». Высокий прагматический потенциал кинематографа обуславливает его важную роль в формировании лингвокультурной компетенции у представителей самых разных социальных групп и создаёт условия для успешной межкультурной коммуникации. Фразы героев популярных кинофильмов переходят в живую речь, закрепляются в речевом обиходе носителей языка. Приведём примеры употребления логоэпистем, в основе которых лежат прецедентные тексты из художественных фильмов.

Выражение «Ночной Дозор! Всем выйти из сумрака!» обрела известность в 2004 году, после выхода на экраны фильма «Ночной Дозор» в жанре городского фэнтези, снятого по мотивам одноимённого романа Сергея Лукьяненко. В романах С. Лукьяненко, описывающих жизнь Иных (людей с особыми способностями), сумрак — это параллельный мир, где могут находиться только Иные. Существуют противоборствующие фракции — Свет и Тьма, и при столкновении интересов, чтобы все Иные вышли в обычную реальность, используется упомянутая фраза.

В составе заголовочных конструкций в астраханских СМИ это прецедентное высказывание присутствует в разных видоизменённых формах: «Выйти из сумрака: почему на улицах Астрахани нет освещения?» («Южная волна», 26.12.2018); «Как выйти из сумрака? Правительство Астраханской области решает проблему с высокими

счетами за электричество» («Астрахань.Fm», 01.09.2014); «Самозанятым предлагают выйти из сумрака» («Ахтубинск.гу», 02.07.2020); «Прокуратура Астраханской области заставила коммунальщиков “выйти из сумрака”» («Астрахань.NET», 25.01.2019); «Выйти из сумрака. Водителей штрафуют за шторы на окнах» («SmartNews», 26.06.2022) и др. Носители русского языка, владеющие фоновыми знаниями о современном кинематографе, без труда прогнозируют содержание статей с подобными названиями. Сторона, предлагающая выйти из сумрака, — представители власти, закона; соответственно, те, кого призывают выйти из сумрака, каким-то образом нарушают закон, не исполняют свои обязательства. Между этими сторонами обычно конфликт, противостояние, которые требуют разрешения и принятия жёстких мер.

Встречаются и заголовки, в которых актуализированы не фразы киногероев, а названия фильмов и сериалов. Например, в статье «Улица разбитых фонарей: на астраханский скейт-парк напали вандалы» («Блокнот-Астрахань», 16.06.2021) заимствовано название популярного российского детективного сериала 1990-х годов «Улицы разбитых фонарей». В статье «Астрахань протянет Баку “Бриллиантовую руку”» («Пункт-А», 21.03.2016) рассказывается о новом туристическом маршруте, повторяющем название комедии Леонида Гайдая.

Интересно название статьи «Астраханский Остап Бендер. Кто не работает, тот ест» («Прожектор», 12.04.2020). В этом заголовке прецедентное имя яркого героя романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», ставшее широко известным благодаря комедии Леонида Гайдая, приведено с цитатой из другой комедии того же режиссёра — «Операция “Ы” и другие приключения Шурика». Статья с литературно-кинематографическим заголовком рассказывает об астраханце, который обошёл закон и получал зарплату, фактически не работая.

Заголовок статьи «Все псы попадают в астраханские дворы» («Арбуз», 27.01.2022) содержит отсылку к названию известного мультфильма «Все псы попадают в рай» (1989) и освещает одну из главных проблем города — ситуацию с большим количеством бродячих собак.

Статья «Восток — дело тонкое! Проверено в Астрахани» («АстраКульт», 21.01.2021) знакомит читателей с уникальными экспонатами зала искусства Востока и Азии Картинной галереи имени П. М. Догаядина. Фраза «Восток — дело

тонкое» из фильма «Белое солнце пустыни» стала крылатой, часто употребляемой, когда речь заходит о восточных людях, их обычаях и традициях. Это прецедентное высказывание носит характер комментария по поводу какой-либо сложной, запутанной ситуации, связанной с Азией или с Востоком вообще.

Если в представленном выше заголовке речь идёт исключительно об искусстве, восточных культурных традициях, изящном мастерстве ремесленников, то есть в положительном ключе, то автор другой статьи преследует совершенно иные цели. Заголовочная конструкция «Восток — дело тонкое. Как таджикские “билетёры” наживаются на своих соотечественниках» («Астраханские новости», 28.12.2020) призвана вовлечь читателя в размышления о противозаконных действиях представителя общественной организации «Душанбинцы» и о его обмане соотечественников-нелегалов. Здесь структура прецедентного высказывания остаётся в неизменном виде, но смысловая нагрузка переходит на вторую, поясняющую часть заголовка. Усиление экспрессивной окрашенности происходит именно за счёт включения в название статьи крылатой фразы из фильма: она наводит на мысли о неоднозначности человеческих поступков, о существовании моральных законов, которые были нарушены. Без этого прецедентного высказывания содержание статьи осмысливается как рядовой материал криминальной хроники.

Лексема «Восток» может заменяться другой, если акцентируется внимание на какой-то ситуации, требующей осторожности и размышлений. Например, в статье «Тростник — дело тонкое» (06.03.2016) речь идёт о тростниковых пожарах, выжигающих земли Астраханского заповедника, и предлагаются различные способы решения этой сложной проблемы. Другой пример: статья «Призывник — дело тонкое» («Астрахань.Fm», 27.04.2005), разъясняющая требования к прохождению военной службы.

Статья «Очень приятно, Царь! Как астраханцы называют своих детей?» («Пункт-А», 13.12.2012). «Очень приятно, царь» — известная фраза Ивана Васильевича Бунши (выдающего себя за царя Ивана Грозного) из популярной советской кинокомедии «Иван Васильевич меняет профессию». В заголовке статьи «Птичку жалко: на астраханской птицефабрике с голода массоводохнут курицы» (astrakhanpost.ru, 21.01.2022) актуализирована крылатая фраза из советской комедии «Кавказская пленница, или Новые приключения

Шурика». Произносит её нетрезвый Шурик, когда пытается записывать кавказские тосты. Отметим, что фраза обычно употребляется в ироничном контексте, однако в заметке о птицефабрике такой подтекст отсутствует. Название статьи «Наши люди в булочную на такси не ездят» («Комсомолец Каспия», 24.09.2015) приведено без поясняющего заголовка, но уже первая фраза раскрывает содержательную сторону заметки, продолжая мысль автора: «А ездят до мусорного контейнера». Статья, напомнившая читателям фразу управдома из фильма «Бриллиантовая рука», действительно получилась комичной: таксист рассказывает о курьёзных случаях в своей работе.

Устойчивое выражение «Кина не будет» закрепилось в речупотреблении носителей русского языка благодаря кинофильму «Джентльмены удачи». Его первоначальный, неусечённый вариант звучит так: «Всё, кина не будет, электричество закончилось». В составе заголовочных конструкций эта фраза встречается очень часто. Например, в статьях «Кина не будет: в Астрахани закрылся кинотеатр» («Блокнот-Астрахань», 28.09.2020), «Кина не будет: 25 ноября астраханцам отключат телевидение и радио» («Пункт-А», 20.11.2019) сохранено первоначальное, буквальное значение фразы: поломка, отказ механизма и, как следствие, отсутствие возможности посмотреть фильм.

Однако в некоторых заголовках значение этой крылатой фразы несколько переосмыслено, подверглось метафоризации. Такими примерами выступают статьи «“Кина не будет”: представители МЧС опровергли возможность чрезвычайной ситуации в Астраханской области» («Астраханский листок», 10.12.2019); «„Кина“ не будет? Власти Астрахани не замечают голодовку сторонников бывшего кандидата в мэры» («Астраханские новости», 02.04.2012). В приведённых заголовках актуализировано несколько иное значение фразы: изменение ситуации в худшую сторону, неоправданные ожидания.

Первоначальный облик логоэпистемы может изменяться с целью усиления связи с темой статьи. При этом смысловая нагрузка переходит на замещённый компонент: например, заголовок «Вот тебе, бабушка, и фискальный день!» («Астраханские новости», 26.05.2019) наряду с историческими ассоциациями информирует о конкретном событии — обнародовании законопроекта о переносе шести квазианалоговых платежей в Налоговый кодекс. Русская пословица «Вот

тебе, бабушка, и Юрьев день» выражает огорчение от случившегося, сожаление об обманутых ожиданиях и несбывшихся надеждах.

Статья «Галопом по каналам» («Астраханские известия», 10.06.2017) рассказывает об астраханских речных прогулках. Крылатое выражение «Галопом по Европам» имеет негативные коннотации и используется при рассказе о чьей-то торопливости, невнимательности и каких-либо неутешительных результатах вследствие этого. Модальное значение негативной оценки раскрывается в тексте статьи мнением автора о недостаточном использовании туристического потенциала региона и практически полном отсутствии экскурсионных услуг на речных каналах.

Заголовочные конструкции, представленные логоэпистемами в их первоначальном виде, то есть воспроизводимые в виде готовой речевой единицы, часто не поддаются адекватной интерпретации читателями. Так, трудно спрогнозировать содержание статей под названиями «Оставили с носом», «Бесценный дар, или „яблоко раздора“», «Давайте жить дружно», «Нас и здесь неплохо кормят», «Мал золотник, да дорог», «Ох, лето красное! Любил бы я тебя...» и др.

Богатейшим источником логоэпистем являются фольклорные тексты, преимущественно сказки. Включение фольклорных логоэпистем в современный публицистический дискурс настраивает читателя на игру смысла с текстами. Н. В. Татарина исследует сказочные логоэпистемы и выделяет: логоэпистемы-номинации (собственные имена главных героев сказок, чудесных помощников, волшебных предметов и животных), логоэпистемы — устойчивые выражения (постоянные эпитеты), логоэпистемы-сентенции (сказочные зачины) [4].

Рассмотрим подобные логоэпистемы в текстах астраханских СМИ.

1. **Логоэпистемы-номинации:** «Врач Курмышкин: Кощей или Христос?» («Пункт-А», 19.02.2022): в статье речь идёт о враче Александре Курмышкине, основателе фонда защиты прав больных СМА. Автор заметки даёт пояснение: «Насчет Кощея, кстати, мы не придумали: одна из статей так и называется “Кошеево царство: как фонд Курмышкина выводил миллионы, предназначенные для больных детей”. Христом, правда, его еще никто не называл, но пациенты и родители детей, которым он помог получить лекарства, цена которым без преувеличения жизнь, готовы на него молиться». Вопросительная кон-

струкция заголовка имеет риторический характер: журналист ставит вопрос не с целью получить на него однозначный ответ в статье, а для привлечения внимания к проблеме. Предполагается, что в тексте статьи читатели найдут необходимые разъяснения и сформируют собственное мнение о поставленной проблеме. В этой статье заголовок выполняет текстообразующую функцию. Отвечая на обозначенный в названии статьи вопрос, журналист последовательно опровергает доводы оппонентов (авторов других заметок о враче), в которых Курмышкин обвиняется в незаконной врачебной деятельности.

2. **Логоэпистемы — устойчивые выражения:** «Чем помешала “добрым молодцам” скамейка будет разбираться полиция» («Астраханские новости», 26.06.2017) — статья о вандалах (здесь устойчивое сочетание «добрые молодцы» отличается от фольклорного образа богатырей, удальцов, применяющих свою силу для защиты семьи, родины и т. д.; сохранена только сема ‘сила’); «Житель Наримановского района создал птицефабрику “в чистом поле”» («Арбуз», 08.08.2017) — о создателе семейного бизнеса с нуля.
3. **Логоэпистемы-сентенции:** «Жили-были астраханские рыбаки» («Волга», 15.10.2019) — статья об открытии музея «Рыбацкое подворье»; «Сказка сказывается, а скоро и дело сделается» («АиФ», 16.06.2022) — видоизменённая присказка в тексте этой статьи призвана настроить читателей на оптимистичный лад и прогнозирует положительные перемены в жизни региона после участия делегации под эгидой губернатора в Петербургском международном экономическом форуме.

Интересно использование логоэпистемы-номинации «Баба Яга» в заголовке «Баба Яга против: астраханцы возмущены похоронным сюрпризом в центре города» («Блокнот-Астрахань», 12.07.2021). «Баба-яга против!» — название цикла из трёх советских рисованных мультфильмов 1979 года, выпущенных к летним Олимпийским играм 1980 года. Это устойчивое сочетание используется как самостоятельная фраза. В тексте статьи логоэпистема «Баба Яга» обозначена только в заголовке, но и этого автору достаточно для обрисовки прецедентной ситуации спора, несогласия: жители одной из астраханских улиц недовольны появлением возле их дома похоронного бюро и размещением рекламы ритуальных услуг.

Однако здесь возникает противоречие: фраза «Баба Яга против» обычно характеризует кого-либо, кто всегда протестует и не согласен с мнением других, то есть имеет в сознании носителей русского языка негативный подтекст с оттенком неодобрения. Из текста статьи, напротив, следует, что претензии астраханцев вполне обоснованы, и к тому же ритуальный павильон установлен незаконно. Таким образом, здесь можно отметить непонимание автором логоэпистемы и неуместное её использование в сатирическом ключе.

В астраханских массмедиа есть и тексты, в которых сентенции и устойчивые выражения из фольклорных источников представлены комплексно. Приведём небольшую заметку с заголовком «В астраханском паспортном столе избрели новый субъект России» («Блокнот-Астрахань», 18.10.2018):

«Садись поудобнее, дружок, я расскажу тебя сказку.

Исполнилось добру молодцу 45 лет, пришла пора по закону российскому ему менять документ свой главный — паспорт. И отправился он за тридевять земель, в паспортный стол Астрахани, где проживает в данный момент.

Долго ли, коротко ли, но получил свой новый паспорт богатырь. Проверил он дату рождения да прописку и отправился восвояси. А потом внезапно обнаружил, что родился он, по мнению сотрудников паспортного стола, в Республике Дагестан. И теперь паспорт нужно заново менять, ибо уроженцам этого тридевятого царства, тридесятого государства даже сим-карту купить нельзя, не то, что цветочек аленький.

Вот и сказочке конец, проверяйте всё внимательно и будет вам счастье».

В этой стилизованной заметке мы наблюдаем логоэпистему — устойчивое выражение *добрый молодец*, логоэпистему-сентенцию, обозначающую сказочное пространство (*тридевятое царство, тридесятое государство*), сказочные реплики по ходу действия (*долго ли, коротко ли; отправился восвояси*), номинацию волшебного предмета (*цветочек аленький*), сказочную концовку (*Вот и сказочке конец*). Кроме того, особым стилистическим приёмом является применение автором заметки инверсии как средства художественной выразительности.

Особого внимания заслуживает рассмотрение целевых установок обращения к логоэпистемам в публицистическом дискурсе. В приведённых логоэпистематических заголовках это чаще всего образная оценка события, поступка или

личности. Например, в статье «История о том, как блондинка в Астрахани на выборы ходила» («Арбуз», 19.09.2016) один из подзаголовков гласит: «Но самое главное — депутатов нужно знать в лицо!» Это намеренное искажение крылатой фразы «Страна должна знать своих героев», впервые опубликованной в газете «Правда» в 1931 году и рассказывающей о награждении 15 передовиков труда. Выражение стало популярным благодаря многочисленным советским плакатам об ударниках производства, но с течением времени стало употребляться в ином контексте, как шуточный комментарий к намерению назвать имена людей, прославившихся в чём-либо или, напротив, замеченных в каких-либо неблагоприятных поступках. Статья в астраханском сетевом СМИ не стала исключением: материал написан в ироническом ключе и повествует о ведении предвыборной кампании с акцентом на внешние, имиджевые показатели деятельности чиновников.

В статье «Сообразили на троих: в Астрахани два чиновника и предприниматель украли из казны три миллиона» («Пункт-А», 21.09.2015) рассказывается о махинациях с установкой водонапорных башен. Известные крылатые выражения «сообразить на троих», «Товарищ, третьим будешь?» предположительно появилась во времена, когда СССР руководил Никита Сергеевич Хрущёв. Из-за увеличения цен на алкоголь в 1950–1960-е годы бутылку водки покупали на троих. Таким образом, выражение «соображать на троих» приобрело негативный смысл и всегда подразумевает нечестный обход запретов, сговор в целях обретения личной выгоды.

Выводы

Итак, логоэпистемы выступают одновременно средством описания языка и знаками, символами, отражающими национальную культуру. Попадая в публицистический дискурс из различных источников (кинофильмы, песни, паремии, фольклорные тексты, литературные произведения), логоэпистематические единицы начинают выполнять следующие функции: аттрактивную (привлечение внимания читателей), провокационную (смысл заголовка становится понятен только после прочтения всего текста), аксиологическую (формирование оценочного суждения, акцент на определённые ценностные аспекты восприятия реальности). Заголовки современных СМИ характеризуются усилением информативной составляющей и общедоступности.

Газеты и информационно-новостные порталы рассчитаны на массовую аудиторию, в связи с чем их тексты должны быть приближены к её речи и выразительны, то есть выполнять информативную и воздействующую функции. Употребление логоэпистем как равноуровневых лингвострановедческих единиц — актуальный журналистский приём. В публицистическом

дискурсе логоэпистемы часто трансформируются в связи с актуализацией социокультурных процессов, поэтому участвуют в смыслообразовании текстов. Таким образом, логоэпистемы в текстах средств массовой информации отражают ориентацию журналистов на современный языковой вкус и обращение к культурным ценностям в сознании адресатов.

Список источников

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка. М. : Флинта : Наука, 2010. 288 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Логоэпистемы и знаки косвенно-производной номинации // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2014. № 8. С. 157–170.
3. Алефиренко Н. Ф. Фразеологические логоэпистемы: архетипы и символы // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2014. № 13 (184). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frazeologicheskie-logoepistemy-arhetipy-i-simvoly> (дата обращения: 08.11.2022).
4. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / пер. с польск. М. : Индрик, 2005. 528 с.
5. Бурвилова Н. Д., Костомаров В. Г. Логоэпистематическая составляющая современного языкового вкуса // Филологические науки. 2008. № 2. С. 3–11.
6. Бурвилова Н. Д., Костомаров В. Г. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века. СПб., 2001. 72 с.
7. Верещагин Е. М. Феномен логоэпистемы в свете лингвофилософских воззрений И. А. Бодуэна де Куртэнэ // Бодуэновские чтения. Казань, 2001.
8. Жданов В. Н. Логоэпистема как знаковая лингвокультурологическая единица русского дискурса // Гуманитарные науки и проблемы современной коммуникации : материалы I Междунар. науч.-практ. междисциплинар. интернет-конф. (Якутск, 17–24 мая 2013 года). Якутск, 2013.
9. Золотарева С. А. Логоэпистема соприкосновение двух знаковых систем: языка и культуры // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 2. С. 12–15.
10. Канаева Е. К. Текстовые функции логоэпистемы (на материале газетных заголовков) : автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 2007. 22 с.
11. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. М. : Наука, 1980.
12. Крюков А. Н. Фоновые знания и языковая коммуникация // Этнопсихоллингвистика. М. : Наука, 1988. С. 19–34.
13. Попова Е. А. Прецедентные тексты в обучении русскому языку // Русский язык в школе. 2007. № 3. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index270849.html> (дата обращения: 08.11.2022).
14. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М. : Языки славянской культуры, 2002.
15. Татарина Н. В. Логоэпистемы из русских народных сказок в коммуникативном пространстве носителей русского языка : автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 2007. 24 с.

References

1. Alefirenko NF. Lingvokul'turologiya: Cennostno-smy'slovoe prostranstvo yazy'ka = Linguoculturology: the value-semantic space of language] Moscow: Flinta: Nauka; 2010. 288 p. (In Russ.).
2. Alefirenko NF. Logoepistemes and signs of indirectly derived nomination. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the South Ural State Humanitarian Pedagogical University*. 2014;(8):157-170. (In Russ.).
3. Alefirenko NF. Phraseological logoepistemes: archetypes and symbols. In *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazy'koznaniya = Issues on journalism, education and linguistics*. 2014;(13(184)). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/frazeologicheskie-logoepistemy-arhetipy-i-simvoly> (accessed: 08.11.2022). (In Russ.).
4. Bartmin'skij E. Yazy'kovej obraz mira: ocherki po e'tnolingvistike = the linguistic image of the world: essays on ethnolinguistics. Moscow: Indrik; 2005. 528 p. (In Russ.).

5. Burvikova ND, Kostomarov VG. Logoepistematic component of modern linguistic taste. *Filologicheskie nauki = Philological sciences*. 2008;(2):3-11. (In Russ.).
6. Burvikova ND, Kostomarov VG. Starye mekhi i molodoe vino. Iz nablyudenij nad russkim slovoupotreblenijem konca XX veka = Old bottles and new wine. In *Observations on Russian word usage at the end of the XX century*. St. Petersburg; 2001. 72 p. (In Russ.).
7. Vereshhagin EM. The phenomenon of the logoepisteme in the light of the linguophilosophical views of I.A. Baudouin de Courtenay. In: *Bodue'novskie chteniya = Baudouin readings*. Kazan; 2001. (In Russ.).
8. Zhdanov VN. Logoepisteme as a symbolic linguoculturological unit of Russian Discourse. In *Gumanitarny'e nauki i problemy' sovremennoj kommunikacii» = Humanity sciences and problems of modern communication*. Yakutsk; 2013. (In Russ.).
9. Zolotareva SA. Logoepisteme the contact of two sign systems: language and culture. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = News of the Volgograd State Pedagogical University*. 2010;(2):12-15. (In Russ.).
10. Kanaeva EK. Tekstovye funkicii logoepistemy (na materiale gazetnyh zagolovkov) = Text functions of the logoepisteme (based on newspaper headlines). Abstract of Thesis. Moscow; 2007. 22 p. (In Russ.).
11. Kolshanskij GV. Kontekstnaya semantika = Contextual semantics. Moscow: Nauka; 1980. (In Russ.).
12. Kryukov AN. Background knowledge and language communication. In: *Etnopsikholingvistika = Ethnopsycholinguistics*. Moscow: Nauka; 1988. (In Russ.).
13. Popova EA. Precedent texts in teaching the Russian language. *Russkij yazyk v shkole = Russian language at school*. 2007;(3). Available from: <http://do.gendocs.ru/docs/index270849.html> (accessed: 08.11.2022). (In Russ.)
14. Sannikov VZ. Russkij yazyk v zerkale yazykovoj igry' = Russian language in the mirror of the language game. Moscow: Languages of Slavic Culture; 2002. (In Russ.).
15. Tatarinova NV. Logoepistemy iz russkih narodnyh skazok v kommunikativnom prostranstve nositelej russkogo yazyka = Russian folk tales logoepistemes in the communicative space of native speakers of the Russian language. Abstract of Thesis. Moscow; 2007. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю. А. Васильева — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы.

Information about the author

Julya A. Vasileva — Cand. of Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Russian and Literature.

Статья поступила в редакцию 18.08.2023; одобрена после рецензирования 25.08.2023; принята к публикации 02.10.2023.

The article was submitted 18.08.2023; approved after reviewing 25.08.2023; accepted for publication 02.10.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81

doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-61-69

СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ БАЗОВЫХ ЭМОЦИЙ В ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПОРТРЕТНЫХ ИНТЕРВЬЮ С АМЕРИКАНСКИМИ СПОРТСМЕНАМИ

Ирина Петровна Зырянова¹, Вероника Александровна Каменева²✉

¹ Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В. М. Шукшина, Бийск, Россия, irene04april@gmail.com

² Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, russia_science@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8146-9721

Аннотация. Рассмотрен вопрос вербализации эмоции в индивидуальных портретных интервью с американскими спортсменами. Приведены подходы к определению базовых эмоций с точки зрения психологии и психолингвистики, затронута проблема количества базовых эмоций. Цель — выявить преимущественные средства вербализации эмоций в индивидуальном спортивном интервью. Исследуемый материал представляет собой 50 видеointервью, взятых американскими журналистами у американских спортсменов. Спорт является актуальной и обсуждаемой темой в повседневной жизни, выдающиеся спортсмены — предмет национальной гордости, поэтому эмотивность оказывается неперменной составляющей спортивного дискурса, данный факт обуславливает актуальность работы. Авторы полагают, что вербализация эмоций спортсменом и журналистом в индивидуальном интервью имеет специфические особенности, обусловленные характером взаимодействия журналиста и собеседника и отсутствием других участников. Кроме того, базовые эмоции впервые рассматриваются в аспекте изучения спортивного дискурса. Методы исследования: сплошная выборка, обобщение и интерпретация результатов, интроспекция. Объектом исследования выступают 6 эмоций (радость, гнев, страх, печаль, отвращение, удивление), которые признаются базовыми большинством ученых. Анализ интервью показывает, что вербализуются в основном положительные эмоции (радость, приятное удивление). Вербализация эмоций реализуется лексическими и синтаксическими средствами. Лексические средства включают точное название эмоции и описание состояния, синтаксические средства представлены повторами. Результаты исследования могут послужить базой для дальнейших исследований вербализации базовых эмоций, вносят определенный вклад в лингвистику эмоций и лингвистическую теорию коммуникации.

Ключевые слова: базовые эмоции, вербализация эмоций, интервью, спортивный дискурс

Для цитирования: Зырянова И. П., Каменева В. А. Средства вербализации базовых эмоций в индивидуальных портретных интервью с американскими спортсменами // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 9 (479). С. 61–69. doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-61-69

Original article

MEANS OF VERBALIZATION OF BASIC EMOTIONS IN INDIVIDUAL PORTRAIT INTERVIEW WITH AMERICAN ATHLETES

Irina P. Zyryanova¹, Veronika A. Kameneva²✉

¹ Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University, Biysk, Russia, irene04april@gmail.com

² Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, russia_science@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8146-9721

Abstract. The article is dedicated to the issue of verbalization of emotion in an individual portrait interview with American athletes. The work provides approaches to the definition of basic emotions from the point of view of psychology and psycholinguistics, it also touches upon the question of the number of basic emotions. The aim of the work is to identify prevailing means of verbalizing emotions in individual sports interviews. The research material consists of 50 video interviews with American athletes by American journalists. Sports is a topical and widely discussed theme in everyday life, outstanding athletes are the subjects of national pride, so emotivity is an ubiquitous

component of the sports discourse, this fact makes the work relevant. The authors believe that the verbalization of emotions by athletes and journalists in individual interviews has specific features connected with the peculiarities of one-to-one communication. In addition, this is the first time basic emotions are studied in the perspective of sports discourse. Research methods: continuous sampling, generalization and interpretation of results, introspection. The object of the study is 6 emotions (joy, anger, fear, sadness, disgust, surprise), which are recognized as basic by the majority of scientists. Interview analysis shows that mostly positive emotions (joy, pleasant surprise) are verbalized. Verbalization of emotions is realized by lexical and syntactic means. Lexical means include exact naming of the emotion and description of emotional state, syntactic means are represented by repetitions. The selected factual material is undoubtedly of scientific interest to researchers. The results of the study can serve as a basis for further research of the verbalization of basic emotions, make a certain contribution to the linguistics of emotions and linguistic theory of communication.

Keywords: basic emotions, verbalization of emotions, interview, sports discourse

For citation: Zyryanova IP, Kameneva VA. Means of verbalization of basic emotions in individual portrait interview with American athletes. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(9(479):61-69. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-61-69

Введение

Эмоции и их вербализация в различных типах дискурса представляют широкое поле для актуальных исследований в лингвистике. Ф. Р. Филатов приводит следующее определение эмоции: «процесс психического отражения действительности в форме пристрастного переживания явлений, событий и ситуаций, обусловленного их отношением к потребностям субъекта» [15. С. 9].

Вопрос о количестве эмоций и их универсальности относится к числу дискуссионных. Исследователи выделяют базовые (основные, фундаментальные) эмоции и более сложные (вторичные) эмоции. Большинство исследователей рассматривают базовые эмоции как универсальные, характерные для всех людей, независимо от их национальной и культурной принадлежности (К. Изард, П. Экман, З. Плучик и др).

Подходы к определению базовых эмоций также вариативны. Д. Р. Миндзаева подробно изучила и систематизировала взгляды зарубежных ученых, касающиеся номенклатуры и интерпретации базовых эмоций человека с точки зрения психологии [10]. С опорой на исследования У. Макдуголла, М. Арнольд, П. Экмана, К. Изарда, Р. Плучика Д. Р. Миндзаева привела обобщенный список базовых эмоций человека и разделила их на 3 категории: семь отрицательных эмоций (гнев, страх, отвращение, ненависть, печаль, стыд, чувство вины), пять положительных эмоций (любовь, радость, счастье, надежда, интерес), а также эмоцию удивления, которая, в зависимости от контекста, может быть как позитивной, так и негативной [10].

Являясь обязательной чертой личности человека, эмоции находят отражение в системе языка и представляют научный интерес для лингвистов.

Психолингвистический подход к определению базовых эмоций как категории предложила В. Е. Грекова, рассмотрев различные критерии, позволяющие делить эмоции на базовые и второстепенные. Кроме того, описана экспериментальная процедура, позволяющая, по мнению автора, определить множество базовых эмоций, которые могут быть в дальнейшем выбраны для различных исследований в области эмоциональной лексики [3].

При исследовании эмоций в лингвистике применяются понятия эмоциональности и эмотивности. В отдельных исследованиях эти понятия употребляются как синонимы. Мы полагаем, что эмоциональность — понятие психологии, а лингвистика имеет дело с эмотивностью. Соответственно эмотивные высказывания — это высказывания, передающие эмоции.

К эмоциональным типам дискурса можно отнести массмедийные жанры, в частности интервью. Интервью в настоящее время — один из наиболее популярных журналистских жанров, что обуславливает исследовательский интерес к нему. Данный жанр рассматривается с позиций структуры, содержания, языковой репрезентации различных явлений социальной жизни, языковой репрезентации участников интервью, композиции и т. д.

В широком смысле интервью — это диалог между журналистом и респондентом. По определению С. Н. Ильченко, интервью — «это целостный акт коммуникации, предполагающий диалогическое общение журналиста с респондентом в ситуации последовательного чередования вопросов и ответов с целью получения информации, мнений или суждений, представляющих общественный интерес» [5. С. 13].

Научный интерес к интервью обеспечил разнообразие подходов к их систематизации и классификации. Мы прежде всего будем исходить из

количества участников и рассматривать интервью как индивидуальное или групповое. Под индивидуальным интервью мы понимаем общение журналиста с респондентом один на один, тогда как в групповом интервью респондентов может быть несколько. В жанре индивидуального интервью выделяют портретное интервью, интервью-экспресс, аналитическое интервью. В данной статье исследуются индивидуальные портретные интервью.

Цель работы — выявить языковые средства выражения эмоций в англоязычном медийном дискурсе на материале видеointerview со спортсменами.

Материалы и методы исследования

Практическим материалом исследования послужили индивидуальные портретные интервью американских журналистов с американскими спортсменами. Теоретические основы исследования — работы отечественных [6; 16; 17] и зарубежных [18; 14] ученых.

Методы исследования: сплошная выборка, описательный метод, обобщение и интерпретация полученных результатов, метод интроспекции.

Проблема вербализации эмоций в различных типах дискурса является в настоящее время актуальным направлением исследований. Существующие работы направлены на исследование вербализации отдельных эмоций, например, эмоции радости [1; 12] или отрицательных эмоций [4; 13]. Ученые обращаются к таким видам дискурса, как массмедиаальный дискурс, дискурс художественной прозы, интервью-воспоминание, интернет-блог [2; 9], изучают проблему в общем ключе на материале отдельных языков [7; 8; 11; 19].

Базовые эмоции в интервью со спортсменами в таком аспекте рассматриваются впервые. Предпринятая попытка исследовать проблему вербализации эмоций в жанре спортивного интервью обусловлена тем, что спортивное портретное интервью не часто становится объектом внимания лингвистов, его жанровые особенности мало изучены. Спорт и спортивные состязания являются источником разнообразных эмоций как для спортсменов, так и для болельщиков. Портретные интервью дают возможность раскрыть личность спортсмена, показать разные стороны его личности, понять его чувства и эмоции. Вербализация эмоций спортсменом и журналистом в индивидуальном интервью, вероятно, имеет специфические особенности по сравнению с другими жанрами и поэтому заслуживает отдельного рассмотрения.

Результаты исследования и их обсуждение

Нами были проанализированы 50 индивидуальных интервью с американскими спортсменами. Данные интервью относятся к жанру портретного интервью медийной личности.

Портретное интервью — специфический вид телевизионной программы, основанный на диалогической форме общения. В центре внимания портретного интервью находится человек (как правило, имеющий определенную известность в медиапространстве). Его целью является обсуждение значимых событий жизни и деятельности этого человека, открытие читателям или зрителям его внутреннего мира, ценностей и личностных качеств.

Данная работа посвящена исследованию индивидуальных портретных интервью со спортсменами, которые, без сомнения, являются медийными личностями.

В настоящей работе мы рассмотрели примеры вербализации шести эмоций, которые признаются базовыми большинством исследователей: *радость, гнев, страх, печаль, отвращение, удивление* (англ. *joy, anger, fear, sadness, disgust, surprise*). В исследованных интервью можно выделить различные средства вербализации эмоций: лексические, грамматические и синтаксические.

Поскольку легче всего эмоции обозначить словами, мы рассмотрели в первую очередь лексические средства вербализации эмоций.

На лексическом уровне вербализация эмоций проявляется в изученном материале двумя способами:

- 1) обозначение эмоции с использованием ее точного названия, например: *joy, anger, sadness, fear, disgust, surprise*;
- 2) обозначение эмоции через описание эмоционального состояния или действия, например, прилагательными: *joyous, angry, sad, fearsome, disgusting, amazing* и т. д.; глаголами: *to cheer, to excite, to scare* и т. д.

В исследуемом материале первая группа является наименее частотной, так, слово *joy* встречается четыре раза, *anger, surprise* — по одному разу, *sadness* и *disgust* не употреблены ни в одном из интервью. Это может быть связано с тем, что назвать эмоцию бывает сложнее, чем описать состояние. Приведем примеры.

Спортсмен называет не свою личную эмоцию, а говорит о радости вообще: *And yet, I think some of the greatest joys are born of desire* (Trent Shelton)¹.

¹ If You Feel Fear or Anxiety, Listen to This | Trent Shelton on Impact Theory. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=B11P14gjqKI> (дата обращения: 10.06.2023).

Эмоцию называет журналист-интервьюер в вопросе к спортсмену: *And from what I understand is it's kind of about finding your **joy** and keeping that **joy** is in the things that you love. Right?* (Sara Gore to Nathan Chen)¹.

Журналист-интервьюер цитирует высказывание спортсменки в связи с приговором бывшему доктору сборной США по гимнастике Лоуренсу Джерарду Нассару, в котором Симона Байлз прямо называет эмоцию, которой спортсменки были лишены из-за преступных действий Нассара: *And you tweeted this, you said no longer does he have the power to steal our happiness and our **joy*** (Simone Biles)².

В следующем высказывании эмоция не принадлежит говорящему или только говорящему, спортсмен говорит о том, что испытывали другие люди: *But again, it was **anger** over a young kid got shot by a police officer, police officer said the kid had a knife, we'll never know* (Kareem Abdul-Jabbar with Bill Walton)³.

Или эмоция существует как бы сама по себе, как факт: *But it was, it was a pleasant **surprise**, you know, because he wasn't the average guy* (Kareem Abdul-Jabbar with Bill Walton)⁴.

При этом лексема *fear* встречается 30 раз в шести разных интервью, например: *Because sometimes, **fear** comes from not being prepared* (Trent Shelton)⁵; *I think that's something that's still driving me the **fear** of failure, never wanting to let anyone down* (Allyson Felix)⁶. Как можно увидеть из примеров, упоминание страха происходит тоже несколько имперсонально, отвлеченно от говорящего.

Вторая группа, состоящая из различных частей речи, включает многочисленные примеры и представляет обширный материал для анализа. При-

лагательные часто включают оценочный компонент. Примеры:

*First of all, I would say I'm **glad** I'm not going to ever be a presidential candidate* (Alex Rodriguez)⁷ после вопроса о Дж. Лопез — прилагательное **glad** (радостный, довольный) описывает состояние говорящего с некоторой иронией и облегчением.

*Yeah, hopefully I have to. I'll have to call some people and see if we can work that out. But yeah, it's really **exciting** that they, they're they've made it to the final four. I think they said it was the first time since 1984. So it's gonna be **awesome**. I hope they go all the way* (Danielle Collins)⁸ — прилагательные **exciting** (волнующий), **awesome** (отличный, превосходный) описывают состояние радости с положительной оценкой.

*I mean, but yes, they're great moments than they are **bittersweet** moments, too* (Emmitt Smith)⁹ — игрок в американский футбол Эммит Смит вспоминает омраченные грустью (печалью) моменты радости, используя прилагательное **bittersweet** (горько-сладкий).

*I'm pro black, but I'm **so upset** how black people treat each other* (Chris Barkley)¹⁰ — прилагательное **upset** (огорченный, расстроенный) входит в семантическое поле эмоции грусти, но не несет оценочности.

*And it was **hard** to be at the top and then you go back to your hotel room, and you're completely **alone**. And it's very **isolating**, actually* (Lindsey Vonn)¹¹ — спортсменка рассказывает, как испытывала грусть от одиночества при помощи прилагательных **hard** (тяжелый, трудный), **alone** (одинокий), **isolating** (изолирующий); при этом **alone**, **isolating** указывают и на причину печали.

But the other thing that interests me is you have people who are really, they get, I don't want to say

¹ Nathan Chen's Road To Gold. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QCtDhlfyUa> (дата обращения: 10.06.2023).

² Olympic Medalist Simone Biles On Her Scholarship, Lifetime Movie and Larry Nassar. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=X2zJaS94rzW> (дата обращения: 10.06.2023).

³ Kareem Abdul-Jabbar in conversation with Bill Walton at Live Talks Los Angeles. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WMaQkIN9wxs> (дата обращения: 10.06.2023).

⁴ Там же.

⁵ Be the Greatest You with Trent Shelton and Lewis Howes. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=W8s5q0Jm5Q8> (дата обращения: 10.06.2023).

⁶ Allyson Felix & Michael Johnson: The Mind of a Competitor. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=O0PfgASdlU> (дата обращения: 10.06.2023).

⁷ Alex Rodriguez reveals the 'most embarrassing moment' of his career. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ccjnexdExV4> (дата обращения: 10.06.2023).

⁸ Danielle Collins — 2019 Charleston Third Round Tennis Channel Desk Interview. URL: https://www.youtube.com/watch?v=NVQflxjHmKU_ (дата обращения: 10.06.2023).

⁹ Emmitt Smith's legacy is about more than football | KNEADING DOUGH. URL: https://www.youtube.com/watch?v=GW4OwHRS2io_ (дата обращения: 10.06.2023).

¹⁰ Chris Myers Barkley Interview. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=O9874hU85qk> (дата обращения: 10.06.2023).

¹¹ Lindsey Vonn Extended Interview | 'The Jennifer Hudson Show'. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=D3VQ2H-HcCg> (дата обращения: 10.06.2023).

frustrated, but they're somehow frustrated that you are doing it differently (Laird Hamilton)¹ — прилагательным **frustrated** (разочарованный) серфингист Лейрд Джон Хамильтон описывает расстройство, печаль, которые испытывают другие люди в связи с их ожиданиями относительно его действий.

And I remember, like you said, being in the locker room, and I just started crying. It was very frustrating (Jerry Rice)² — печаль выражена через прилагательное **frustrating** (разочаровывающий) и герундий **crying** (плачущий).

My wife, my ex-wife, she almost died. But she's, she's doing well now. And, and but looking back on that time, it was real scary (Jerry Rice)³ — **scary** (жуткий) описывает страх, который испытывал герой интервью.

So I told Tom this yesterday about I would literally go to cemeteries at one point, and it seems super creepy, like and weird (Trent Shelton)⁴ — прилагательными **creepy** (страшный, жуткий) и **weird** (странный, сверхъестественный) спортсмен описывает своеобразное чувство страха, которое могут испытывать люди, посещая места упокоения.

But someone wrecked me and I was really mad walking back to my trailer (Natalie Decker)⁵ — гнев, который испытывала автогонщица Натали Декер, передан прилагательным **mad** (разг. рассерженный), показывающим крайнюю степень состояния.

And it's pretty amazing to see them back and playing at such a high level (Sam Querrey)⁶ — приятное удивление в большинстве случаев выражается прилагательным **amazing** (изумительный).

But watching him from afar has been really, really intriguing (Tom Bilyeu)⁷ — ютубер Том Билию

рассказывает гостю студии, ресиверу американского футбола Тренту Шелтону о том, как был удивлен подходом актера Уилла Смита к воспитанию сына, подводя спортсмена к рассуждению о воспитании его собственного ребенка. Прилагательное **intriguing** (интригующий) в данном контексте употреблено, скорее, нейтрально, хотя в целом обладает отрицательными коннотациями.

But you know, being on the red carpet with people that are half my size was shocking (Lindsey Vonn)⁸ — рост горнолыжницы Линдси Вонн составляет 178 см, поэтому удивление, которое она испытала, находясь на публике рядом с людьми, чей рост значительно ниже, не было приятным; прилагательное **shocking** точно описывает состояние спортсменки в тот момент.

Радость и приятное удивление часто представлены клишированными фразами **It's fun, It's amazing**, которые создают общее положительное настроение беседы, вовлеченность и интерес: *Yeah. It's fun. All this fun* (Lindsey Vonn)⁹ — горнолыжница предается приятным воспоминаниям о поездках с родителями; *Oh my god, this is so nice. It's amazing* (Jennifer Hudson)¹⁰ — ведущая шоу Дженнифер Хадсон восхищенно рассматривает медаль фигуристки Старр Эндрюз.

Глаголы, как правило, не включают оценочный компонент.

And my parents really encouraged me to focus on being my best, even though it was maybe seven or eight plays, or six plays or didn't make the final, I was still able to cheer (Carl Lewis)¹¹ — действие, направленное на восстановление состояния радости.

That's a very interesting thing to hear and kind of terrifies me to drive (Kristine Leahy)¹² — действие, включающее эмоцию страха.

And I was playing hooky one day and the principal walked up behind me, he scared me and he noticed that I could run fast (Jerry Rice)¹³ — игрок в американский футбол Джерри Райс рассказывает,

¹ Interview with Laird Hamilton — Big Wave Surfer, Innovator. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Y1HOwOwXboo> (дата обращения: 10.06.2023).

² Full Interview: Jerry Rice. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AnZn7jARJsc> (дата обращения: 10.06.2023).

³ Там же.

⁴ Be the Greatest You with Trent Shelton and Lewis Howes. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=W8s5q0Jm5Q8> (дата обращения: 10.06.2023).

⁵ Danica Patrick Paved the Way for Female Race Car Drivers and Natalie Decker's Up Next. Interviewed by Kristine Leahy. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=RoC4mQZMccs> (дата обращения: 10.06.2023).

⁶ Holding Serve with Sam Querrey. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iX3w-sb-fII> (дата обращения: 10.06.2023).

⁷ If You Feel Fear or Anxiety, Listen to This | Trent Shelton on Impact Theory. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BIIP14gjqKI> (дата обращения: 10.06.2023).

⁸ Lindsey Vonn Extended Interview | 'The Jennifer Hudson Show'. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=D3VQ2H-HcCg> (дата обращения: 10.06.2023).

⁹ Там же.

¹⁰ Figure Skater Starr Andrews Teaches JHud Her Easiest Move URL: <https://www.youtube.com/watch?v=99-mGDuW8rs> (дата обращения: 10.06.2023).

¹¹ Carl Lewis Interview. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jWaG01Ocjsj> (дата обращения: 10.06.2023).

¹² Danica Patrick Paved the Way for Female Race Car Drivers and Natalie Decker's Up Next. Interviewed by Kristine Leahy. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=RoC4mQZMccs> (дата обращения: 10.06.2023).

¹³ Full Interview: Jerry Rice. ...

что его напугал директор школы, эмоция вызвана действием.

So, I mean, there was a lot of things that frustrated me in Minnesota, I can honestly say that but, you know, now that I'm gone, I think that I do miss it a little bit (Randy Moss)¹ — американский футболист Рэнди Мосс вспоминает о том, что огорчало его в Миннесоте, выражая разные оттенки грусти глаголами **frustrate** (разочаровывать) и **miss** (скучать).

Лексическими средствами достигается образность, которая используется для усиления положительных эмоций и смягчения негативных проявлений.

That's why I'm a skateboarder because that feeling is indescribable euphoria (Ryan Sheckler)² — спортсмен делится очень сильным ощущением радости, используя существительное **euphoria** (эйфория) с эпитетом **indescribable** (неописуемый).

Ощущение радости описывается существительным с эпитетом: *And then just loving figure skating, you know, just having this crazy passion for skating for being on the ice, you have to love what you do if you have to do it with such intensity* (Nathan Chen)³; *They've got tons of excitement, entertainment parties* (Sam Querrey)⁴.

Проведенный анализ не является законченным, полученное разнообразие лексических средств вербализации эмоций требует дальнейшего тщательного изучения и классификации.

Используются синтаксические средства, например повторы, с помощью которых говорящие подчеркивают эмоциональное состояние или эмоциональный эффект: *It has helped me like mentally just to know like that I'm happy and I'm happy where I'm at* (Natalie Decker)⁵; *I mean, a little bit. It was definitely fun. The Traveling was really fun* (Colleen

Quigley)⁶; *So I think we've all three got, same thing that we had in the XFINITY series, all three of us will have our moments where we shine and we're all three gonna have struggles throughout the course of the year, but that's what's going to make this rookie of the year battle fun* (Christopher Bell)⁷.

Также используются вводные конструкции, подкрепляющие содержание основного сообщения: *And fortunately for me, it's been successful* (Carl Lewis)⁸.

Риторические вопросы, прямая речь добавляют драматизма в рассуждения футболистки Хоуп Соло о том, о чем она сожалеет в жизни: *I've learned a lot of lessons down the road. Oh Boy, haven't I ever? Somebody recently asked me, "Do you have any regrets?" the only thing that I really regret in life is not saying goodbye to people sooner before it became unhealthy* (Hope Solo)⁹.

Формат индивидуального интервью располагает участников к открытому обмену мнениями и эмоциями. О своих переживаниях говорят и спортсмены, и журналисты, используя разнообразные языковые средства.

Приведенные примеры показывают, что вербализованы в основном положительные эмоции — радость и приятное удивление, примерно 80 % всех случаев; около 10 % составляет вербализация эмоции страха; еще 10 % — гнев и печаль; отвращение присутствует лишь в одном интервью, где игрок в американский футбол Бретт Фарв рассказывает о неудачном розыгрыше с бомбочкой со зловонным газом (*stink bomb*), который едва не закончился трагически: *And like 30 seconds later, it's rotten eggs are everywhere... Before the game, I just killed John Madden because of a stink bomb* (Brett Favre)¹⁰. Как мы видим, проявление положительных эмоций является более социально приемлемым, чем отрицательных.

Средства вербализации эмоций также распределены неравномерно, наибольшее количество случаев вербализации приходится на лексические

¹ Chris Myers interviews Randy Moss. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5vyQdEsigz0> (дата обращения: 10.06.2023).

² Ryan Sheckler: Childhood stardom, skateboarding, alcoholism and faith. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BCof81a4co8&list=PLW5qT4H1Ad1bBmBXwfWC8iYoRA4eeF9a8&index=6> (дата обращения: 10.06.2023).

³ Nathan Chen's Road To Gold. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QCtDh1jfyuA> (дата обращения: 10.06.2023).

⁴ Holding Serve with Sam Querrey. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iX3w-sb-fII> (дата обращения: 10.06.2023).

⁵ Danica Patrick Paved the Way for Female Race Car Drivers and Natalie Decker's Up Next. Interviewed by Kristine Leahy. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=RoC4mQZMccs> (дата обращения: 10.06.2023).

⁶ Olympian Colleen Quigley on Why She Quit Modeling to Pursue Running Career. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aqfOaR5zKbk> (дата обращения: 10.06.2023).

⁷ Bell reflects on Xfinity Series career, looks forward to 2020 rookie battle URL: https://www.youtube.com/watch?v=7yhhGhVn_w0 (дата обращения: 10.06.2023).

⁸ Carl Lewis Interview...

⁹ Hope Solo Interview. URL: https://www.youtube.com/watch?v=uu_PFW7_IRw (дата обращения: 10.06.2023).

¹⁰ Brett Favre and Bill Michaels 2015 Chalk Talk. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gjE2XVuLhEI> (дата обращения: 10.06.2023).

и синтаксические средства — 90 %, грамматические средства (глагольные формы, превосходная степень наречий или прилагательных) составляют 10 %.

Заключение

В индивидуальных портретных интервью средства вербализации базовых эмоций реализованы в нескольких вариантах. Целью индивидуального портретного интервью является раскрытие личности персонажа с разных сторон, включая эмоциональную. Спортсмены являются медийными личностями, участие в подобных интервью необходимо для поддержки их имиджа, этим объясняется то, что положительные эмоции подвергаются вербализации чаще отрицательных. В то

же время разговор с журналистом один на один предполагает определенную степень интимности и доверительности. Данное обстоятельство создает условия для открытого проявления чувств и эмоций и широкой вариативности средств вербализации. Предварительные итоги анализа выявили возможность классификации средств вербализации по разным основаниям: по лексическим средствам, включая использование средств образности, и по синтаксическим средствам. Очевиден высокий эмотивный потенциал именно индивидуальных интервью, который указывает на необходимость дальнейшего глубокого изучения. Результаты проведенного исследования вносят определенный вклад в лингвистику эмоций и лингвистическую теорию коммуникации.

Список источников

1. Абросимова Л. С., Ключко Н. Г. Языковая репрезентация эмоции «радость» в русской и английской современной прозе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 63–68. doi: 10.17308/lic.2020.3/2934.
2. Анищенко А. В., Диденко В. Д. Вербализация эмоций в немецкоязычных интервью-воспоминаниях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 11. С. 9–15. doi: 10.52070/2542-2197_2022_11_866_9.
3. Грекова В. Е. Психолингвистический подход к определению базовых эмоций // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2009. № 1. С. 9–14.
4. Гуц Е. Н., Иванова Е. Д. Семантическое моделирование способов вербализации эмоций (на примере эмоций *боязнь* и *испуг*) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022. № 3. С. 97–102. doi: 10.36809/2309-9380-2022-36-97-102.
5. Ильченко С. Н. Интервью в журналистике. Саратов : Ай Пи Эр Медиа, 2019. 282 с.
6. Ионова С. В. Лингвистика эмоций в контексте современных научных исследований // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 3. С. 221–226.
7. Исина Г. И., Ревтова О. И. К проблеме вербализации эмоций в современном английском языке // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 3-5. С. 567–569.
8. Колпащикова Ф. К. Коллективное и индивидуальное в русской вербализации эмоций // Сибирский филологический журнал. 2006. № 4. С. 92–95.
9. Ляшенко Д. И. Способы вербализации эмоций в интернет-блогах // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : сб. тр. VI Всерос. науч.-практ. конф. Ростов н/Д, 2016. Т. 6. С. 271–275.
10. Миндзаева Д. Р. Теория базовых эмоций в зарубежной научной психологической литературе // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 2-3. С. 262–270.
11. Озюменко В. И. Модальность и эмоции в английском языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2007. № 3. С. 92–98.
12. Сарбаш Е. С. Вербализация положительных эмоций (на материале английского и новогреческого языков) // Лингвистика и лингводидактика: традиции и инновации / отв. ред. О. В. Бессонова. Ростов н/Д. : ЮФУ, 2016. С. 79–83.
13. Семак Д. С. Вербализация отрицательных эмоций в русскоязычном и англоязычном медиаскурсе // Беларусь в современном мире: материалы XV международной научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых. Гомель, 2022. С. 134–136.
14. Сопер П. Основы искусства речи. 2-е изд., испр. М. : Прогресс, 1992. 416 с.
15. Филатов Ф. Р. Общая психология: эмоции, чувства, воля. Ростов н/Д : Донской государственный технический университет, 2022. 236 с.

16. Шадриков В. Д. Введение в психологию: эмоции и чувства. М. : Логос, 2002. 156 с.
17. Шаховский В. И. Лингвистика эмоций: основные проблемы, результаты и перспективы // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2008. № 10. С. 8–12.
18. Alba-Juez L., Larina T. Language and emotion: discourse-pragmatic perspectives // Russian Journal of Linguistics. 2018. Vol. 22, № 1. P. 9–37. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-9-37.
19. Osintseva T. V. Ways of emotions verbalization and emotive potential of a language sign // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. 2019. Vol. 5, № 2. P. 59–66. doi: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-6.

References

1. Abrosimova LS, Kliuchko NG. Linguistic representation of the emotion of joy in Russian and English modern prose. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya = Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2020;(3):63-68. doi: 10.17308/lic.2020.3/2934. (In Russ.).
2. Anishhenko AV, Didenko VD. Verbalization of emotions in German oral memories. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2022;(11):9-15. doi: 10.52070/2542-2197_2022_11_866_9. (In Russ.).
3. Grekova VE. Psycholinguistic approach to the definition of basic emotions. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika = Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*. 2009;(1):9-14. (In Russ.).
4. Guts EN, Ivanova ED. Semantic modeling of ways to verbalize emotions (the case of emotions *fear* and *fright*). *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya = Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*. 2022;(3):97-102. doi: 10.36809/2309-9380-2022-36-97-102. (In Russ.).
5. Ilchenko SN. Interv`yu v zhurnalistike = Interview in journalism. Saratov; 2019. 282 p. (In Russ.).
6. Ionova SV. Linguistics of emotions in the context of the modern scientific researches. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2022;(3):221-226. (In Russ.).
7. Isina GI, Revtova OI. To the problem of verbalization of emotions in modern English. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimentalnogo obrazovaniya = International Journal of Experimental Education*. 2015;(3-5):567-569. (In Russ.).
8. Kolpashhikova FK. Collective and individual in Russian verbalization of emotions. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Philology*. 2006;(4):92-95. (In Russ.).
9. Lyashenko DI. Ways of verbalizing emotions in Internet blogs. In: *Sposoby verbalizatsii emotsiy v internet-blogakh = Language and law: actual problems of interaction*. Rostov on Don; 2016. Vol. 6. Pp. 271-275. (In Russ.).
10. Mindzaeva DR. Metaphor in the inner form of the English phraseological units objectifying the emotions of sadness and happiness. *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem = Modern Studies of Social Issues*. 2016;(2-3):262-270. (In Russ.).
11. Ozyumenko VI. Modality and emotions in the English language. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Russkiy i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya = RUDN Journal of Russian and foreign languages research and teaching*. 2007;(3):92-98. (In Russ.).
12. Sarbash ES. Verbalization of positive emotions (on the material of English and modern Greek languages). In: Bessonova OV (ed.) *Linguistics and linguodidactics: traditions and innovations*. Rostov on Don: SFedU; 2016. Pp. 79-83. (In Russ.).
13. Semak DS. Verbalization of negative emotions in Russian and English media discourse. In: *Belarus v sovremennom mire = Belarus in the modern world*. Gomel; 2022. Pp. 134-136. (In Russ.).
14. Soper P. *Osnovy iskusstva rechi = Basic Public Speaking*. 2nd ed. Moscow; 1992. 416 p. (In Russ.).
15. Filatov FR. *Obshchaya psikhologiya: emotsii, chuvstva, volya = General psychology: emotions, feelings, will*. Rostov on Don; 2022. 236 p. (In Russ.).
16. Shadrikov VD. *Vvedenie v psikhologiyu: emotsii i chuvstva = Introduction to psychology: emotions and feelings*. Moscow; 2002. 156 p.
17. Shakhovskiy VI. Emotive linguistics: main problems, results and prospects. *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyy nauchnyy zhurnal = World of Linguistics and Communication: Electronic Scientific Journal*. 2008;(10):8-12. (In Russ.).

18. Alba-Juez L, Larina T. Language and emotion: discourse-pragmatic perspectives. *Russian Journal of Linguistics*. 2018;22(1):9-37. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-9-37

19. Osintseva TV. Ways of emotions verbalization and emotive potential of a language sign. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. 2019;5(2):59-66. doi: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-6.

Информация об авторах

И. П. Зырянова — старший преподаватель кафедры иностранных языков.

В. А. Каменева — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии.

Information about the authors

Irina P. Zyryanova — Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages.

Veronika A. Kameneva — Doctor of Sci. (Philology), Professor, Department of Romance and Germanic Philology.

Статья поступила в редакцию 18.07.2023; одобрена после рецензирования 13.08.2023; принята к публикации 02.10.2023.

The article was submitted 18.07.2023; approved after reviewing 13.08.2023; accepted for publication 02.10.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81-2

doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-70-82

ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО МЕДИАДИСКУРСА

Ольга Викторовна Сергеева

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, docsov17@gmail.com, ORCID: 0000-0002-9950-000X,
Scopus Author ID: 57224109560, Researcher ID: AAE-1594-2021

Аннотация. Данная статья посвящена изучению лингвоэкологических проблем современного образовательного медиадискурса. Материал исследования, представленный статьями из российских, британских и американских СМИ начала XXI века, отобран путем сплошной выборки лексических и фразеологических единиц из всего многообразия медиатекстов образовательной тематики. Цель работы реализуется благодаря использованию комплекса методов: описательного метода, интерпретативного анализа, лексико-семантического анализа, лексико-грамматического анализа, стилистического анализа, контент-анализа, элементов дискурсивного анализа. Актуальность исследуемой проблемы определяется возрастающим интересом к антропологическому подходу в медиакоммуникации, важностью изучения ролей учителя и ученика в медиаобразовательном пространстве, необходимостью установления лингвоэкологических норм, решения лингвоэкологических проблем в образовательном медиадискурсе России, США и Великобритании. В результате проведенного анализа образовательного медиадискурса выявлено существование пяти основных проблем: 1) деструкция, фиксирующая негативные языковые средства и отрицательные эмоции; 2) деэкологизация, отражающая нарушение природы коммуникации; 3) деформация в рамках коммуникативных и личностных/межличностных процессов; 4) деградация коммуникативной личности и самой коммуникации; 5) дегуманизация в социальном взаимодействии коммуникантов. Как показал анализ фактического материала, стремление к креативизации коммуникации в образовательном медиадискурсе демонстрирует творческую самореализацию коммуникантов и порождает негативизацию коммуникации, деструктивные дискурсивные и социальные процессы. Установлено, что необходимо усилить действия по обеспечению лингвистической безопасности образовательного медиапространства для достижения качества, этической обусловленности, экологичности медиадискурса в сфере образовательной деятельности в российской, американской и британской лингвокультурах.

Ключевые слова: лингвоэкология, массмедиа, образовательный медиадискурс, деструкция, деэкологизация, деформация, деградация, дегуманизация

Для цитирования: Сергеева О. В. Лингвоэкологические проблемы современного образовательного медиадискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 9 (479). С. 70–82. doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-70-82

Original article

LINGUOECOLOGICAL PROBLEMS OF THE MODERN EDUCATIONAL MEDIA DISCOURSE

Olga V. Sergeeva

Kuban State University, Krasnodar, Russia, docsov17@gmail.com, ORCID: 0000-0002-9950-000X,
Scopus Author ID: 57224109560, Researcher ID: AAE-1594-2021

Abstract. This article is devoted to the study of linguoecological problems of modern educational media. The study material is presented by articles from Russian, British and American media of the beginning of the 21st century, selected by a continuous sample of lexical and phraseological units from the entire variety of educational media texts. The purpose of the work is realized using a set of methods: descriptive method, interpretive analysis, lexical-semantic analysis, lexical-grammatical analysis, stylistic analysis, content analysis, elements of discursive analysis. The relevance of the studied problem is determined by the increasing interest in the anthropological approach

in media communication, the importance of studying the roles of the teacher and student in the media educational space, the need to establish linguoecological norms, solve linguoecological problems in the educational media resource of Russia, the USA, and Great Britain. As a result of the analysis of educational media, the existence of five main problems was revealed: 1) destruction, fixing negative language means and negative emotions, 2) deecologization, reflecting a violation of the nature of communication, 3) deformation within the framework of communicative and personal/interpersonal processes, 4) degradation of the communicative personality and communication itself, 5) dehumanization in the social interaction of communicants. As the analysis of the actual material showed, the desire for creative communication in the educational media resource demonstrates the creative self-realization of communicants and generates negative communication, destructive discursive and social processes. It has been established that it is necessary to strengthen actions to ensure the linguistic security of the educational media space to achieve the quality, ethical conditioning, environmental friendliness of media in the field of educational activities in Russian, American and British linguocultures.

Keywords: linguoecology, mass media, educational media resource, destruction, deecologization, deformation, degradation, dehumanization

For citation: Sergeeva OV. Linguoecological problems of the modern educational media discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(9(479):70-82. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-70-82

Введение

Антропоцентрический подход в лингвистике обуславливает тот факт, что основным объектом современных медиаисследований выступает речь человека во всем ее функциональном многообразии. Именно поэтому представляется значимым изучать различные сферы человеческой деятельности сквозь призму СМИ, в т. ч. и реализацию такой разновидности медиадискурса, как образовательный медиадискурс.

Все чаще в последние годы в средствах массовой информации поднимаются лингвоэтические и аксиологические проблемы взаимодействия участников педагогической коммуникации. Особый исследовательский интерес вызывают конфликтность и гармонизация коммуникативных отношений в образовательном медиaprостранстве. В данной работе хотелось бы остановиться на основных лингвоэкологических проблемах современного образовательного медиадискурса.

Лингвоэкология представляет собой корреляцию языка и социума как экосистемы, которая нуждается в поддержании определенного баланса [6; 10; 11; 13, с. 11; 15; 20]. В. И. Шаховский выдвигает «тезис о деэкологизации не только самого мира как окружающей человека природы и социальной среды, но и о деэкологизации, токсичности человека, его языка, речи, искусства» [18, с. 223]. Образовательная медиасреда, будучи одной из наиболее значимых в современном обществе, выступает в роли экологической лакмусовой бумаги, которая вскрывает все психолингвистические и социолингвистические проблемы коммуникантов, а потому нуждается, наравне с политической, экономической, юридической медиасредами, в поддержании обязательного коммуникативного нормативного баланса.

Опираясь на дефиницию понятия «образование» в Современной энциклопедии 2000 г.¹ и трактовку понятия «медиадискурс», предложенную М. Р. Желтухиной [2], образовательный медиадискурс мы определяем как связанный, вербальный или невербальный, устный или письменный текст в СМИ о процессе обучения и воспитания в интересах личности, общества и государства, воспринимаемый в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и прочими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов.

Образовательный медиадискурс представляет собой полевою структуру с центром, где фиксируются прототипные жанры, и периферией, наполненной маргинальными жанрами, которые имеют неоднородную природу из-за расположения на стыке разных типов дискурса.

Опосредованный характер образовательного медиадискурса объясняется пространственной и/или временной дистанцией между медиаадресантом и медиаадресатом.

Целью данной статьи является выявление основных лингвоэкологических проблем современного образовательного медиадискурса.

Методы и материал исследования

Поставленная цель обусловила выбор методов исследования. Основными методами были определены описательный метод, интерпретативный

¹ Современная энциклопедия. 2000. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/33714> (дата обращения: 22.03.2023).

анализ, лексико-семантический анализ, лексико-грамматический анализ, стилистический анализ, контент-анализ, элементы дискурсивного анализа.

Материалом исследования выступают медиатексты об образовании лингвоэкологического характера, выделенные приемом сплошной выборки из российских, британских и американских СМИ начала XXI века. Единицей анализа рассматривалось слово или словосочетание, нарушающее лингвоэкологические нормы русского и английского языков.

Результаты и обсуждение

Образовательный медиадискурс транслирует направления овладения культурными ценностями, формирования духовно-нравственного и эмоционального восприятия и отношения к миру, реализации опыта профессиональной и творческой деятельности, что способствует сохранению и развитию материальных и духовных достижений языковых личностей разных лингвокультур.

Важным элементом образовательного медиадискурса выступает категория субъекта [12, с. 326], т. е. языковой личности медиаадресанта и медиаадресата в роли медиаадресанта как говорящего или пишущего представителя той или иной лингвокультуры.

Необходимо подчеркнуть тот факт, что образовательный медиадискурс включает в себя не только дискурс СМИ (медиаадресанта и медиаадресата), но и дискурс всех участников образовательного процесса, отраженный в массмедиа во всем жанровом разнообразии.

Например,

- медиадискурс учителей;
- медиадискурс родителей;
- медиадискурс учеников;
- медиадискурс административных работников сферы образования;
- медиадискурс научного сообщества;
- отраслевые медиадискурсы в разных сферах жизнедеятельности человека по вопросам, связанным с образованием и др.

Кроме того, выделяются смешанные виды образовательного медиадискурса:

- медиадискурс учителей и родителей;
- медиадискурс учителей и учеников;
- медиадискурс учителей, родителей и учеников;
- медиадискурс учителей и чиновников (от власти, в т. ч. в сфере образования);
- медиадискурс родителей и чиновников;
- медиадискурс родителей и журналистов;

- медиадискурс педагогов и журналистов;
- медиадискурс учеников и журналистов;
- медиадискурс чиновников (от власти, в т. ч. в сфере образования) и журналистов;
- медиадискурс учителей, родителей, учеников, чиновников, журналистов и т. д. (в разных вариациях).

Все перечисленные ипостаси образовательного медиадискурса свидетельствуют о многогранности его акторов — языковых личностей и мощном лингвопрагматическом потенциале, а также о сложности и комплексности исследовательского процесса данного вида медиадискурса.

Образовательный медиадискурс имеет правовую основу в соответствии с интересами, образовательными потребностями и способностями языковых личностей. Важно подчеркнуть преемственность этапов, транслируемых в образовательном медиадискурсе, реализуемых в государственных и частных образовательных учреждениях.

По критерию «сложность образовательных программ» предлагается различать начальный, базовый и полный образовательный медиадискурс.

Можно выделить общий образовательный медиадискурс [медиадискурс на уровне дошкольного и школьного образования (начального, неполного среднего или основного, полного среднего)] и профессиональный образовательный медиадискурс по критерию «характер полученных знаний и сформированных навыков».

Профессиональный образовательный медиадискурс имеет разновидности по следующим критериям.

1. Критерий «направленность»:
 - технический образовательный медиадискурс;
 - естественно-научный образовательный медиадискурс;
 - гуманитарный образовательный медиадискурс и др.
2. Критерий «квалификация»:
 - начальный (профессионально-технический) образовательный медиадискурс;
 - средний (средний специальный) образовательный медиадискурс;
 - высший, последипломный образовательный медиадискурс.

Одной из разновидностей образовательного медиадискурса выступает самообразовательный медиадискурс, когда языковая личность реализует образовательный процесс самостоятельно через массмедиа (например, в форме блогинга).

Лингвоэкология медиаречи неразрывно связана с процессами тотальной информатизации,

глобализации, отходом от культурных традиций, ценностными трансформациями, вольной трактовкой абстрактных понятий, таких как справедливость, толерантность, свобода, культура, образование и др. Таким образом, можно говорить об основных проблемах, порождаемых деструктивной образовательной медиакommunikацией. Иначе говоря, нарастающая деструкция в массмедиа приводит к деэкологизации, дегуманизации медиакommunikации, в т. ч. и в образовательной сфере.

Особенные сложности представляют эмоциональные аспекты речевого взаимодействия коммуникантов в образовательном медиадискурсе [3]. В таком коммуникативном контексте увеличивается число негативных типов человека говорящего (*homo loquens*): появляются типы *homo vulgaris*, *homo obscenius*, *homo confusus*. Как справедливо отмечает В. И. Шаховский, в результате складывается психологически некомфортная атмосфера общения, а это требует внимания всего современного общества, но прежде всего, выработки экологически грамотной установки у медиаадресанта [43, с. 222]. Такая установка необходима для формирования у каждого журналиста экологического мышления [16], основанного на понятии этичности. Автор вполне обоснованно задает вопрос, обусловленный эмоциональной жестокостью многих медийных материалов: всегда ли необходимо информировать обывателя о всех негативных событиях, да еще с кровавыми подробностями? Особенно это касается образовательного медиадискурса, в котором принимают участие как взрослые (учителя, родители, чиновники и др.), так и дети (учащиеся, студенты).

Образовательные креатемы как новые контекстуальные понятия, фиксирующие эмоциональную реакцию социума на «злобу дня» [8; 14], отражают преднамеренные и непреднамеренные колебания языковой нормы; медиаадресант фиксирует в них проявление коммуникативной свободы, экспрессивизации и эмоционализации разных типов дискурса в медиадискурсе [2; 19]. Нельзя не согласиться с В. И. Шаховским, что данные процессы связаны с деэкологизацией, вульгаризацией вербального общения через нарушение этических и стилистических норм общения [17, с. 7]. По мнению В. И. Шаховского, раскачивание языковой нормы начинается с языковой игры медиаадресанта в ироничной, саркастичной, издевательской, вульгарной, грубой форме, реализует безответственность медиаадресанта перед медиаадресатом [17, с. 7; 21–24], так как об-

разовательные креатемы обладают сильным эмоциональным воздействием на реципиентов.

Остановимся на некоторых показательных примерах образовательного медиадискурса с участием его различных акторов, которые были выявлены и проанализированы в процессе исследования¹.

Медиадискурс учителей, чиновников и журналистов

В статье «СМИ: Английские ученики все чаще приносят в школу оружие»² используется лексика, преимущественно с отрицательной коннотацией, относящейся к военной сфере, что не соотносится со сферой образовательной, поляризует контекстуальное пространство, вызывая негативные эмоции у медиаадресата: тревогу и страх³.

Самурайские мечи, мачете, штыки, нунчаки и огнестрел — вот далеко не полный список запрещенных вещей, изъятых британской полицией у школьников на туманном Альбионе. По данным СМИ, только с апреля 2018 по август 2019 года при попытке проноса в школы Британии оружия и опасных предметов были пойманы почти 1400 учащихся. Как выяснилось, грызть гранит науки юные английские школьники предпочитают имея при себе далеко не детский арсенал: ножи, кастеты, топоры и электрошокеры. И если с хулиганами и подростками-старшеклассниками ситуация еще более-менее понятна, то попытка пройти в начальную школу вооруженной 4-летней девочки всерьез озадачила британских констеблей. «Насилие в школах — это растущая проблема среди молодого поколения, и мы продолжим работать вместе с родителями для того, чтобы с ней справиться», — пояснила представитель национального совета руководителей полиции Оливия Пинкли. Тех же, кто непосредственно работает с детьми в учебных заведениях, отмеченная правоохранителями тревожная тенденция не удивляет. Опубликованные полицией цифры «улова» вооруженных школьников удручают, но они отражают растущую

¹ Орфография и пунктуация в примерах сохранены.

² Гасюк А. СМИ: Английские ученики все чаще приносят в школу оружие. 2019. 16 октября. URL: <https://rg.ru/2019/10/16/smi-anglijskie-ucheniki-vse-chashche-prinosiat-v-shkolu-oruzhie.html> (дата обращения: 22.03.2023).

³ Здесь и далее используются авторские выделения полужирным курсивом вербальных примеров нарушения лингвоэкологичности образовательного медиадискурса.

проблему в британском обществе, где стало больше доступного оружия, заявил генеральный секретарь Ассоциации учителей школ и колледжей Джефф Бартон. «Школы стараются сделать все, что они могут, чтобы справиться с этой проблемой, но они не могут сами решить ее. Необходимо вкладывать больше инвестиций нашего общества в безопасность», — отметил Бартон¹.

Медиадискурс научного сообщества

В статье **«Эксперты назвали главные проблемы российского образования»²** обсуждается система российского образования путем использования лексики с положительной, нейтральной и отрицательной коннотацией. Отрицательная коннотация наблюдается в словах, характеризующих проблемы. Кроме того, перечисляемые в статье проблемы передаются терминами в сфере образования, но слово «проблема» задает негативно окрашенный контекст, в связи с этим употребление однородных членов предложения в перечислении создает отрицательный фон при восприятии информации медиаадресатом.

Москва, 5 фев — РИА Новости. Нехватка квалифицированных педагогов, а также сложности и опасности, связанные с цифровизацией образовательной среды, — одни из главных проблем современной системы образования, рассказали эксперты, опрошенные РИА Новости накануне заседания президиума Госсовета и Совета при президенте по науке и образованию. Ранее пресс-служба Кремля сообщила, что президент РФ Владимир Путин 6 февраля проведет совместное заседание президиума Госсовета и Совета при президенте по науке и образованию, которое будет посвящено повышению роли регионов в подготовке кадров для экономики и социальной сферы, а также реализации Стратегии научно-технологического развития государства³.

Средняя школа. «Есть проблема значительной дифференциации условий образования, и вследствие этого — образовательных результатов. Это начиная от второй-третьей смены (в школах), заканчивая скоростью интернета, квалификацией педагогических кадров», —

¹ Гасюк А. СМИ: Английские ученики все чаще приносят в школу оружие...

² Песня В. Эксперты назвали главные проблемы российского образования // РИА Новости. 2020. 05 февраля. URL: <https://sn.ria.ru/20200205/1564295666.html> (дата обращения: 22.03.2023).

³ Там же.

рассказал директор Центра анализа образовательных данных ФИРО РАНХиГС Евгений Малеванов. Он также отметил, что есть проблема, с одной стороны, некоторого отставания образовательной среды от цифрового века, от бурного развития цифровых технологий, и в то же время «бурно развивающиеся цифровые технологии создают искажение в процессе развития и воспитания детей». «Одной из важнейших задач сегодня в системе образования является подготовка квалифицированного учителя, поэтому за последнее время предпринят целый ряд мер по совершенствованию педагогического образования. За последние 10-15 лет фактически пошел процесс ликвидации региональных педагогических вузов. Сегодня поставлена задача вернуть назад систему региональных педагогических вузов, потому что в регионах очень ощущается нехватка квалифицированных учителей», — рассказал руководитель Всероссийского фонда образования, сопредседатель движения «Образование для всех» Сергей Комков. Он также отметил, что сейчас решается вопрос о введении новых методов и форм образовательного процесса, использования компьютерных технологий. Однако, по мнению Комкова, здесь нужно быть чрезвычайно осторожными, «потому что никакое компьютерное образование не может заменить личность учителя». Также среди текущих проблем Малеванов назвал то, что никак не удается найти равновесие между вариативностью, гибкостью образовательных программ и едиными подходами, требованиями и условиями образования. «Кроме того, очень серьезная проблема сегодня заключается в том, что не выполняются майские указы президента о реализации нацпроекта «Образование», потому что нацпроект должен исполняться за счет региональных бюджетов, а регионы относят к этому чрезвычайно халатно», — считает Комков. По его мнению, крайне актуальна сейчас и проблема введения федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС), которые пока не утвердили и не приняли, вокруг них идут споры и обсуждения. «Проект ФГОСов был отклонен даже вновь заступившим министром просвещения, против этого проекта выступила большая группа академиков Российской академии образования и наиболее известный из этой группы Александр Асмолов. И с этой позиции он выступил и направил эту позицию президенту России», — рассказал Комков. Эксперт также отметил, что

необходимо учесть и то, что было сказано президентом в послании Федеральному собранию — он «очень серьезно сделал замечание о том, что образование должно стать сферой комплексного формирования личности, подрастающего поколения, и поэтому в систему образования надо возвращать такое понятие, как воспитание личности»¹.

Высшая школа. Комков добавил, что еще один важный момент — это выстраивание взаимосвязи между средним и высшим образованием. Он отметил, что в связи с этим нужно пересматривать систему выпускных экзаменов за курс средней школы. «И соответственно, предстоит серьезная работа по отбору в высшие учебные заведения. С тем чтобы уже на базе средней школы начиналась предпрофессиональная подготовка, чтобы вузы выбирались не спонтанно... чтобы осознанно выпускники школы шли, уже понимая, что они должны выбрать именно ту специальность, по которой они будут не просто учиться, но и дальше продолжать свой жизненный путь», — считает он. Также среди актуальных для высшей школы проблем Комков назвал расширение вузовской автономии. По его мнению, вузами должно управляться вузовское сообщество, профессорско-преподавательский состав, а должность ректора должна быть выборной. Он также отметил, что необходимо, чтобы значительно расширялась научно-экспериментальная и лабораторная база всех вузов. «Это очень серьезное требование к современной системе высшего профессионального образования, чтобы обучающиеся в вузах студенты обладали не только набором теоретических знаний, но и практических навыков», — добавил Комков. Малеванов же выделил среди проблем вузов диспропорцию в распределении вузов по территории России, и «вследствие этого — отток наиболее одаренных, наиболее образовательно успешных выпускников и сложности с возвращением в свои регионы после получения высшего образования»².

Медиадискурс учеников и журналистов, представителей бизнеса

В статье «Ученики школы № 1540 встретились с представителем СМИ и менеджером

¹ Песня В. Эксперты назвали главные проблемы российского образования...

² Там же.

банка»³ представлена информация о взаимодействии школьников с медиа и бизнесом с использованием преимущественно нейтральной и положительно окрашенной лексики.

В школе № 1540 состоялась встреча с руководителем рекламного отдела в средствах массовой информации и главным менеджером крупного российского банка. Мероприятие прошло 6 апреля. Ученики 7 и 10 медаиклассов пообщались с Анастасией Розенер, которая рассказала о работе в гляцевых журналах, особенностях коммуникации с представителями рекламных агентств и редакторскими отделами крупных издательств и многое другое, сообщили на странице образовательного учреждения в социальных сетях. Также воспитанники 10 социально-экономического класса встретились с исполнительным вице-президентом управления по работе с предприятиями среднего бизнеса крупного российского банка Алексеем Мышко. Ребята узнали, как функционируют современные кредитно-финансовые организации, как добиться успеха в данной сфере и какие пути развития существуют для финансовой системы страны. Ранее в стенах школы прошла лекция о феномене креативной экономики [38].

Медиадискурс учителей и родителей

В статье «*Ukrainian child refugees who have fled Putin's war are shocked to be taught Russian in British primary school*» / «Дети украинских беженцев, бежавшие от путинской войны, в шоке, что в британской начальной школе их учат русскому»⁴ используется лексика с нейтральной, положительной и отрицательной коннотацией. Примечательно, что ключевые нейтральные и положительно окрашенные слова приобретают в контексте отрицательную коннотацию, например, 'inclusive.' — «инклюзивный».

Ukrainian refugees who fled to Britain after Putin's invasion of their country were horrified to discover their children are being taught Russian at primary school as part of a language project. One mother,

³ Управа района Тверской города Москвы. Ученики школы № 1540 встретились с представителем СМИ и менеджером банка. 07.04.2023. URL: <https://tvruprava.mos.ru/presscenter/news/detail/11516063.html> (дата обращения: 22.03.2023).

⁴ Craven N. Ukrainian child refugees who have fled Putin's war are shocked to be taught Russian in British primary school // Daily Mail. 15.06.2023. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-12199417/Ukrainian-child-refugees-fled-war-shocked-taught-Russian-British-school.html> (дата обращения: 17.06.2023).

who asked not to be named, said **she was shocked** that her child had been given Russian teaching materials at Brunswick Primary School in **Brighton** as part of a seven-week long 'Russian Language Half-Term'. When the issue was raised with staff, the response was that **they wanted to be 'inclusive.'** <...> In 2021 Brighton and Hove adopted controversial guidance on transgenderism contained in '**Trans Inclusion Schools Toolkit Version 4**' which suggests the use of scripts for pupils claiming to be the opposite sex, with phrases such as **'I have always been a boy/girl'**¹. Украинские беженцы, оказавшиеся после начала боевых действий в Великобритании, с ужасом узнали, что в начальной школе их детей учат русскому. Одна мать, попросившая не называть ее имени, сказала, что была шокирована тем, что ее ребенку в начальной школе Брансуика в Брайтоне выдали учебные материалы по русскому языку, рассчитанные на семинедельный курс. Когда был поднят вопрос с персоналом, школьные власти объяснили это стремлением к «инклюзивности». В 2021 году муниципалитет Брайтон и Хоув принял спорную учебное руководство по трансгендеризму. В частности, там даются «инклюзивные» рекомендации для учителей, как реагировать, если ученик изъявляет желание сменить пол, с такими фразами, как «Я всегда был мальчиком/девочкой».

Медиадискурс чиновников (от власти, в т. ч. в сфере образования) и журналистов, учителей, учеников и родителей

В статье **"Headteachers should intervene to stop children identifying as cats, horses, moons or other 'neo genders', Downing Street says"**² констатируется негативный контекстуальный фон, заданный основной темой проблемного характера, соответственно, нейтральная и положительно окрашенная лексика трансформируется в лексику с отрицательной коннотацией.

Headteachers should intervene to stop children identifying as cats, horses, moons or other 'neo genders', Downing Street has said. A spokesman for Prime Minister Rishi Sunak said that it is not right for

¹ Craven N. Ukrainian child refugees who have fled Putin's war are shocked to be taught Russian in British primary school...

²Parashar, A. Headteachers should intervene to stop children identifying as cats, horses, moons or other 'neo genders', Downing Street says // Daily mail. 20.06.2023. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-12215867/Headteachers-intervene-stop-children-identifying-cats-Downing-Street-says.html> (дата обращения: 22.06.2023).

children to be influenced by the 'personal views' of teachers when it comes to transgender issues. No 10 has waded into the debate after it emerged that schools are **allowing children to identify as cats, horses and dinosaurs** and that teachers are 'failing to question them'. There was widespread outrage earlier this week when the Telegraph revealed a 13-year-old girl at Rye College in East Sussex had been branded 'despicable' by her teacher for rejecting her classmate's claim that she identified as a cat. Now further stories are emerging of pupils who identify as animals with very human characteristics — often known as 'furries'. At a state secondary school in Wales, one student is said to **'meow' when asked questions by a teacher, rather than answering in English**. In other schools, one apparently **insists on being addressed as a dinosaur, one claims to identify as a horse while another is said to wear a cape and demands to be acknowledged as a moon**. These are known as 'neo pronouns', which refer to objects or animals as opposed to traditional genders³.

The series of observations about furries includes reassurances that it's in no way unusual for pupils to want to do this: 'It's normal for young people to express themselves through "dressing up".' the post on the organisation's website explains how members of the furry 'community' like to take on the persona of an animal — a 'fursona' — and interact with other like-minded 'fursonas' by chatting and in acts of role play. It further outlines how furries take on the personality and physical attributes of their chosen animal and some members make or buy vibrant costumes of their characters, known as 'fursuits'. Conventions are held around the world where these like-minded people can meet up in their altered animal ego, it says⁴.

Отмечаются стандартизованность и клишированность образовательного медиадискурса [1; 7]. Дискурсивные характеристики образовательной медиакommunikации базируются на значительном количестве устойчивых, а потому окаменевших оценок, как положительных, так и отрицательных.

Изнанка ЕГЭ: Исчезнувшие баллы, рекорды по списыванию, обыски и подставы. Петиция пересмотре оценок ЕГЭ из-за сложных заданий набрала больше 100 тысяч подписей⁵.

³Там же.

⁴Там же.

⁵Лукьянова А. Изнанка ЕГЭ: Исчезнувшие баллы, рекорды по списыванию, обыски и подставы. URL: <https://www.kp.ru/daily/27520.5/4783157/> (дата обращения: 25.06.2023).

К обсуждению подключились все стороны: Учителей без высшего образования в школы направлять пока не будут. В Минпросвещения России подчеркнули, что этот вопрос требует всестороннего анализа¹.

Министр просвещения РФ Сергей Кравцов: «Учителя, педагоги и наставники требуют особого внимания». Ведущий «Радио «КП» Александр Милкус обсудил с главным учителем страны самое важное в российской системе образования².

Больше половины россиян вынуждены нанимать детям репетиторов. Родители, жалуются, что школы плохо готовят учеников к выпускным экзаменам³.

Россияне резко раскритиковали идею сокращения летних каникул для школьников. Опрошенные считают, что летом дети должны отдыхать как можно дольше⁴.

«Дочку даже в WhatsApp⁵ заблокировала»: учительница не давала домашнюю работу школьнице, чья мама пожаловалась на поборы. В Новосибирске учительница не давала домашнее задание школьнице, чья мама пожаловалась на поборы⁶.

Оценки за ЕГЭ, непомерная «домашка», профорентация: Важные заявления министра просвещения Сергея Кравцова. Собрали важ-

¹ Лукьянова А. К обсуждению подключились все стороны: Учителей без высшего образования в школы направлять пока не будут. URL: <https://www.kp.ru/daily/27519/4782490/> (дата обращения: 22.06.2023).

² Милкус А., Баченина М. Министр просвещения РФ Сергей Кравцов: «Учителя, педагоги и наставники требуют особого внимания» // КР.РУ. 2023. 27 февраля. URL: <https://www.kp.ru/daily/27470/4726584/> (дата обращения: 22.03.2023).

³ Соболева К. Больше половины россиян вынуждены нанимать детям репетиторов. Родители, жалуются, что школы плохо готовят учеников к выпускным экзаменам. URL: <https://www.kp.ru/daily/27457/4711555/> (дата обращения: 22.02.2023).

⁴ Соболева К. Россияне резко раскритиковали идею сокращения летних каникул для школьников. Опрошенные считают, что летом дети должны отдыхать как можно дольше. URL: <https://www.kp.ru/daily/27467/4722821/> (дата обращения: 22.03.2023).

⁵ Входит в компанию Meta, которая признана экстремистской и запрещена в РФ. URL: <https://www.nsk.kp.ru/daily/27516/4780412/>

⁶ Соловова, Т. «Дочку даже в WhatsApp заблокировала»: учительница не давала домашнюю работу школьнице, чья мама пожаловалась на поборы. URL: <https://www.nsk.kp.ru/daily/27516/4780412/> (дата обращения: 21.06.2023).

ные заявления Сергея Кравцова на тему образования, прозвучавшие на ПМЭФ-2023⁷.

Дети рискуют оказаться «в стране невыученных уроков»: что не так с домашними заданиями и стоит ли их отменять. Консультант в сфере образования Митин считает, что в 9-11 классах вместо домашних заданий нужна самоподготовка⁸.

Домашке быть или не быть? Стоит ли дарить учащимся свободу после уроков в школе. Учитель Жуковская оценила идею отмены домашней работы для школьников⁹.

Анализ фактического материала наглядно демонстрирует в современном образовательном медиадискурсе минимизацию положительных оценок и нейтральной информации, доминирование отрицательных оценок (деструктем, по Е. Иванян [4; 5]). Встречаются явные и неявные деструктемы: деструктемы-метафоры, паразитирующие на идее инвалидности, «умственной или физической неполноценности»; деструктемы-гиперболы, базирующиеся на угрозе смерти, лингвоцинизмы, которые усиливаются интертекстуальностью, прецедентностью.

«В дворники пойдешь!»: десять фраз, которые нельзя говорить подростку после ЕГЭ. Психолог Панасюк предупредил родителей, что после сдачи ЕГЭ неосторожные фразы грозят подростку нервными срывами¹⁰.

«Пишет, как двоечник»: уральский филолог дала низкую оценку нейросети, которая за час сдала ЕГЭ. В Екатеринбурге нейросети понадобился час, чтобы написать ЕГЭ по русскому, но в вуз она не поступит¹¹.

⁷ Лукьянова А. Оценки за ЕГЭ, непомерная «домашка», профорентация: Важные заявления министра просвещения Сергея Кравцова. URL: <https://www.kp.ru/daily/27516/4779147/> (дата обращения: 20.06.2023).

⁸ Лукьянова А. Дети рискуют оказаться «в стране невыученных уроков»: что не так с домашними заданиями и стоит ли их отменять. 04.06.2023. URL: <https://www.kp.ru/daily/27511.5/4773205/> (дата обращения: 22.06.2023).

⁹ Лукьянова А. Домашке быть или не быть? 02.06.2023. URL: <https://www.kp.ru/daily/27511.5/4772711/> (дата обращения: 21.06.2023).

¹⁰ Лукьянова А. «В дворники пойдешь!»: десять фраз, которые нельзя говорить подростку после ЕГЭ. 02.06.2023. URL: <https://www.kp.ru/daily/27511.5/4772532/> (дата обращения: 22.06.2023).

¹¹ «Пишет, как двоечник»: уральский филолог дала низкую оценку нейросети, которая за час сдала ЕГЭ. URL: <https://news.mail.ru/society/56449268/> (дата обращения: 12.06.2023).

«Опять двойка»: ростовчане откровенно рассказали, как жить если завалил ЕГЭ. О том, что делать если не сдал ЕГЭ, рассказали жители донской столицы¹.

«На перемене я тебя убью»: бунты в начальных школах прокатились по России — кто в этом виноват. Психолог объяснила, что делать, если в школе начался бунт².

«Условием вступления в брак является беременность хотя бы одного из супругов»: о перлах на ЕГЭ рассказал репетитор из Ростова. Ростовский репетитор по ЕГЭ пять лет ведет бумажный цитатник ответов выпускников³.

«Павка — наш Терминатор, но все равно скучно»: Что сказали современные школьники про фильм «Как закалялась сталь». «Комсомолка» узнала о реакции подрастающего поколения на легендарную кинокартину⁴.

Как выявить талант у ребенка и не «спугнуть» его: советы для родителей будущих гениев. Педагог Юркевич посоветовала повышать учебную нагрузку для талантливых детей⁵.

Лингвоцинизмы представляют собой этико-речевые ошибки, при помощи которых говорящий передаёт негуманное, циничское отношение к объекту речи [29, с. 402].

Например:

Одна ошибка помешала набрать 300 баллов: выпускница из Хабаровского края идеально сдала два ЕГЭ и промахнулась в третьем. Школьница

¹ «Опять двойка»: ростовчане откровенно рассказали, как жить если завалил ЕГЭ. URL: <https://news.mail.ru/society/55941470/> (дата обращения: 23.04.2023).

² Алексеев В., Ефанов А., Артякова Н. «На перемене я тебя убью»: бунты в начальных школах прокатились по России — кто в этом виноват. URL: <https://www.nsk.kp.ru/daily/27501/4762090/> (дата обращения: 12.05.2023).

³ Какасьева А. «Условием вступления в брак является беременность хотя бы одного из супругов»: о перлах на ЕГЭ рассказал репетитор из Ростова. URL: <https://www.rostov.kp.ru/daily/27490.5/4748846/> (дата обращения: 22.04.2023).

⁴ Новикова О., Третьякова Е. «Павка — наш Терминатор, но все равно скучно»: Что сказали современные школьники про фильм «Как закалялась сталь». URL: <https://www.perm.kp.ru/daily/27465/4720978/> (дата обращения: 20.03.2023).

⁵ Морозов А. Как выявить талант у ребенка и не «спугнуть» его: советы для родителей будущих гениев. Педагог Юркевич посоветовала повышать учебную нагрузку для талантливых детей. URL: <https://www.kp.ru/daily/27461.5/4716159/> (дата обращения: 22.03.2023).

из Хабаровского края набрала 200 баллов на ЕГЭ по русскому языку и истории⁶.

При этом необходимо подчеркнуть, что лингвоциничные креатемы могут включать положительную коннотацию.

Примером является статья **«Внимание, вещают школьники! Как ученики школы посёлка Яковлево познают деятельность СМИ»** в сетевом издании «Победа 31»⁷, отражающая медиадискурс учеников и журналистов:

А если захватить советскую печать и припомнить первый выход многотиражки «Правда», то, пожалуй, вырисовывается неплохой опыт, который в последующем становится хорошим уроком для нас, «желторотиков» пера. С чего же начинался путь вчерашнего любознательного, который грезил журналистской профессией? Вот и читателям школьного ежемесячника «ОКНО» — ученикам школы посёлка Яковлево особенно полюбилась забавная рубрика «Новости из-под парты», где были собраны самые смешные анекдоты. Новости газета выпускала классные — под стать названию «Очень Классные Новости», признаётся заместитель директора школы по воспитательной работе Надежда Станиславовна Григоренко. ...за радийный «штурвал» взялась Надежда Станиславовна, и начался рабочий процесс. Сегодня в Школе успеха утро начинается свежо, бодро — всему «виной» резвая танцевальная зарядка от местных радиоведущих. Стесняться — это не про них, публичная «должность» девушкам, бесспорно, по душе, тем более такой навык точно пригодится в будущем⁸.

Также к деструктивным креативам можно отнести следующие высказывания участников образовательного медиадискурса.

«Что будет с высшим образованием в России после послания Путина: Болонская система не «легла» на наши традиции. Профессора оценили

⁶ Шопенко, А. Одна ошибка помешала набрать 300 баллов: выпускница из Хабаровского края идеально сдала два ЕГЭ и промахнулась в третьем. Школьница из Хабаровского края набрала 200 баллов на ЕГЭ по русскому языку и истории. URL: <https://www.hab.kp.ru/daily/27520.5/4783385/> (дата обращения: 24.06.2023).

⁷ Внимание, вещают школьники! Как ученики школы посёлка Яковлево познают деятельность СМИ // Победа 31. URL: <https://bel-pobeda.ru/articles/obshestvo/2022-02-05/vnimanie-veschayut-shkolniki-kak-ucheniki-shkoly-posyolka-yakovlevo-rozpoznayut-deyatelnost-smi-235581> (дата обращения: 22.03.2023).

⁸ Там же.

изменения в образовании России, которые анонсировал Путин [видео]¹.

Из троечников в отличники, а потом и в мультитобалльники: пермский выпускник сдал два ЕГЭ на 100 баллов. В Перми выпускник лицея № 10 сдал ЕГЭ по русскому языку и физике на 100 баллов².

Мультитобалльница из поселковой школы мечтает стать врачом. Ирина Снигирева из Пермского края сдала русский язык и химию на 100 баллов³.

Как проверить, готов ли ребенок к школе. Пройдите наш тест со своим наследником, чтобы понять, пора ли ему садиться за парту⁴.

Олимпиада школьников «Гранит науки». Сколько гранита нужно сгрызть и какие дисциплины включить в свое меню для успешного участия в олимпиаде школьников «Гранит науки»? Обсуждаем с экспертами тонкости подготовки и решения задач⁵.

Устроить ТРУДное детство: стоит ли привлекать школьников к бесплатным полезным работам. Почему многие родители против нового законопроекта, который вводит для детей обязательные работы⁶.

Результаты анализа современных медиатекстов в сфере образования свидетельствуют о том, что

¹ Арсужин Е. Что будет с высшим образованием в России после послания Путина: Болонская система не «легла» на наши традиции. 21.02.2023. URL: <https://www.kp.ru/daily/27468/4724363/> (дата обращения: 22.03.2023).

² Овчинникова А. Из троечников в отличники, а потом и в мультитобалльники: пермский выпускник сдал два ЕГЭ на 100 баллов. 22.06.2023. URL: <https://www.perm.kp.ru/daily/27519/4782378/> (дата обращения: 22.06.2023).

³ Овчинникова А. Мультитобалльница из поселковой школы мечтает стать врачом. URL: <https://www.perm.kp.ru/daily/27519/4781838/> (дата обращения: 22.06.2023).

⁴ Герасименко А. Как проверить, готов ли ребенок к школе. 23.06.2023. URL: <https://www.kp.ru/daily/26272/3149659/> (дата обращения: 23.06.2023).

⁵ Полищук А. Олимпиада школьников «Гранит науки». URL: <https://www.kp.ru/edu/shkola/olimpiada-shkolnikov-granit-nauki/> (дата обращения: 22.06.2023).

⁶ Зайцева А. Устроить ТРУДное детство: стоит ли привлекать школьников к бесплатным полезным работам. 25.05.2023. URL: <https://www.kp.ru/daily/27507/4768514/> (дата обращения: на 26.05.2023).

именно образовательный медиадискурс наиболее остро отражает актуальную аксиологическую лингвокультурную ситуацию в рассматриваемых странах. Все приведенные примеры наглядно демонстрируют существование множества лингвоэкологических проблем в различных субъектных разновидностях образовательного медиадискурса в разных лингвокультурах.

Заключение

В данной работе были проанализированы основные лингвоэкологические проблемы современного образовательного медиадискурса на материале российских, американских и британских СМИ. Проведенный анализ показал существование проблем пяти Д в образовательном медиадискурсе всех рассматриваемых лингвокультур: деструкция (негативные языковые средства и отрицательные эмоции) — дезэкологизация (нарушение природы коммуникации) — деформация (коммуникативных и личностных/межличностных процессов) — деградация (коммуникативной личности и самой коммуникации) — дегуманизация (социального взаимодействия коммуникантов). В связи с этим необходимо заниматься лингвистической безопасностью образовательного медиапространства, чтобы медиадискурс в сфере образования был экологичный и качественный, этически обусловленный.

Важно подчеркнуть еще один факт. Как показал анализ фактического материала, стремление к креативизации коммуникации в образовательном медиадискурсе с одной стороны демонстрирует творческую самореализацию коммуникантов, но, с другой стороны, порождает негативизацию коммуникации, деструктивные дискурсивные и социальные процессы. Необходимо заметить, что ответственность за сохранение экологической коммуникативной природы лежит не только на медиаадресанте как человеку, который порождает, транслирует и ретранслирует медиатексты, свои и чужие, но и на каждом участнике любого типа дискурса, который в век информатизации попадает в медиапространство, а соответственно из простого адресанта становится медиаадресантом, а также может трансформироваться из адресата/медиаадресата в медиаадресанта.

Список источников

1. Антонова Н. А. Гендерные различия в педагогическом общении // Вестник Саратовского госагроуниверситета им. Н. И. Вавилова. 2007. № 1 (3). С. 89–92.

2. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность массмедиаального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ : монография. М. : Ин-т языкознания РАН ; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. 656 с.
3. Желтухина М. Р., Гавриш А. Д. Эмоциогенность современных медиатекстов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 4 (32). С. 120–125. doi: 10.29025/2079-6021-2018-4(32)-120-125.
4. Иванян Е. П. Лингвоэкология педагогической речи // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2016a. № 11-12. С. 48-56.
5. Иванян Е. Проблемы лингвоэкологии русской речи // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica. 2016b. № 12. С. 63–68.
6. Казанцева Е. А. Экология академического дискурса : монография. Уфа : РИЦ БашГУ, 2019. 258 с.
7. Карасик В. И. Характеристики педагогического дискурса // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. Волгоград : Перемена, 1999. С. 3–18.
8. Купина Н. А. Креативная стилистика. М. : Флинта, 2014. 184 с.
9. Сковородников А. П. Лингвоцинизмы // Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. М., 2005. С. 402–403.
10. Сковородников А. П. К становлению лингвоэкологической терминологии // Речевое общение : специализированный вестник. 2000. № 3 (11). С. 70–78.
11. Сковородников А. П. Экология русского языка : словарь лингвоэкологических терминов. М. : Флинта, 2017. 384 с.
12. Степанов Ю. С. В поисках прагматики (проблема субъекта) // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. 1981. № 4 (40). С. 325–332.
13. Трошина Н. Н. Экология языка : аналитический обзор. М. : РАН ИНИОН, 2020. 53 с.
14. Шаховский В. И. Креатемы как индикатор бесконечных потенций языкового развития // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 162–171.
15. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М. : Гнозис, 2008. 416 с.
16. Шаховский В. И. Многоязычие стилей эмоционального медийного дискурса // Актуальные проблемы стилистики : ежегод. междунар. науч. журн. М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2017. С. 78–88.
17. Шаховский В. И. Экологическая многоликость коммуникативных сред человека // Этнопсихоллингвистика. 2019. № 2. С. 80–101.
18. Шаховский В. И. Экология языка и человека в меняющемся мире // Неофилология. 2020. № 6 (22). С. 217–225.
19. Boeva-Omelechko N., Zheltukhina M., Ryabko O., Matveeva G., Murugova E., Zyubina I. Unusual Antonymy: Inter-Part-Of-Speech Interaction in English Fictional Discourse // Space and Culture, India. 2018. № 6 (4). P. 12–121. doi: 10.20896/saci.v6i4.387.
20. Haugen E., Dil A. Sh. The ecology of language // The ecology of language: Essays by Einar Haugen. Stanford: Stanford univ. press, 1972. P. 325–339.
21. Prosen S., Vitulić H. S., Škraban O. P. Teachers' emotional expression in the classroom // Hacettepe Egitim Dergisi. 2014. № 29. P. 226–237.
22. Tameryan T. Y., Zheltukhina M. R., Slyshkin G. G., Abakumova O. B., Volskaya N. N., Nikolaeva A. V. Metaphor in Political Media Discourse: Mental Political Leader Portrait // Online Journal of Communication and Media Technologies. 2018. № 8 (4). P. 377–384.
23. Zheltukhina M. R., Krasavsky N. A., Pavlov P. V., Ponomarenko E. B., Aleshchanova I. V. Political Facebook posts using ideological symbols for media image designing of Russia as enemy // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. № 11 (18). P. 12005–120013. URL: https://www.researchgate.net/publication/312417996_Political_facebook_posts_using_ideological_symbols_for_media_image_designing_of_russia_as_enemy (дата обращения: 22.03.2023).
24. Zheltukhina M. R., Zinkovskaya A. V., Shershneva N. B., Katermina V. V. Dialogue as a constituent resource for dramatic discourse: language, person and culture // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. № 11 (15). P. 7408–7420. URL: https://www.researchgate.net/publication/309250383_Dialogue_as_a_constituent_resource_for_dramatic_discourse_Language_person_and_culture (дата обращения: 22.03.2023).

References

1. Antonova NA. Gender differences in pedagogical communication. *Vestnik Saratovskogo gosagrouniversiteta im. N. I. Vavilova = Bulletin of Saratov State Agricultural University named after N. I. Vavilov*. 2007;(1(3)):89-92. (In Russ.).
2. Zheltukhina MR. Tropologicheskaya suggestivnost' massmedial'nogo diskursa: o probleme rechevogo vozdeystviya tropov v yazyke SMI = Tropological suggestivity of mass media discourse: on the problem of the speech impact of tropes in the language of the media. Moscow: In-t linguistics of the Russian Academy of Sciences; Volgograd: Publishing House of VF MUPK; 2003. 656 p. (In Russ.).
3. Zheltukhina MR, Gavrish AD. Emotiogenicity of modern media texts. *Aktual'nyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki = Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2018;(4(32)):120-125. (In Russ.).
4. Ivanyan EP. Linguoecology of pedagogical speech. *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2016a;(11-12):48-56. (In Russ.).
5. Ivanyan E. Problems of linguoecology of Russian speech. *Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Linguistica Rossica*. 2016b;(12): 63-68. (In Russ.).
6. Kazantseva EA. Ecology of academic discourse. Ufa: RIC BashSU; 2019. 258 p. (In Russ.).
7. Karasik VI. Characteristics of pedagogical discourse. In: *Yazykovaya lichnost': aspekty lingvistiki i lingvodidaktiki = Linguistic personality: aspects of linguistics and linguodidactics*. Volgograd: Change; 1999. Pp. 3–18. (In Russ.).
8. Kupina NA. Kreativnaya stilistika = Creative style. Moscow: Flint; 2014. 184 p. (In Russ.).
9. Skovorodnikov AP. Linguocynisms. In: *Vyrazitel'nyye sredstva russkogo yazyka i rechevyye oshibki i nedochety = Expressive means of the Russian language and speech errors and shortcomings*. Moscow; 2005. Pp. 402–403. (In Russ.).
10. Skovorodnikov AP. To the formation of linguoecological terminology. In: *Rechevoye obshcheniye: spetsializirovanny vestnik = Speech communication: specialized bulletin*. 2000;(3(11)):70-78. (In Russ.).
11. Skovorodnikov AP. Ekologiya russkogo yazyka : slovar' lingvoekologicheskikh terminov = Ecology of the Russian language: a dictionary of linguoecological terms. Moscow: Flint; 2017. 384 p. (In Russ.).
12. Stepanov YuS. In search of pragmatics (subject problem). *Izvestiya AN SSSR. Ser. lit. i yazyka = Izvestia of the USSR Academy of Sciences. Ser. lit. and language*. 1981;4(40):325-332. (In Russ.).
13. Troshina NN. Ekologiya yazyka = Ecology of language. Moscow: RAS INION; 2020. 53 p. (In Russ.).
14. Shakhovskiy VI. Createmes as an indicator of the infinite potencies of linguistic development. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika = Language ecology and communicative practice*. 2014;(2):162-171. (In Russ.).
15. Shakhovskiy VI. Lingvisticheskaya teoriya emotsiy = Linguistic theory of emotions. Moscow: Gnosis; 2008. 416 p. (In Russ.).
16. Shakhovskiy VI. Multilingualism of styles of emotional media discourse. In: *Aktual'nyye problemy stilistiki = Actual problems of style*. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 2017. Pp. 78–88. (In Russ.).
17. Shakhovskiy VI. The ecological multitude of human communication media. *Etnopsikholingvistika = Ethnopsycholinguistics*. 2019;(2):80-101. (In Russ.).
18. Shakhovskiy VI. Ecology of language and man in a changing world. *Neofilologiya = Neophylology*. 2020;(6(22)):217-225. (In Russ.).
19. Boeva-Omelechko N, Zheltukhina M, Ryabko O, Matveeva G, Murugova E, Zyubina I. Unusual Antonymy: Inter-Part-Of-Speech Interaction in English Fictional Discourse. *Space and Culture, India*. 2018;6(4):112-121.
20. Haugen E, Dil ASH. The ecology of language. In: *The ecology of language: Essays by Einar Haugen*. Stanford: Stanford univ. press, 1972. Pp. 325–339.
21. Prosen S, Vitulić HS, Škraban OP. Teachers' emotional expression in the classroom. *Hacettepe Egitim Dergisi*. 2014;(29):226-237.
22. Tameryan TY, Zheltukhina MR, Slyshkin GG, Abakumova OB, Volskaya NN, Nikolaeva AV. Metaphor in Political Media Discourse: Mental Political Leader Portrait. *Online Journal of Communication and Media Technologies*. 2018;(8(4)):377-384.

23. Zheltukhina MR, Krasavsky NA, Pavlov PV, Ponomarenko EB, Aleshchanova IV. Political Facebook posts using ideological symbols for media image designing of Russia as enemy. *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016;11(18):12005-120013. Available from: https://www.researchgate.net/publication/312417996_Political_facebook_posts_using_ideological_symbols_for_media_image_designing_of_russia_as_enemy (accessed: 22.03.2023).

24. Zheltukhina MR, Zinkovskaya AV, Shershneva NB, Katermina VV. Dialogue as a constituent resource for dramatic discourse: language, person and culture. *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016;(11(15):7408-7420. Available from: https://www.researchgate.net/publication/309250383_Dialogue_as_a_constituent_resource_for_dramatic_discourse_Language_person_and_culture (accessed: 22.03.2023).

Информация об авторе

О. В. Сергеева — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии.

Information about the author

Olga V. Sergeeva — Cand. of Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of English Philology.

Статья поступила в редакцию 24.06.2023; одобрена после рецензирования 09.09.2023; принята к публикации 02.10.2023.

The article was submitted 24.06.2023; approved after reviewing 09.10.2023; accepted for publication 25.11.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81`272.12

doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-83-94

МОТИВАЦИОННОЕ ПИСЬМО С ПОЗИЦИЙ ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНОГО ПОДХОДА

Елена Мухамедовна Хакимова^{1✉}, Ольга Анатольевна Толстых²

^{1, 2} Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия

¹ khakimovaem@susu.ru, ORCID: 0000-0002-2948-9482

² tolstykhoha@susu.ru, ORCID: 0000-0002-3112-7026

Аннотация. В статье отражены результаты изучения мотивационного письма — состязательного документа, который создается претендентом на конкурсную позицию в деловой и академической среде. Цель работы — представить комплексную интерпретацию мотивационного письма на пересечении разных исследовательских концепций и коммуникативных практик. Эмпирическую базу составили мотивационные письма на английском языке, подготовленные американскими, британскими и российскими абитуриентами для поступления на различные образовательные программы, а также предлагаемые университетами рекомендации по составлению таких текстов. Методом исследования материала стал полипарадигмальный анализ, включающий в себя дискурсивный, лингвокультурный, нарратологический, жанровый и лингвостилистический аспекты. Установлено, что мотивационное письмо является императивным и инициальным речевым жанром, с иерархическим — снизу вверх — вектором отношений между автором и адресатом сообщения, содержание которого отражает в ретроспективно-перспективном ракурсе развитие профессиональных и личностных качеств соискателя, а форма определяется набором структурных элементов (приветствие, экспозиция, основная часть, заключение). Рассмотрены особенности употребления лексических номинаций и грамматических конструкций для выражения значимых для участников коммуникации смыслов. Доказано, что приемы сторителлинга и использование функционально-стилистических средств приводят к гибридизации мотивационного письма как результату взаимодействия академического, разговорного, административного и художественного дискурсов. Особое внимание в работе уделено выявлению и описанию специфики реализации коммуникативных канонов, жанрово-стилистических норм, языковых стандартов в отечественной и западных лингвокультурах.

Ключевые слова: мотивационное письмо, академический дискурс, полипарадигмальный подход, дискурсивный анализ, лингвокультурный анализ, нарратологический анализ, жанровый анализ, лингвостилистический анализ, межкультурные коммуникации

Благодарности. Авторы выражают признательность выпускнице Южно-Уральского государственного университета Л. А. Науменко за разрешение воспользоваться эмпирической базой, представленной в её выпускной квалификационной работе.

Для цитирования: Хакимова Е. М., Толстых О. А. Мотивационное письмо с позиций полипарадигмального подхода // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 9 (479). С. 83–94. doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-83-94

Original article

MOTIVATION LETTER FROM THE STANDPOINT OF THE POLYPARADIGM APPROACH

Elena M. Khakimova^{1✉}, Olga A. Tolstykh²

^{1, 2} South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia

¹ khakimovaem@susu.ru, ORCID: 0000-0002-2948-9482

² tolstykhoha@susu.ru, ORCID: 0000-0002-3112-7026

Abstract. The article focuses on the study of motivation letter which is a personalized document created by an applicant for a competitive position in business and academic environment. The aim of the article is to present

a comprehensive interpretation of motivational writing at the intersection of different research concepts and communicative practices. The empirical base was made up of motivation letters prepared by American, British and Russian applicants for admission to various educational programs, as well as recommendations offered by universities on how to compose such texts. The main research method was a polyparadigm approach including discursive, linguocultural, narratological, genre, linguistic and stylistic aspects. The results of the study demonstrate that the motivation letter is an imperative and initial speech genre, with a hierarchical — from bottom to top — vector of relations between the author and the addressee. The content of the message reflects the development of professional and personal qualities of the applicant in a retrospective-perspective manner, whereas the form is determined by a set of structural elements (greeting, exposition, main part, conclusion). The article considers the peculiarities of lexical nominations and grammatical constructions used to express the meanings which are significant for the participants of communication. It proves that the techniques of storytelling and the use of functional-stylistic means lead to the hybridization of motivational writing as a result of interaction of academic, colloquial, administrative and artistic discourses. Particular attention is paid to the identification and description of the implementation of communicative canons, genre-stylistic norms, language standards in the Russian and Western linguocultures.

Keywords: motivational writing, academic discourse, polyparadigm approach, discourse analysis, linguocultural analysis, narratological analysis, genre analysis, linguistic and stylistic analysis, intercultural communication

Acknowledgments. The authors express their gratitude to L.A. Naumenko, a graduate of South Ural State University, for permission to use the empirical base presented in her graduate qualification work.

For citation: Khakimova EM, Tolstykh OA. Motivation letter from the standpoint of the polyparadigm approach. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(9(479):83-94. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-83-94

Введение

Мотивационное письмо — это документ, который составляется претендентом на должность в компании или место в учебном заведении, а также потенциальным стипендиатом или грантополучателем, чтобы убедить адресата в том, что автор является самым достойным кандидатом на конкурсную позицию. Указанный тип текста широко представлен в западной коммуникативной традиции, и это подтверждают многочисленные термины: motivation letter / essay, letter of application, covering letter, statement of purpose, personal statement в англоязычных, Bewerbungsschreiben, Motivations schreiben в немецкоязычных, lettre de motivation в франкоязычных лингвокультурах. Комментируя такое положение вещей, М. М. Блинкина-Мельник отмечает, что «западная цивилизация построена на умении эффективно себя подать: форма ценится не меньше содержания, так что привычку говорить и писать о себе будущий профессионал приобретает уже в раннем возрасте» [4. С. 15]. В России в области делового общения исторически сложились другие коммуникативные практики, в рамках которых для презентации персональной информации используются стандартные жанры: анкета, автобиография, характеристика. Мотивационные письма в системе текстового сопровождения управленческих процессов появились относительно недавно и привлекли внимание отечественных исследователей.

Обзор литературы

Анализ научных и методических источников по рассматриваемой проблематике позволяет соотнести изучение мотивационных писем с несколькими исследовательскими концепциями.

Дискурсивная парадигма. Поскольку мотивационные письма создаются и функционируют в рамках статусно-ролевого общения, можно утверждать, что они принадлежат институциональному типу дискурса, причем связаны с двумя его видами — деловым и академическим [65; 1110]. И это обстоятельство влияет на характеристики дискурсивных компонентов, к которым относятся:

- 1) адресант и его интенции. Авторами мотивационных писем являются люди, стремящиеся занять вакансию на рынке труда либо получить место (магистратура, аспирантура, стажировка) или ресурсы (стипендия, грант) в академической среде;
- 2) адресат и его реакции. Получателями мотивационных писем в деловом дискурсе становятся потенциальные работодатели и сотрудники HR-структур, а в академическом — члены комиссии, принимающие решение относительно перспектив претендентов;
- 3) каналы коммуникации. Исследователи отмечают, что при подготовке содержательной части мотивационных писем источником полезной информации могут стать традиционные СМИ, социальные сети,

коммуникационные площадки бирж труда и волонтерских организаций [3]. Что касается отправления сообщений, то в настоящее время соискатели, как правило, используют электронную почту и корпоративные сайты, причем каждый канал имеет определенную специфику. При обращении к электронной почте рекомендуется учитывать ряд моментов: включать в официальный электронный адрес нейтральные элементы (имя, фамилию, инициалы), отказавшись от неформальных составляющих (уменьшительно-ласкательные наименования, прозвища и др.); внятно формулировать тему сообщения; выполнять инструкции адресата относительно способа представления информации (в теле электронного сообщения или в прикрепленном файле) и т. д.¹ Когда каналом коммуникации является сайт, многие персональные сведения вводятся при регистрации аккаунта, поэтому такие элементы, как адрес получателя, тема сообщения, обращение, этикетная заключительная фраза, становятся избыточными и не включаются в текст [6]. Из этого следует, что технические параметры каналов коммуникации воздействуют на характеристики текста;

- 4) сообщение. Его содержание и форма определяются функциями: мотивационное письмо составляется для того, чтобы через предоставление информации о соискателе выделить его, привлечь к нему благожелательное внимание целевой аудитории [14]. Поэтому доминирующей коммуникативной стратегией является самопрезентация, которая реализуется через ряд тем-тактик. В деловом дискурсе востребованы сведения о профессиональных компетенциях, опыте, образовании кандидата; знание реального состояния дел в отрасли; понимание потребностей компании; заинтересованность в балансе между её развитием и собственной реализацией. В академическом дискурсе освещаются события из прошлого автора, повлиявшие на выбор образовательной программы; качества, навыки, достижения, ценности соискателя; осведомленность о сильных сторонах университета и его приоритетах; предпочитаемые формы внеучебной активности;

¹ How to send a motivation letter by e-mail (with moves, tips and examples. HR-Portal. 2022. URL: <https://hr-portal.ru/story/kak-otpravit-soprovoditelnoe-pismo-po-elektronnoy-pochte-s-shagami-sovetami-i-primerami>

образ желаемого будущего [6]. Рассматривая особенности содержания мотивационного письма, специалисты не только определяют, какую информацию следует размещать в сообщении, но и указывают, чего нужно избегать: избыточных персональных сведений, не имеющих непосредственного отношения к вакансии; сигналов, выдающих чрезмерную заинтересованность адресанта: «вы предлагаете взаимовыгодную сделку, а не просите об одолжении» [4. С. 16]; противоречий с другими документами и т. д. Что касается формы, то имеет смысл обратить внимание на рекомендуемый в ряде источников объем документа — от 300 до 500 слов. Кроме того, регламентации подвергается структура мотивационного письма и до некоторой степени его вербальное наполнение (более обстоятельно эти вопросы рассмотрены в блоках о генристической и лингвостилистической парадигмах);

- 5) перлокутивные эффекты. Результаты воздействия мотивационного письма на адресата могут соответствовать или противоречить авторской интенции. В первом случае перлокутивными эффектами станут прием на работу, зачисление в учебное заведение, предоставление стипендии или гранта, во втором — отсутствие указанных действий как знак коммуникативной неудачи;
- 6) посткоммуникация. Этот дискурсивный компонент представляет собой коммуникацию по поводу коммуникации и предполагает анализ имеющегося опыта, систематизацию его результатов, установление трудностей, с которыми сталкиваются коммуниканты, выявление удачных и ошибочных решений, разработку эффективных моделей, позволяющих масштабировать перспективные алгоритмы создания и использования мотивационных писем. Посткоммуникативное обсуждение указанных вопросов осуществляется в научных, методических, дидактических дискуссиях и материалах по соответствующей проблематике [7; 16 и др.].

Лингвокультурная парадигма. Важную роль здесь играет вопрос ценностей, значимых для национальных культур. В этой сфере есть принципиальные совпадения: например, концепт успеха важен для многих современных людей в разных странах. Но полного аксиологического тождества не существует, и этим обусловлена специфика некоторых значимых смысловых нюансов.

Так, американские авторы, рассказывая свою историю, предпочитают не углубляться в далекое прошлое, потому что считают это признаком незрелости [4]. Французская лингвокультура настаивает на разграничении концептов «мотивация», в структуре которой выделяются цель, план и взаимная выгода, и «амбиция» [2]. В немецкой традиции чрезвычайно ценится возможность профессионального роста, поэтому больше шансов имеют кандидаты, демонстрирующие соответствие предъявляемым требованиям на 75–80, а не на 100 % [13]. Русскоязычная лингвокультура делает акцент на искренности и сдержанности при демонстрации своих достоинств, отсюда рекомендация не злоупотреблять комплиментами в адрес адресата и избегать самовосхваления [9].

Нарратологическая парадигма. Мотивационное письмо, как правило, не является изолированным, оно направляется получателю вместе с дипломами, сертификатами, удостоверениями о повышении квалификации и т. д., и эти документы позволяют составить представление о соискателе на основании объективированных данных. Специфика мотивационного письма состоит в его принципиальной субъективности: автору предоставляется возможность внести в информационную картину личностное начало, создав впечатляющий образ рассказчика с незаурядным интеллектуальным, творческим, коммуникативным потенциалом. Решению такой задачи способствует владение техниками сторителлинга.

Искусство рассказывать истории востребовано в разных сферах человеческой деятельности (художественное творчество, массмедиа, маркетинг, политика, образование и др.). Систематизация и обобщение этого разнородного опыта привели исследователей к заключению о том, что в эффективный нарратив включены такие компоненты, как харизматичный герой, привлекающий внимание целевой аудитории; детализированное изображение среды, в которой разворачивается действие: «всякие милые частности, факты, цифры, детали (если их, конечно, не слишком много) делают текст живым и обаятельным» [4. С. 17]; внятная композиционная схема повествования — экспозиция (представление героя и его окружения), завязка (описание проблемы/конфликта), развитие сюжета и кульминация (поиск решения проблемы / разрешения конфликта), развязка (итог истории).

Специалисты подчеркивают, что, развивая нарратив, чрезвычайно важно поддерживать адресата в эмоциональном тоне. Способы решения

этой задачи связаны с типами сторителлинговых сюжетов, в числе которых «Мономиф, или Путь героя», «Гора», «Рамка», «Sparklines» (Как было, как могло бы быть), «In medias res» (Начать с середины), «Сходящиеся идеи», «Фальстарт», «Лепестки»¹. В мотивационных письмах в ряде случаев используется первый тип, который, по наблюдениям исследователей, представлен разными модификациями: ср. история-анекдот (в фокусе юмористический опыт) и история-исповедь (акцент на негативном опыте) [11]. Особое внимание в литературе по сторителлингу уделяется эффективным нарративным приемам: рассматриваются сенсорная детализация, обращения к адресату, риторические вопросы, воспроизведение диалогов, экспликация чувств и настроений и т. д. [1; 15]. Особенности реализации сюжетных схем зависят от национально-культурных традиций, актуального состояния социального контекста, а также от индивидуальных предпочтений соискателя.

Генристическая парадигма. Этот подход позволяет соотнести текстовые реализации с жанровой моделью мотивационного письма и определить его место в системе речевых жанров. Так, учитывая идеи Т. В. Шмелевой, выделившей семь жанрообразующих признаков: коммуникативную цель, образ автора, образ адресата, образ прошлого, образ будущего, диктумное (событийное) содержание, языковое воплощение [12], — можно дать следующее описание рассматриваемого феномена:

- мотивационное письмо относится к числу императивных жанров, так как его главная цель — вызвать осуществление события, желательного для инициатора общения;
- отношения между образами автора и адресата мотивационного письма определяются иерархическим характером коммуникации, вектор которой направлен снизу (заинтересованный в исполнении действия соискатель) вверх (обладающие определенными полномочиями представители социального института);
- образы прошлого и будущего позволяют квалифицировать мотивационное письмо как инициальный жанр, предопределяющий в случае коммуникативной удачи появление другого речевого жанра — приказа о приеме на работу / зачислении на обучение;

¹ Субботин И. Сторителлинг: хватит уже про путь героя, есть еще 8 способов сделать это. URL: <http://madcats.ru/content-marketing/storytelling-techniques/>

- диктумом мотивационного письма является самопрезентация, представляющая «в ретроспективно-перспективном формате развитие личностных и профессиональных качеств соискателя» [11. С. 369] и выделяющая его из ряда конкурентов;
- параметр языкового воплощения проявляется, в частности, через структуру мотивационного письма, включающего в свой состав ряд элементов: официальное приветствие и/или обращение к адресату (*Dear Admission Committee, Sehr geehrte Herren, Здравствуй-те!*); вводный абзац — краткое представление автора (имя, социальное положение) с определением его намерений (указание интересующей конкурсной должности/программы); основную часть (сведения о мотивах, ресурсах, возможностях, планах соискателя); заключение (обобщение вышеизложенного с выражением надежды на дальнейшее сотрудничество); этикетную формулу вежливости (*Yours faithfully, Mit freundlichen Grüßen, с уважением*); факультативные блоки, например отметку о наличии приложений [3; 6; 9].

Лингвостилистическая парадигма. Предметом изучения в рамках этого направления является функционирование языковых единиц, традиционно выделяемых лингвистами. В частности, Н. А. Кубракова указывает, какими номинациями пользуются соискатели, чтобы раскрыть темы-тактики, представленные в мотивационных письмах академического дискурса: например, при описании значимых ценностей востребованы лексемы из таких денотативных сфер, как «познание», «практическая деятельность», «семья», «национально-культурное и идеологическое разнообразие» [6].

Поскольку мотивационное письмо относится к институциональной корреспонденции, здесь на всех уровнях: — лексическо-фразеологическом, грамматическом, орфографическом, пунктуационном, графическом — учитывается норма современного национального языка и ограничивается использование сленга, лексических и грамматических коллоквиализмов, устаревших слов, канцеляризмов, неоправданных заимствований, чрезмерной метафоричности. Вместе с тем, в отличие от других видов деловой корреспонденции, мотивационное письмо предполагает эмоциональность. Поэтому особого изучения, на наш взгляд, заслуживает вопрос об уместном употреблении тропов и стилистических фигур как спо-

собов проявления авторской индивидуальности в стандартизированном дискурсе и средств усиления выразительности делового и академического текста.

Таким образом, в научных работах и практических руководствах представлено множество точных наблюдений, интересных суждений и ценных рекомендаций, однако говорить о полной изученности мотивационного письма как значимого для информационного общества феномена пока преждевременно, и этим обусловлена актуальность нашей статьи.

Цель этой работы — представить комплексную интерпретацию мотивационного письма на пересечении разных исследовательских парадигм и коммуникативных практик. Задачи: 1) систематизировав теоретические аспекты изучения мотивационных писем в научных и методических публикациях, соотнести выявленные подходы с текстовыми реализациями, представленными в зарубежной и отечественной практике; 2) выявить специфику реализации коммуникативных канонов, жанрово-стилистических норм, языковых стандартов в академическом дискурсе отечественной и западных лингвокультур.

Эмпирическая база и методология исследования

Эмпирическую базу составили 40 мотивационных писем на английском языке. Их можно разделить на две группы: 1) документы, подготовленные американскими и британскими абитуриентами для поступления на различные образовательные программы, — 20 текстов общим объемом 14 059 слов; 2) мотивационные письма российских соискателей, написанные на английском языке для поступления на магистерские программы российских и зарубежных университетов, — 20 документов общим объемом 15 062 слова. Материалы исследования также включают требования к мотивационным письмам и рекомендации по их подготовке, предлагаемые российскими и зарубежными вузами.

Для изучения эмпирической базы использовался полипарадигмальный анализ, включающий в себя дискурсивный, лингвокультурный, нарратологический, жанровый и лингвостилистический аспекты. Отметим, что интегральная методология позволяет рассмотреть имеющиеся текстовые реализации в разных измерениях, что соответствует стратегическому направлению в развитии современного научного знания о социальных явлениях [8].

Результаты анализа мотивационных писем

Анализ двух категорий мотивационных писем показал наличие как совпадений, обусловленных характеристиками академического дискурса, так и различий, связанных с лингвокультурными особенностями авторов мотивационных писем. Рассмотрим более детально полученные результаты в рамках заявленного полипарадигмального подхода.

Дискурсивный анализ

Анализ мотивационных писем первой и второй группы в рамках дискурсивной парадигмы позволяет заметить общие черты. Прежде всего, как англоязычные, так и русскоязычные адресанты — это выпускники школ, студенты и аспиранты, желающие произвести благоприятное впечатление на приемную комиссию и попасть на определенную образовательную программу. Дискурсивные практики эффективной самопрезентации нацелены в данном случае на создание положительного образа кандидата и на ответную заинтересованность со стороны университета.

Адресатами всех проанализированных нами мотивационных писем являются представители академического сообщества, отвечающие за отбор на образовательные программы, и преподаватели учебных курсов. Учитывая тот факт, что авторы проанализированных мотивационных писем прошли отбор и были зачислены на соответствующие образовательные программы, мы можем утверждать, что члены приемной комиссии в целом благосклонно отнеслись к кандидатам и отреагировали положительно на представленные мотивационные письма. Следовательно, использованные авторами писем стратегии и тактики, как и способы их актуализации, оказались эффективными.

Все тексты были оформлены в качестве онлайн-заявок на университетских сайтах. Алгоритм действий в данном случае был следующий: студент заполняет заявку, указывая свои официальные данные, и загружает на образовательный портал необходимые документы — сопроводительное письмо, сведения о полученном образовании в форме резюме, имеющиеся сертификаты, нотариально заверенную выписку об успеваемости и мотивационное письмо.

Среди представленных на конкурс документов именно мотивационное письмо позволяет кандидатам заявить о себе, задействовав все составляющие стратегии самопрезентации. Для этого в нашем материале были использованы выделен-

ные Н. А. Кубраковой темы-тактики: описание произошедших в жизни соискателей важных событий, акцентирование академических и профессиональных достижений, резюмирование результатов учебной и внеучебной деятельности, а также прогнозирование дальнейшей самореализации соискателя. Отметим, что в указанном аспекте существенных различий между мотивационными письмами двух рассмотренных категорий обнаружено не было.

Лингвокультурный анализ

Результаты проведенного лингвокультурного анализа свидетельствуют о том, что мотивационные письма, подготовленные носителями английского языка (абитуриентами из Великобритании и США), демонстрируют ярко выраженный индивидуалистический характер. Так, соискатели подробно описывают этапы осознания своего предназначения в жизни: *I never planned on being a doctor, much less a psychiatrist. I had been studying theology at a seminary right outside New York City. I thought I wanted to become professor of theology or Church history. But then, during my studies, I had a set of experiences which ended up making me radically rethink my own path, and charted a course that ultimately led to medical school and psychiatry. Let me explain (Я никогда не планировал стать врачом, тем более психиатром. Я изучал теологию в семинарии, расположенной недалеко от Нью-Йорка. Я думал, что хочу стать профессором богословия или церковной истории. Но во время учебы со мной произошел ряд событий, которые заставили меня кардинально переосмыслить свой путь и наметили направление, которое в конечном итоге привело меня в медицинскую школу и психиатрию. Позвольте мне объяснить).*

Один из авторов делится детскими воспоминаниями: *My parents tell me that when I was younger, my favourite phrase to use was “there has got to be an easier way to do this”. Necessity is the mother of invention, and my determination to make life easier has led me to create numerous solutions to try and simplify daily tasks (Мои родители рассказывают, что в детстве я чаще всего говорил: «Должен быть более простой способ сделать это». Необходимость — мать изобретения, и мое стремление сделать жизнь проще привело к созданию множества решений, направленных на упрощение повседневных задач).*

Многие кандидаты отмечают важность рефлексии: *My physical body is a string of atoms, but*

what of my inner self, my soul, my essence? (Мое физическое тело — это цепочка атомов, а как же мое внутреннее «я», моя душа, моя сущность?). Они подчеркивают ценность познания и самопознания: I noticed that the most compelling part of patient care for me was speaking with patients and trying to understand who they were as a person; eventually building up, letter by letter, to a quote personalized in my own voice (Я заметил, что наиболее интересной частью работы с пациентами для меня была беседа с ними и попытка понять, кто они, и в конечном счете выстроить, буква за буквой, цитату, написанную моим собственным голосом).

В рассмотренных мотивационных письмах в ряде случаев присутствует повышенная экспрессивность. Авторы передают особое отношение к описываемым событиям и свою вовлеченность в них: *Seeing the images of destruction wrought by the earthquake and tsunami in Japan, I felt as if something within myself was also being shaken (Увидев кадры разрушений, вызванных землетрясением и цунами в Японии, я почувствовал, что что-то внутри меня также сотрясается); I had been so used to solving my problems intellectually that when it came time to emotionally support someone, I was afraid (Я настолько привыкла решать свои проблемы интеллектуально, что, когда пришло время оказать кому-то эмоциональную поддержку, я испугалась); Frustration and despair flooded my mind as I heard this news. And so I prayed; It frustrated me no end that I couldn't sit down with all the people I met (Разочарование и отчаяние захлестнули меня, когда я услышал эту новость. И я молился; меня бесконечно огорчало, что я не могу посидеть со всеми людьми, которых я встретил); Passion has given me purpose (Страсть дала мне цель).*

Англоязычные абитуриенты уделяют особое внимание личным достижениям, которые подтверждают их выдающиеся способности: *In the summer of my freshman year, I received the Kikkoman National Scholarship (Летом первого курса я получил национальную стипендию Kikkoman).*

Кроме этого, в первой группе мотивационных писем авторы в свойственной представителям низкоконтекстуальных культур манере эксплицитно выражают свои намерения и притязания: *I would like to enroll in Sendagaya Japanese School as a full-time student starting April 2023 (Я хотел бы поступить в японскую школу Сендагая на дневное отделение с апреля 2023 года); I want to study social sciences at one of the leading German*

universities (Я хочу изучать гуманитарные науки в одном из ведущих немецких университетов); I believe that my academic and professional background can prove that I am worthy to be considered as a potential candidate (Я считаю, что моя академическая и профессиональная подготовка может служить доказательством того, что я достоин быть рассмотренным в качестве потенциального кандидата).

В мотивационных письмах второй группы информация об индивидуальных стремлениях кандидатов и их достижениях тоже присутствует, но имеет менее категоричный характер: *I am delighted to have a chance to apply for the DAAD scholarship. I hope that my academic and professional background can prove that I am worthy to be considered as a potential candidate (Я очень рад возможности подать заявку на получение стипендии DAAD. Я надеюсь, что моя академическая и профессиональная подготовка может доказать, что я достоин того, чтобы меня рассматривали в качестве потенциального кандидата).*

Изучением лингвокультурных и лингвопрагматических особенностей мотивационных текстов в настоящее время занимаются лингвисты, специалисты в области межкультурной коммуникации, теории и практики академического письма. Этот аспект требует более глубокого рассмотрения в отдельном исследовании. Результаты нашей работы подтверждают тезис о непосредственном влиянии культурных традиций на формирование академического дискурса.

Нарратологический анализ

Важной характеристикой мотивационных писем, написанных англоговорящими адресантами, является активное использование приемов сторителлинга: 12 текстов из 20 содержат эмоциональные рассказы о значимых для авторов событиях. Увлекательная история, создавая эффект соприутствия, позволяет соискателю вовлечь адресата в сферу своего влияния. Именно этим обусловлено отступление от формальных шаблонов и правил составления мотивационных писем. Тексты носителей английского языка начинают функционировать как гибридный жанр на стыке академического и разговорного дискурсов. Вполне закономерно, что мотивационные письма, использующие элементы сторителлинга, имеют большой потенциал воздействия на читателя, поскольку они напрямую апеллируют к его чувствам, вызывают неподдельный интерес и побуждают к принятию благоприятных для нарратора решений.

Приведем пример, демонстрирующий использование сторителлинга в мотивационном письме из первой группы: *While completing my master's degree, I met Mary, a woman suffering from late stage ALS. She had only her speech left, and even speaking was an effort at times. We formed a bond, and eventually I would visit her every time I visited the hospital. She spoke to me about her hopes and dreams, about her faith and her belief that she would be cured of her illness. I didn't know much, but at least I knew enough not to respond with empty platitudes or clichés that do more to console the living than the dying. So I kept listening. (Во время обучения в магистратуре я познакомился с Мэри, женщиной, страдающей поздней стадией БАС. У нее осталась только речь, и даже говорить ей порой было очень трудно. Мы с ней сблизились, и со временем я стал навещать ее каждый раз, когда приезжал в больницу. Она рассказывала мне о своих надеждах и мечтах, о своей вере и убежденности в том, что она излечится от своей болезни. Я не знал многого, но, по крайней мере, знал достаточно, чтобы не отвечать ей пустыми банальностями и клише, которые больше утешают живых, чем умирающих. Поэтому я слушал и слушал).*

В мотивационных письмах второй группы приемы сторителлинга обнаружены не были. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что российские соискатели воспроизводят шаблоны, представленные на университетских сайтах. Кроме того, нарративному аспекту мотивационных текстов уделяется недостаточно внимания в отечественных программах курсов по академическому письму.

Жанровый анализ

Проанализированные в рамках исследования мотивационные письма демонстрируют сходную структуру: они состоят из факультативного приветствия (*Dear Dr. Johnson; Madam, Sir; Dear Selection Committee*), введения, основной части, в которой представлены биография кандидата, причины участия в отборе на образовательную программу, отражены детали внеучебной деятельности, и заключения (*Thank you so much for your consideration; Sincerely; Please accept my sincere greetings*). И если приветствие и заключение имеют стандартизованный и предсказуемый характер, то экспозиция и основная часть предназначены для авторских решений и проявлений творческого начала.

Отличительной особенностью мотивационных писем первой группы являются риторические вопросы в экспозиции с целью привлечь внима-

ние и выделиться среди других кандидатов: *What happens when students enter multi-cultural learning realm? How is the learning affected by students' personal identity, academic disciplines, and social contexts? Where can the learning of the students intersect with conversations in learning pedagogy and cross-cultural classroom practices? As I pursue a PhD in Rhetoric and Composition, these questions will drive my research (Что происходит, когда студенты попадают в мультикультурную среду обучения? Как на процесс обучения влияют личностная идентичность студентов, учебные дисциплины и социальный контекст? Где обучение студентов может пересекаться с обсуждениями в области педагогики обучения и кросс-культурной практики в классе? В рамках моей научно-исследовательской работы во время обучения по программе аспирантуры в области риторики и композиции я буду изучать именно эти вопросы).*

Основная часть в текстах англоязычных авторов также обладает высоким уровнем креативности, демонстрируя, как мы отмечали выше, богатый функционал приемов сторителлинга в мотивационном сегменте академического дискурса.

В то время как американские и британские студенты пишут свои тексты в свободной форме, больше напоминающей литературное произведение, специфика мотивационных писем российских соискателей заключается в строгом соблюдении жанровой нормы, параметры которой задаются университетами. Так, в 14 документах из 20 встречается шаблонная фраза «I am writing to express my interest in the program...», что можно объяснить знакомством адресантов с образцами мотивационного письма и стремлением точно следовать рекомендациям, соответствуя ожиданиям приемной комиссии.

Лингвостилистический анализ

Изучая мотивационные письма в лингвостилистическом аспекте, мы рассмотрели особенности использования в текстах этого жанра лексических единиц и грамматических конструкций, а также специальных средств усиления выразительности высказываний — тропов, риторических фигур, аллюзий.

Одной из главных тем мотивационных писем первой группы является прошлое абитуриентов, связанное с нелегким детством, жизненными испытаниями, потерями. Этим обусловлена актуализация семантических полей «болезни» (*ALS, hospital, psychiatrist, cancer, doctor, illness, cure, depression, lymphoma, treatment, therapy,*

pain, suffering), «трагедии и бедствия» (*destruction, tsunami, earthquake, tragedy, danger*), «негативные эмоции» (*frustration, despair, frightening, guilt, sick, distraught, disappointment, scared, bewilderment, melancholy*). Вместе с тем значимым лейтмотивом всех проанализированных нами писем стал концепт успеха, неизменно указывающий на положительный опыт соискателей (*triumphant, success, passion, commitment, proudly, accomplished, powerful, growth*) и позитивные эмоции (*faith, satisfying, optimistic, laughed, smiled, compassion, love, liberating, gladness, happiness*).

В мотивационных письмах второй группы также представлена тема личных достижений и социального признания (*Best Ural Federal University graduate in 2021, thrive, success, award, opportunity, passionate*). Существенное внимание уделяется саморазвитию (*self-improving, become a professional, broaden the horizons, development, valuable experience, advance the skills*). Высокочастотным употреблением характеризуются номинации из семантического поля «образование», которое отсутствует в письмах англоязычных адресантов (*learning, knowledge, education, school, curriculum, student, lecture, exam, university, degree, academic, grades, GPA, learning outcomes, scholarship*). Кроме этого, необходимо упомянуть тот факт, что российские авторы чаще британских и американских прибегают к словам и выражениям, относящимся к тематике их будущего обучения. Так, например, абитуриентка, желающая поступить на программу образовательных технологий, в своем мотивационном письме активно использует лексику из этой сферы (*digital education, educational sector, teaching techniques, language skills, methodological knowledge*). Соискатель по направлению «Социология» несколько раз упоминает о проблеме социальных меньшинств и общественных правах, включая в текст соответствующие наименования (*gender, social inequality, post-gender social theory, intersectionality, race, ethnicity*). Претендент на участие в программе «Политические институты процессов и технологий» обращается к терминологии из указанной предметной области (*conflictology, conflict analysis, political conflicts, conflicts between the federal and regional levels of government, conflict structure, political science, regional policy*). Отмеченные расхождения в презентации значимых для мотивационного письма семантических полей выступают маркерами различных лингвокультурных традиций в академическом дискурсе.

Обращая внимание на грамматическое оформление, в текстах англоязычных авторов следует

выделить восклицательные предложения, обладающие яркой эмоциональной окраской и передающие сильные импульсивные реакции: *Look, look! She's a foreigner!* (Смотри, смотри, она иностранка!); *Here was my imaginary superpower, embodied in real life!* (И это была моя воображаемая суперсила, воплощенная в реальность!). Здесь же нередко можно заметить вкрапленные в повествование диалоги, которые в ряде случаев оформлены в виде прямой речи и нацелены на передачу динамичности и достоверности описываемых событий: *"I barely know how to hold a brush", I muttered almost aggressively. "What do you mean you don't have the technique?"* («Я даже не знаю, как держать в руках кисть», — злобно пробормотал я. «Ты имеешь в виду, что понятия не имеешь о технике рисования?»). Отличительной особенностью мотивационных писем первой группы являются характерные для разговорной речи сокращения: *I didn't realize it right away* (Я-то не догадался об этом сразу); *Professor, I don't know* (Профессор, да не знаю я), тогда как российские абитуриенты предпочитают полные формы глаголов: *Even though I did not qualify, European University did not end there* (Несмотря на то, что я не прошел отбор, Европейский университет для меня на этом не закончился).

В мотивационных письмах второй группы используются официальные вводные конструкции, что усиливает академичность текстов: *First of all, I want to thank you* (Прежде всего, я хочу поблагодарить вас). Причастные и деепричастные обороты придают высказываниям книжную окраску: *Having graduated from university in 2019, I started...* (Окончив университет в 2019 году, я начал...). Кроме вышеперечисленных черт, у русскоязычных адресантов можно обнаружить различные клише официально-делового стиля: *I am writing this essay to express my interest in participating in the YEAR program* (Я пишу это эссе, чтобы выразить свою заинтересованность в участии в программе YEAR); *I have chosen the educational program "Political institutions, processes and technologies" for my postgraduate studies due to several reasons* (Выбор образовательной программы "Политические институты, процессы и технологии" для обучения в аспирантуре обусловлен несколькими причинами).

В стилистическом аспекте арсенал мотивационных писем первой группы отличается невероятным разнообразием. Во всех без исключения текстах используются тропы: метафоры — *I had sought the soul of the nation among its skyscrapers and urban hot springs* (Я искал душу нации среди

ее небоскребов и городских горячих источников); сравнения — *And translating this ancient language is like watching a play (А переводить этот древний язык все равно что смотреть спектакль)*; эпитеты — *excruciating casualness (мучительная непринужденность)* и др. Из риторических фигур выявлены: инверсия — *Little did I know that our roles would be reversed... (Не знал я еще тогда, что наши роли поменяются местами)*; апозиопезис — *If only they could look inside... (Если бы только они могли заглянуть внутрь...)*; полисиндетон — *I spoke with psychiatrists and social workers and clinical psychologists (Я беседовал и с психиатрами, и с социальными работниками, и с клиническими психологами)*. В одном из писем присутствует аллюзия на стихотворение Роберта Фроста “The Road Not Taken” («Неизбранная дорога»): *And that, in the words of Robert Frost, “has made all the difference” (И это, говоря словами Роберта Фроста, «решило все остальное»)*.

Что касается мотивационных писем второй группы, то в них художественно-выразительные средства практически не представлены, поскольку при составлении своих высказываний русскоязычные адресанты ориентируются не на эстетику изящной словесности, а на функциональный стандарт деловой прозы.

Заключение

Мотивационное письмо представляет собой такой тип текста, организация и функционирование которого обусловлены множеством как собственно языковых, так и экстралингвистических факторов, поэтому продуктивен комплексный подход к его изучению. Проведенное нами исследование показало, что пониманию особенностей этого коммуникативного феномена способствует обращение к концептуальным идеям дискурсивной, лингвокультурной, нарратологической, генристической, лингвостилистической парадигм. Интегральный анализ мотивационных писем на английском языке, составленных британскими, американскими и российскими соискателями, позволяет сделать следующие выводы.

Дискурсивная парадигма в фокус исследовательского внимания помещает ряд параметров: это адресанты текстов (абитуриенты) и их намерения (создание привлекательного для целевой аудитории образа); адресаты высказываний (представители академического сообщества) и их реакции (степень заинтересованности в соискателе); каналы коммуникации (университетские сайты); доминирующая коммуникативная стратегия (самопре-

зентация) и соответствующий ей набор тем-тактик.

В ходе лингвострановедческого анализа установлено, что присущая мотивационным письмам установка на выражение личностного начала присутствует во всех рассмотренных текстах, но способы её выражения зависят от специфики национальных лингвокультур: русскоязычные авторы предпочитают описывать события своей личной жизни и чувства менее красочно, чем их англоязычные коллеги, кроме того, в мотивационных письмах носителей английского языка стремление кандидата побудить членов приемной комиссии принять положительное решение, как правило, выражено более уверенно и в эксплицитной форме.

Нарратологический анализ позволил нам сосредоточиться на приемах сторителлинга — коммуникативной технологии, обеспечивающей изложение информации в виде занимательного повествования с иммерсивным эффектом; оказалось, что она используется в мотивационных письмах англоязычных авторов, приводя к гибридизации жанра в результате взаимодействия академического и разговорного дискурсов, и отсутствует в текстах российских соискателей.

В рамках генристической парадигмы получено определение мотивационного письма как императивного и инициального речевого жанра, с иерархическим — снизу вверх — вектором отношений между автором и адресатом сообщения, содержание которого, отражая ретроспективно-перспективное развитие профессиональных и личностных качеств соискателя, воплощается в наборе основных структурных элементов (приветствие, экспозиция, основная часть, заключение).

Результатом лингвостилистического анализа стало выявление лексических номинаций, обозначающих значимые для мотивационных писем семантические поля («жизненные испытания», «успех», «образование» и др.), и определение специфики их использования в высказываниях англо- и русскоязычных адресантов; в работе также доказан тезис о лингвокультурной обусловленности грамматического оформления текстов и включения в них функционально-стилистических средств из разговорного (коллоквиализмы), художественного (тропы, риторические фигуры, аллюзия), административного (официально-деловые клише) дискурсов.

Подводя итог нашей работы и намечая перспективы, хотелось бы отметить, что предложенная в статье полипарадигмальная модель может использоваться при изучении мотивационных писем на других языках.

Полученное в ходе подобных исследований знание, представляя интерес для современной теории межкультурных коммуникаций, обладает вместе с тем прикладной ценностью: эта информация может использоваться при разработке

учебных заданий, направленных на формирование коммуникативных навыков, которые востребованы в разных лингвокультурах и необходимы современному человеку для эффективной профессиональной и личностной самореализации.

Список источников

1. Аникеева Т. Р., Соломатина Г. Ю. Сторителлинг как эффективная техника написания нарративного эссе // Иностранные языки и современные тенденции в иноязычном образовании : материалы V Юбилейной междунар. науч.-практ. конф. (22 апреля 2021 г., Воронеж) ; отв. ред. С. Ю. Капкова. Воронеж : Воронеж. гос. пед. ун-т, 2021. С. 421–425.
2. Багров Ю. Д. О некоторых трудностях освоения жанра мотивационного письма при изучении французского языка // Actual problems of theory and practice of philological researches: materials of the IV International scientific conference on March 25–26, 2014. Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2014. P. 204–205.
3. Бессмельцева Е. С., Нейман Ю. Е. Методика обучения студентов, обучающихся по профилю «менеджмент», написанию мотивационного письма на немецком языке // Научное обозрение. 2019. № 3. С. 15–19.
4. Блинкина-Мельник М. М. Рекламный текст: Задачник для копирайтеров. М. : ОГИ, 2004. 200 с.
5. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 2000. С. 5–20.
6. Кубракова Н. А. Мотивационное письмо как жанр академического дискурса (на материале английского языка) // Жанры речи. 2019. № 2 (22). С. 119–125. doi: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-119-125>.
7. Кубракова Н. А. Формы обучения академическому письму на английском языке (мастер-класс по написанию мотивационного письма) // Организация самостоятельной работы студентов по иностранным языкам. 2020. № 3. С. 96–101.
8. Лихачева Л. С. Проблема полипарадигмальности в методологии социального познания // Толерантность в контексте многоукладности российской культуры : тезисы Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2001. С. 27–29.
9. Норейко Л. Н., Некрасова Л. Н. Об искусстве деловой переписки: мотивационное письмо // Профессорский журнал. Серия «Русский язык и литература». 2022. № 4. С. 18–22.
10. Смирнова Н. В. Академическая грамотность и письмо в вузе: от теории к практике // Высшее образование в России. 2015. № 6. С. 58–64.
11. Сорокина С. Г. Влияние лингвопрагматических особенностей мотивационного письма на подходы к его написанию // Педагогический дискурс в современной научной парадигме и образовательной практике : материалы III Всерос. конф. М., 2023. С. 366–372.
12. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. 1997. № 1. С. 88–98.
13. Fügert N., Richter U. A Bewerbungstraining. Handreichungen für Kursleitende. Stuttgart : Ernst Klett Sprache, 2013. 35 p.
14. Li Y., Deng L. I am what I have written: a case study of identity construction in and through personal statement writing. Journal of English for Academic Purposes. 2019. Vol. 37. P. 70–87.
15. Pollock T. G. How to Use Storytelling in Your Academic Writing: Techniques for Engaging Readers and Successfully Navigating the Writing and Publishing Processes (How To Guides). Northampton : Edward Elgar Publishing, 2021. 200 p.
16. Samraj B., Monk L. The statement of purpose in graduate program applications: Genre structure and disciplinary variation. English for Specific Purposes. 2008. Vol. 27, no. 3. P. 193–211.

References

1. Anikeeva TR, Solomatina GY. Storytelling as an effective technique for writing a successful narrative essay. In: Inostrannyye yazyki i sovremennyye tendencii v inoyazychnom obrazovanii = Foreign languages and modern trends in foreign language education. Voronezh: Voronezh State Pedgogical University; 2021. Pp. 421–425. (In Russ.).
2. Bagrov YuD. On some difficulties in understanding the genre of motivation letters while studying French. In: Actual problems of theory and practice of philological researches. Prague: Vědecko vydavatelské centrum “Sociosféra-CZ”; 2014. Pp. 204–205. (In Russ.).

3. Bessmeltseva ES, Neumann JE. Methodology developed for teaching students with major in management to write a cover letter for a job application in German language. *Nauchnoe obozrenie=Scientific review*. 2019;(3):15-19. (In Russ.).
4. Blinkina-Mel'nik MM. Advertising texts: a taskbook for copywriters. Moscow; 2004. 200 p. (In Russ.).
5. Karasik VI. The types of discourse. In: *Yazykovaya lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs = Language personality and institutional discourse*. Volgograd: Peremena; 2000. Pp. 5–20. (In Russ.).
6. Kubrakova NA. Personal statement as a genre of academic discourse (based on the material of the English language). *Zhanry rechi = Speech Genres*, 2019;(2(22)):119-125. doi: 10.18500/2311-0740-2019-2-22-119-125. (In Russ.).
7. Kubrakova NA. Formats of teaching academic writing in English (a workshop on personal statement). *Organizaciya samostoyatel'noj raboty studentov po inostrannym yazykam = Organizing self-study in foreign language learning*. 2020;(3):96-101. (In Russ.).
8. Likhacheva LS. The problem of the polyparadigm approach in social cognition methodology. In: *Tolerantnost' v kontekste mnogoukladnosti rossijskoj kul'tury = Tolerance in the context of the diversity of Russian culture*. Ekaterinburg; 2001. Pp. 27-29. (In Russ.).
9. Noreyko LN, Nekrasova LN. On the art of business correspondence: motivation letter. *Professorsky Zhurnal. Seriya «Russky yazyk i literature» = Professor's Journal. Series "Russian Language and Literature"*. 2022;(3):18-22. (In Russ.).
10. Smirnova NV. Fostering academic literacy and academic writing in university: From theory to practice. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2015;(6):58-64. (In Russ.).
11. Sorokina SG. Influence of linguopragmatic features of motivational writing on approaches to its writing. In: *Pedagogichesky diskurs v sovremennoy nauchnoy paradigme i obrazovatel'noy praktike = Pedagogical discourse in modern scientific paradigm and education*. Moscow; 2023. Pp. 366–372. (In Russ.).
12. Shmelyeva TV. Speech genre model. *Zhanry rechi = Speech genres*. 1997;(1):88-98. (In Russ.).
13. Fügert N, Richter UA. *Bewerbungstraining. Handreichungen für Kursleitende*. Stuttgart: Ernst Klett Sprache; 2013. 35 p. (In German).
14. Li Y, Deng L. I am what I have written: a case study of identity construction in and through personal statement writing. *Journal of English for Academic Purposes*. 2019;(3):70-87.
15. Pollock TG. *How to use storytelling in your academic writing: Techniques for engaging readers and successfully navigating the writing and publishing processes (How to guides)*. Northampton: Edward Elgar Publishing; 2021. 200 p.
16. Samraj B, Monk L. The statement of purpose in graduate program applications: Genre structure and disciplinary variation. *English for Specific Purposes*. 2008;27(3):193-211.

Информация об авторах

Е. М. Хакимова — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Журналистика, реклама и связи с общественностью».

О. А. Толстых — кандидат филологических наук, доцент кафедры «Лингвистика и перевод».

Information about the authors

Elena M. Khakimova — Doctor of Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Journalism Advertising and Public Relations.

Olga A. Tolstykh — Cand. of Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Linguistics and Translation.

Статья поступила в редакцию 02.06.2023; одобрена после рецензирования 17.09.2023; принята к публикации 02.10.2023.

The article was submitted 02.06.2023; approved after reviewing 17.09.2023; accepted for publication 02.10.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81.372.2

doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-95-105

НАЗВАНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ИНТЕРФЕЙСА КАК ОТРАЖЕНИЕ РЕАЛИЙ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ИНТЕРНЕТЕ

Ли Ян

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, yoyo19930201@gmail.com

Аннотация. В ходе исследования лексико-семантического поля (ЛСП) «Межличностное общение в интернете» приобретает актуальность изучение лексики, связанной с названиями элементов интерфейса интернет-платформ. Однако данный языковой материал пока не стал объектом детального лингвистического анализа. Изучение данной лексики затруднено динамичным развитием платформ интернет-коммуникации. В настоящей статье рассмотрены названия элементов интерфейса этих платформ как отражение реалий межличностной коммуникации. Исследуемый лексический материал классифицирован, структурирован и сведён в таблицы.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, межличностное общение в интернете, вербализация, номинации, социальная сеть, функциональная доминанта, элемент интерфейса сайта, универсализация

Для цитирования: Ли Ян. Названия элементов интерфейса как отражение реалий межличностной коммуникации в интернете // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 9 (479). С. 95–105. doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-95-105

Original article

NAMES OF INTERFACE ELEMENTS AS A REFLECTION OF THE REALITIES OF INTERPERSONAL COMMUNICATION ON THE INTERNET

Li Yang

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, yoyo19930201@gmail.com

Abstract. For the research of the lexical-semantic field “Interpersonal communication on the Internet” the study of the vocabulary associated with the names of the interface elements of Internet platforms becomes relevant. However, this linguistic material has not yet become the object of detailed linguistic analysis. The study of this vocabulary is hampered by the dynamic development of Internet communication platforms. In this article the names of the interface elements of Internet platforms are considered as a reflection of the realities of interpersonal communication. The studied lexical material is classified, structured and tabulated.

Keywords: Interpersonal communication on the Internet, classification principles, social network, functional dominance, site interface element, universalization

For citation: Li Yang. Names of interface elements as a reflection of the realities of interpersonal communication on the Internet. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(9(479):95-105. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-95-105

Введение

С момента появления до настоящего времени интернет-платформы, предназначенные для межличностного общения в интернете, прошли значительный путь технологического обнов-

ления и развития, существенно расширив свои функции. Такие коммерческие платформы, как ВКонтакте, WhatsApp, Telegram, TikTok, WeChat, являются чрезвычайно популярными и распространёнными. Общее функциональное ядро этих платформ — общение, взаимодействие,

поддержание социальных контактов. Однако каждая из них имеет собственную коммуникативную направленность, поддерживаемую на программном уровне. Платформа делает возможным осуществление разнообразных пользовательских функций, что отражено в структуре интерфейсов соответствующих сайтов. Вполне закономерно появление для каждой из платформ специальных слов, обозначающих названия элементов интерфейса сайта, поддерживающих функции данных платформ. Исследователи связывают это с тем, что «... в настоящее время мы находимся на пике технического и интернет-прогресса, а это обязательно влечет за собой изменения в языковой среде» [15. С. 24]. **Тема** данной статьи родилась в ходе исследования лексико-семантического поля (ЛСП) «межличностное общение в интернете». Изучение данной лексики затруднено быстрыми темпами развития платформ интернет-коммуникации. Несмотря на свою актуальность, данный лексический материал пока не стал объектом системного лингвистического описания. **Методы исследования:** описательный и функциональный (контекстуальный анализ). Ввиду инновационного характера самой денотативной сферы и практически полного отсутствия лексикографического описания соответствующей лексики, обозначающей элементы интерфейса сайта, был избран ономастиологический метод. В качестве **практического материала** выступают образцы слов, обозначающих названия разнообразных элементов интерфейса сайта на платформах ВКонтакте, WhatsApp, Telegram, TikTok и WeChat.

Классификация интернет-платформ в соответствии с типами межличностного общения

По мере непрерывного развития интернет-технологий совершенствуются и многообразные платформы, поддерживающие межличностные контакты. Как отмечает Л. В. Дубина, специфика интернета как канала коммуникации «определяется прежде всего его техническими возможностями и ограничениями» [5. С. 177].

Поскольку технологические возможности интернета смещают границы между традиционными типами коммуникации, в рамках проведенного исследования потребовалось уточнение понятия *межличностности*, основанной на взаимном интересе коммуникантов. С нашей точки зрения, **межличностная коммуникация в интернете — это неформальное нерегламентированное общение индивидов на основе использования**

определенных типов платформ, алгоритмы которых направлены на реализацию и поддержание относительно стабильных социальных связей между коммуникантами [10. С. 506].

Терминология, используемая в межличностном общении в интернете, как правило, отражает функции, доступные пользователю. Рассматривая различия между вербализацией позиций меню разных типов платформ, следует учитывать функции этих слов в качестве разнообразных элементов интерфейса. Предметом исследования в данной статье является лексическая «наполненность» основных позиций меню наиболее популярных интернет-платформ: ВКонтакте, WhatsApp, Telegram, TikTok и WeChat. Изучение данного материала помогает выявить и проанализировать коммуникативную специфику программного обеспечения, а также речевого поведения пользователей.

Как известно, межличностное общение в интернете принято разделять на два типа: 1) в режиме реального времени (онлайн); 2) ориентированное на «отсроченность» (см. об этом, например, [1. С. 29–30]). С нашей точки зрения, это не совсем точно отражает современные реалии, поскольку в данном случае не учитывается основной критерий выявления типов коммуникации — количество участников [12. С. 26]. С помощью разнообразных элементов интерфейса в одной и той же социальной сети информация направляется параллельно по разным каналам различным адресатам. Исходя из этого можно предложить следующие типы коммуникативного взаимодействия: пользователь — ПК (персональный компьютер); ПК — пользователь; пользователь — пользователь; X (т. е. неопределённое нерегламентируемое количество) пользователей — пользователь; пользователь — X пользователей; X пользователей — X пользователей. Данные в таблице 1 иллюстрируют выдвинутую гипотезу о типологии форм интернет-общения, исходя из опций платформы. Обращает на себя внимание, что форма общения «пользователь — пользователь» ранее не являлась приоритетной для социальных сетей. Она в большей степени соответствовала коммуникативной специфике общения в мессенджерах и по электронной почте, а в процессе развития интернет-технологий границы между этими типами общения начали размываться. Например, изначально в соцсети ВКонтакте не было функции *мессенджер*, теперь она там есть и активно используется. Этот пример отражает тенденцию к универсализации функций платформ.

Вербализация элементов интерфейса платформ для сообщений

Типы коммуникативного взаимодействия	Элементы интерфейсов, предоставляющих соответствующие опции				
	ВКонтакте	Telegram	WhatsApp	TikTok	WeChat
Пользователь — ПК	Помощь	Помощь (бот)	Помощь	Поддержка	Справка и отзывы
Пользователь — пользователь	Мессенджер; звонки	Чаты	Чаты; звонки	–	Чаты
X пользователей — пользователь	Комментарии	Комментировать	–	Комментарии	Комментарий
Пользователь — X пользователей	Запись	Канал; публикация	Статус	Опубликовать	Моменты
X пользователей — X пользователей	Беседа	Группа	Сообщество	–	Групповой чат
ПК — пользователь	Рекомендации	–	–	Рекомендации	–

В соответствии с функциональной доминантой коммуникативную направленность современных платформ межличностного общения можно разделить на три типа.

1. Платформы, ориентированные в первую очередь на обмен текстовой информацией. Данные социальные сети поддерживают переписку, позволяют оставлять своё мнение о полученной информации, а также получать необходимые сведения в зависимости от интересов (например, ВКонтакте, Одноклассники).
2. Платформы, ориентированные на передачу мультимедийной информации (обмен фото и видео), позволяющие оставлять своё мнение о ней (TikTok, YouTube).
3. Платформы, позволяющие коммуникантам быстро обмениваться сообщениями (преимущественно краткими) в режиме реального времени (Telegram, WhatsApp, WeChat). Основная программно поддерживаемая форма данной коммуникации — т. н. *чат* (ср. позицию меню *Чаты* в WhatsApp и название китайской платформы WeChat).

Первые два типа изначально ориентированы на отсроченное общение, а третий — на общение в режиме реального времени.

Тенденция к универсализации интернет-платформ

При обсуждении функционально-коммуникативной специфики различных типов платформ, поддерживающих межличностное общение, следует учитывать, что в процессе технологического развития нивелируются их различия на уровне программно поддерживаемых опций. Например, Telegram, WhatsApp, изначально созданные как мессенджеры, фактически превратились в социальные сети, и сейчас их программные алгорит-

мы обеспечивают возможность групповой коммуникации (функция *группа*). Эту тенденцию к универсализации отмечают исследователи: «В настоящее время наблюдается тенденция к универсализации типов программного обеспечения и их функций. В связи с тенденцией к универсализации различия между разными типами программного обеспечения нивелируются» [9. С. 58]. Благодаря мобильным версиям программ сближаются формы общения онлайн и офлайн. И конечно, все современные платформы совершенствуют свои возможности в передаче и хранении мультимедийной информации. В результате освоения коммуникантами новых технологических возможностей появляются «речевые жанры», для которых характерно размывание границ между межличностной, групповой и массовой коммуникацией, вербальным и невербальным контентом и т. д. В монографии, посвященной активным процессам в языке интернета, отмечается появление гибридной формы языка, «органично соединяющей фундаментальные принципы организации письменной и устной речи» [13. С. 8].

Итак, лингвистические аспекты изучения интернет-общения не могут не учитывать алгоритмы соответствующих платформ и их опции, предоставляемые коммуникантам.

В процессе проведенного исследования нами были собраны и изучены языковые средства, вербализующие опции платформ на уровне их интерфейсов. Проанализированы платформы, наиболее типичные для того или иного функционально-коммуникативного класса: ВКонтакте (платформа для обмена преимущественно текстовой информацией), TikTok (изначально — платформа преимущественно для обмена видеороликами), Telegram, WhatsApp, и WeChat (общение в реальном режиме времени).

Лексика, обозначающая реалии элементов интерфейса сайта, непосредственно зависит от функциональной доминанты конкретной социальной сети. Сами технологии провоцируют словообразование: «Процесс формирования словесных интернет-образований в языке прост, но одновременно и высокотехнологичен, так как сами технологии коммуникаций являются причинами появления новых слов» [8. С. 135]. Вполне понятно, что главная функция любой платформы межличностного общения — это отправка сообщений. В результате несовпадения функциональных доминант платформы имеют ряд специфических особенностей.

Например, ВКонтакте — российская социальная сеть, которая позволяет пользователям обмениваться текстами, медийной информацией, создавать собственные страницы и сообщества, а также играть в браузерные игры. Приоритетные функции на платформе ВКонтакте представлены тремя разделами интерфейса — *моя страница* (ср. *профиль*), *новости*, *мессенджер*, *сообщество*, *VK Pay*.

Telegram — мессенджер, который позволяет осуществлять личное или групповое общение, обмениваться информацией различных форматов. Платформа способна поддерживать голосовую и видеосвязь. Здесь также возможны коммуникации в виде т. н. каналов, активно развивающихся в последнее время. Telegram-каналы доступны на основе подписки; они подобны новостной ленте с элементами блога. Этот мессенджер позволяет также переводить тексты, играть в игры и т. д. Сервисную поддержку пользователей осуществляют специальные роботы — телеграм-боты. Основные опции меню платформы — *чат*, *звонки*, *поиск*.

WhatsApp — мессенджер, позволяющий обмениваться в интернете, в режиме реального вре-

мени, текстовыми сообщениями, изображениями, видеороликами, аудиозаписями и электронными документами. Это бесплатная платформа удобна для мгновенного обмена текстовыми сообщениями с зарубежными коммуникантами. Платформа поддерживает голосовую и видеосвязь. Все перечисленные возможности отражены в специфике основных элементов интерфейса. Дополнительная функция поддержания групповой переписки (позиция меню *сообщества*) делает похожим этот мессенджер на соцсети. Пользовательские функции на платформе WhatsApp представлены как *чат*, *звонки* и *сообщество*.

TikTok — социальная сеть, нацеленная преимущественно на создание и просмотр видеороликов, передачу невербальной мультимедийной информации. Однако данная платформа позволяет также передавать и вербальную информацию. Основные функции на платформе TikTok представлены тремя типами элементов интерфейса сайта — *профиль*, *обработка видео*, *интересное (тег)*.

WeChat — китайский мессенджер, приобретающий в России всё большую популярность. Эта платформа даёт возможность пересылать текстовые сообщения, изображения, видео- и аудиозаписи, электронные документы в режиме реального времени, поддерживает звонки. Пользователи могут поделиться текстами, изображениями и видеозаписями на публичной странице. Основные позиции меню: *чат*, *звонки* и *моменты (статус)*, *каналы* и *WeChat pay*. Пользователи рассматривают WeChat как китайский аналог WhatsApp. Вместе с тем WeChat предоставляет больше возможностей, чем WhatsApp, например, позволяет оставить под статусом комментариев или отметку *нравится*.

Рассмотрим ключевые функции платформ ВКонтакте, Telegram, WhatsApp, TikTok и WeChat (табл. 2).

Таблица 2

Ключевые функции на разных платформах

Название платформы	ВКонтакте	Telegram	WhatsApp	TikTok	WeChat
Ключевые функции	моя страница; новости; мессенджер; сообщество; VK Pay	чат; звонки; поиск	чат; звонки; сообщество	профиль; обработка видео; интересное (тег)	чат; звонки; моменты; каналы; WeChat Pay

Специфика интернет-платформ и названия элементов интерфейса

Приведенные в таблице названия, обозначающие основные функции интернет-платформ,

поддерживающих межличностное общение, отражают специфику коммуникативной направленности конкретной платформы и, как следствие, особенности формирующихся речевых жанров.

Как показал анализ лексико-семантического поля «межличностное общение в интернете», его структура и частеречная принадлежность лексики, в него входящей, отражает характер самой

денотативной сферы (см. об этом [4. С. 610]). В результате проведенного исследования были выявлены основные функции платформ, поддерживающие коммуникацию.

Таблица 3

Виды элементов интерфейса сайта на различных платформах

		ВКонтакте	Telegram	WhatsApp	TikTok	WeChat
Профиль	личная информация	+	+(скрыта)	+(скрыта)	+(скрыта)	+
	контакты	+	+(скрыта)	+(скрыта)	–	+(скрыта)
	фото	+	+	+	+	+
	друзья	+	–	–	–	+
	публикация	+(запись)	–	+(статус)	+	+(моменты)
	хроника	+	–	–	–	+
	архив	+	+	+	+	+
	комментарий	+	+	–	+	+
Чат	личное сообщение	+	+	+	–	+
	групповая переписка	+	+	+	–	+
	звонки	+	+	+	–	+
Группы		+	+	–	–	+
Мероприятия		+	–	+	–	+
Хештег	хештег (тема)	+	–	–	+	+
	геотег	+	–	–	+	+
	персонифицирующий хештег	–	–	–	+	+

1. Профиль

Лексема *профиль* в одном из своих значений — это ‘совокупность специфических черт, характеризующих какую-н. сферу деятельности, а также характер производственного или учебного уклона’¹. В пределах исследуемого лексико-семантического поля «межличностное общение в интернете» появляются новые значения: 1) ‘опция платформы, подразумевающая размещение пользователем персональной информации на своей личной странице’; 2) ‘личная страница в социальной сети’. Безусловно, эти значения связаны между собой, но, с нашей точки

зрения, они не совпадают. В данном случае мы видим стандартную ситуацию для исследуемого поля: сначала номинация возникает как способ обозначения программно поддерживаемой опции, а затем так же начинает называться текстовая реалия (ср: *статус* — 1) специальное поле для введения актуальной информации; 2) текст в данном поле).

Как видно из таблицы 4, элемент интерфейса сайта *профиль* (в ВК называется *моя страница*, в WeChat называется *я*) представляет собой архивную страницу, где хранится персональная информация пользователей.

Таблица 4

Названия элемента сайта *профиль* на разных платформах

ВКонтакте	Telegram	WhatsApp	TikTok	WeChat
моя страница	профиль	профиль	профиль	я

Для представления этой информации в профиле содержатся различные элементы: *хроника*,

друзья, *фото*, *архив* и т. д. По своей функциональной направленности *профилю* близок раздел *информация*, содержащий такие элементы интерфейса, как *общие сведения*; *работа и образование*; *места, где вы жили*; *контактная и основная информация*; *семья и отношения*; *события из жизни* и т. д.

¹ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., дополненное. М. : ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.

Данные, представляемые на платформе ВКонтакте, являются мощными базами персональной информации, и, если пользователь ее не закрыл (то есть не ограничил доступ к ней), она практически общедоступна. В отличие от ВКонтакте, большая часть реальной личной информации в TikTok скрыта для значительной части аудитории (*электронный адрес; телефон; пол*), она предъявляется т. н. *подписчикам* конкретного пользователя. Это связано с тем, что в TikTok обеспечен высокий уровень защиты конфиденциальности личной информации.

WhatsApp и Telegram являются бесплатными платформами для мгновенного обмена сообщениями между знакомыми пользователями (т. е. теми, чей номер телефона занесен в контакты), и там демонстрируется только конкретная достоверная информация — *имя, фото, телефон пользователя*. Если в ВКонтакте возможна виртуализация

личностей пользователей (создание т. н. *виртуалов*), то в WhatsApp и Telegram это практически исключено.

Кроме ознакомления с личной информацией пользователя, программисты дают и другие возможности в профиле — например, оставить *комментарий* под постом (в ВК *пост* называется *запись*; в TikTok — *видео*; в WeChat — *моменты*); сделать отметку *нравится, супер, ха-ха, ух-ты, сочувствую и возмутительно* (эти слова заданы как кнопки на уровне интерфейса). Надо отметить, что в профиле WhatsApp нет этих опций и, соответственно, элементов интерфейса. Чтобы создать пост в Telegram, нужно зайти на канал и ввести текст в поле для ввода, так же, как и личное сообщение в чат.

Рассмотрим элементы интерфейсов исследуемых платформ, представляющих персональную информацию (табл. 5).

Таблица 5

Элементы интерфейса, представляющие персональную информацию

ВКонтакте	Telegram	WhatsApp	TikTok	WeChat
друг; группа; запись (фото; видео; аудио; файлы); личная информация (основное; родственники; контакты; интересы; образование; карьера; военная служба; жизненная позиция и др.)	фото; имя; имя пользователя; QR-код; мобильный телефон	аватар (фото); имя; номер телефона	фото; имя; номер телефона	фото; имя; коснуться; Weixin ID; Мой QR-код

Таким образом, объем персональной информации и её характер напрямую связаны с коммуникативными установками платформы и её функциональной доминантой. Чем сильнее платформа ориентирована на интеграцию коммуниканта в интернет-общение, тем более разнообразны персональные данные, представляемые пользователем. Наиболее широкое меню для ввода персональных данных присутствует в современных социальных сетях (при этом большинство подобных позиций заполнять не обязательно). Некоторые данные (друзья, контакты) задаются в автоматическом режиме.

2. Чат

В широком значении *чат* (от англ. *chat*) — это ‘обмен сообщениями между пользователями через информационную сеть в режиме реального времени’¹, а в пределах исследуемой ЛСП «межличностное общение в интернете» — это ‘опция

платформы, ориентированная на обмен сообщениями (преимущественно текстовыми) в реальном масштабе времени’.

Чат представляет собой основную функцию платформ Telegram, WhatsApp, WeChat, и так называется главный элемент их интерфейсов. Пользователи могут использовать данный элемент, чтобы отправить личное сообщение или же, создав *группу*, написать ограниченному числу коммуникантов.

Таким образом, элемент интерфейса сайта *группа* в ВКонтакте, Telegram, WhatsApp и WeChat — это групповой чат, но сообщения в нем доступны лишь тем, кто указан в его составе. На платформе ВКонтакте существует аналог чатов, но называется он по-другому: *мессенджер*. Надо отметить, что в TikTok нет функции *чат* и соответствующих элементов интерфейса.

Наличие функций передачи сообщений на ряде платформ проанализировано и сведено в таблицу, представленную ниже.

¹ См. Скляревская Г. Н. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Скляревской. М. : Эксмо, 2007. 1136 с.

Функции передачи сообщений на различных интернет-платформах

Функции		Названия платформ				
		ВКонтакте	Telegram	WhatsApp	TikTok	WeChat
Приватная коммуникация	текстовая (мессенджер)	+	+	+	–	+
	голосовая (аудио-, видеозвонки и конференции)	+	+	+	–	+
Публичная коммуникация	текстовая (посты)	+	+	+	–	+
	статичное фото/видео	+	–	+	–	+
	динамическое видео (трансляции)	+	–	–	+	–

3. Группа

Группа в прямом непроизводном значении — это ‘несколько предметов или людей, животных, расположенных близко друг от друга’¹. В пределах исследуемой ЛСП «межличностное общение в интернете» развивается новое значение данной лексемы. Можно предложить следующее толкование: ‘тематическое сообщество, форма объединения пользователей по интересам; может создаваться в коммерческих целях для продвижения товара или услуги’. Данная реалья является одной из основ алгоритмов социальных сетей, отражает функциональные приоритеты данного типа платформ. Е. В. Какорина отмечает: «Если в привате ваш обмен репликами может сохраняться даже до вашего следующего захода в чат, то „общак“ может быстро изменяться (это зависит от количества собеседников), бывает, даже не успеваешь читать сообщения» [7. С. 292]. В результате активации соответствующей программной опции пользователи устанавливают стабильные контакты, поддерживающие взаимную коммуникацию. На платформе ВКонтакте данная опция на уровне интерфейса платформы называется *сообщество*. Прямое значение данной лексемы (‘объединение людей, народов, государств, имеющих общие интересы, цели’²), по сравнению с названием опции *группа*, более точно отражает её функциональную направленность, поскольку указывает на основной фактор установления стабильных контактов, а именно наличие общих интересов. Видимо, это связано с тем, что ВКонтакте — отечественная платформа, и ее интерфейс изначально формировался на русском языке.

В платформах, ориентированных на отсроченное общение (ВКонтакте, Одноклассники), возможно создание как открытых, так и закрытых

групп. В TikTok на уровне интерфейса отсутствует возможность создавать группы, но это компенсируется опцией *интересное*, также позволяющей устанавливать на программном уровне стабильные связи между коммуникантами.

Необходимо отметить, что в последнее время приобрела широкую популярность особая функция платформы Telegram — т. н. *Telegram-канал*, в значительной степени напоминающая новостную ленту информационных агентств.

4. Мероприятие

Этот элемент интерфейса сайта существует на платформе ВКонтакте. Прямое непроизводное значение лексемы *мероприятие*: ‘совокупность действий, объединённых одной общественно значимой задачей’³. В пределах исследуемой ЛСП это ‘программно поддерживаемая опция объединения участников общения в целях организации совместной деятельности’. В отличие от функции *группа*, поддерживающей достаточно стабильные контакты между коммуникантами, *мероприятие* создается, как правило, для достижения конкретной цели (на разницу этих форм взаимодействия между коммуникантами указывают прямые непроизводные значения лексем). Если *группа* — это прежде всего общение в интернете, то функция *мероприятие* ориентирована главным образом на действия в реальности. Поэтому в разделе имеются такие элементы интерфейса, как: *интересует, пойду, поделиться, показать карту, найти билеты, информация, обсуждение* и т. д.

На других платформах, кроме ВКонтакте, эта функция отсутствует, и для организации совместной деятельности коммуникантов в реальности при необходимости используются функции *группа* или *сообщество*.

5. Хештег

Хештег (от англ. *hashtag*) — это ‘содержательная метка для сообщений в виде слова или выражения, которая позволяет классифицировать

¹ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений...

² Там же.

³ Там же.

и группировать их тематически¹. Опция *хештег* изначально появилась в Instagram (запрещена в РФ с 04.03.2022), но в настоящее время большинство социальных сетей (например, ВКонтакте, Telegram, TikTok, WeChat и т. д.) обладает этой функцией. Это стало мощным средством организации доступа к информации и поддержания связей между коммуникантами. На интернет-платформах теги служат средством навигации, облегчая поиск нужной информации (не путать с термином *тег* — ключевым понятием языка гипертекстовой разметки HTML). В настоящее время существуют различные навигационные теги, их можно разделить на три типа: 1) тематический, 2) геотег (т. е. географический) и 3) персонифицирующий, то есть направляющий на профиль пользователя, являющегося автором данного поста.

В социальных сетях *хештег* является наиболее сложной и мощной поисковой системой. Вследствие этого *хештег* представляет собой одну из самых ключевых функций некоторых платформ, например, TikTok. При публикации постов пользователи добавляют *хештег*, *геотег* или *персонифицирующий хештег* плюс ключевые слова, чтобы другие пользователи быстро и удобно находили интересующие их посты. Если пользователь нашёл заинтересовавшие его посты, он может их оценить, комментировать и поделиться.

Итак, мы рассмотрели лексику, обозначающую основные функции интернет-платформ, поддерживающих межличностное общение. Как уже отмечалось, в настоящее время существует тенденция к универсализации платформ и стиранию функциональных различий между ними. Это связано прежде всего с тем, что популярность, востребованность той или иной платформы напрямую зависит от соответствия программных алгоритмов коммуникативным потребностям пользователей. В результате стираются границы между отсроченным и онлайн общением, между вербальной и невербальной информацией и т. д.

Например, сейчас не только TikTok, но практически все платформы обладают мощными возможностями в передаче мультимедиа. За последние годы на платформах ВКонтакте и Telegram появились новые типы мультимедиа — *прямой эфир* и *видео*. Также совершенствуются и Telegram-каналы, публикующие разнообразную информацию, включая новостной контент, представляющий особый интерес для значительной части аудитории. Для пользователей платформы TikTok

¹ См. Кронгауз М. А. Словарь языка интернета.ru. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 288 с.

привлекательна функция обработки изображений на основе встроенных фото- и видеоредакторов. С развитием технологий платформы ВКонтакте на ней, кроме функции отправления текстовой информации, появилась также возможность обмена изображениями и видео. TikTok, напротив, к функции обмена изображениями и видео добавил возможность их текстового описания.

Еще одна тенденция — стирание границ между алгоритмами социальных сетей и мессенджеров. Так, платформа WhatsApp сначала была мессенджером, ориентированным на быстрый обмен сообщениями в режиме реального времени. Теперь эта платформа начала сдвигаться в сторону социальных сетей. Изначально у мессенджера и социальной сети были чёткие различия: во-первых, мессенджер предполагал общение по установленным контактам, а во-вторых, сообщения не были видны другим пользователям интернета. В последнее время в WhatsApp появились элементы интерфейса сайта *сообщество и статус*, что сближает его с социальной сетью.

Несмотря на тенденцию к универсализации, несовпадение в наборе программно поддерживаемых опций сохраняет различия в функциональной специфике платформ, а это, в свою очередь, влияет на процесс коммуникации и формируемые «речевые жанры».

Выводы

В результате проведенного сравнения функций платформ с номинациями элементов интерфейса сайта на платформах ВКонтакте, Telegram, WhatsApp, TikTok и WeChat можно сделать следующие выводы.

Стирание функциональных различий между платформами отражает не только тенденцию к универсализации платформ, но и языковые сдвиги [3. С. 25], которые влияют на процесс коммуникации и формируемые «речевые жанры». Исследователи констатируют даже появление особого языка: «С возникновением высоких технологий уже можно говорить об особой функциональной разновидности языка — языка, обслуживающего электронные средства коммуникации» [13. С. 251]. Так, лексика, существовавшая ранее в более широком значении, в рамках ЛСП «межличностное общение в интернете» приобретает новые толкования, становясь названиями элементов интерфейса сайта. Эти значения в полной мере отражают функциональную направленность интернет-платформ, непосредственно связаны с ней. Например, в пределах исследуемого

ЛСП новые смыслы обретают такие русские слова как *группа, сообщество, мероприятие, запись* или англицизмы *хештег, бот, чат* и т. п. Лингвисты уделяют внимание этому процессу: «В ходе исследования было установлено, что русскоязычный интернет-дискурс находится под влиянием английского языка, однако заимствования подвержены активным адаптационным процессам, имеющим многообразное проявление (словообразовательная и семантическая деривация, калькирование, паронимическая аттракция). В результате номинации данной сферы приобретают национальную специфику» [11. С. 514]. В одной из работ отмечается также, что если на начальном этапе развитие компьютерной лексики происходило за счёт заимствования из английского языка, то второй «связан с образованием собственной русскоязычной терминологии» [6. С. 37].

Возникают новые основные типы функций платформ: 1) платформы, ориентированные в первую очередь на обмен текстовой информацией; 2) платформы, ориентированные на передачу мультимедийной информации; 3) платформы, поддерживающие быстрый обмен сообщениями (преимущественно краткими) между пользователями в режиме реального времени. Все эти типы платформ обладают собственной коммуникатив-

ной направленностью, поддерживаемой на программном уровне.

Элементы интерфейса, используемые на платформах для межличностного общения, отражают функции, доступные пользователю. Сначала номинация элементов интерфейса сайта возникает как способ обозначения программно поддерживаемой опции, ориентированной на определённые функции. Затем опции платформы развиваются как текстовые реалии. Руководствуясь этим соображением, мы классифицировали полученный список слов по пяти основным функциям: *профиль, чат, мероприятия, группы и хештег* (см. табл. 3). Именно эти характеристики мы считаем наиболее показательными для анализа типов платформ и названий элементов интерфейса сайта. Активность формирования лексики данного поля иллюстрирует значительный потенциал современного русского языка в области именования инновационных реалий. «Процесс модерации, т. е. движения в сторону умеренного и сбалансированного заимствования, представляется естественным процессом саморегуляции языка, при котором на определенном этапе переходного периода проявляется переосмысление необходимости полной замены русских слов английскими заимствованиями» [2. С. 102].

Список источников

1. Бабаева Ю. Д., Войскунский А. Е., Смылова О. В. Интернет: воздействие на личность // Гуманитарные исследования в Интернете. М., 2000. С. 11–40.
2. Володарская Э. Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов // Вопросы языкознания. 2002. № 4. С. 96–117.
3. Дедова О. В. О языке Интернета // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2010. № 3. С. 25–38.
4. Дедова О. В., Ли Ян. Структура лексико-семантического поля «межличностное общение в Интернете» // Русский язык: исторические судьбы и современность : труды и материалы VI Международного конгресса исслед. русского языка. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2019. С. 61–62.
5. Дубина Л. В. Тенденции развития русского языка в условиях интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 2(130). С. 177–181.
6. Иванова Т.С. Сеть как отражение языкового присутствия в реальном мире // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1 (45). С. 251–259.
7. Какорина Е. В. Язык интернет-коммуникации // в кн.: Современный русский язык: Система — норма — узус / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М. : Языки славянских культур, 2010. 480 с.
8. Кондрашева Е. В., Тинина А. О. Новая лексика языка интернета: способы образования, причины появления // Эпоха науки. Языкознание и литературоведение. 2019. № 18. С. 134–138.
9. Ли Ян. Лексико-семантическая группа «межличностное общение в интернете» под воздействием тенденций развития и коммуникативной адаптации интернет-платформ // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 5 (3). С. 57–61.
10. Ли Ян, Дедова О. В. Анализ механизмов формирования лексико-семантической группы «межличностная коммуникация в интернете» // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 5. С. 506–509.

11. Ли Ян, Дедова О. В. Лексика соцсетей и блогов: конвергенция технологии и коммуникации // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 6 (97). С. 512–514.
12. Полякова А. В. Понятие межличностного взаимодействия в социально-образовательной среде // Проблемы педагогики. 2017. № 9. С. 25–26.
13. Радбилль Т. Б., Маринова Е. В., Рацибурская Л. В., Щеникова Е. В., Жданова Е. А., Бакич Н. А. Активные процессы в языке интернета: лингвокогнитивный и прагматический аспекты. М. : Нестор-История, 2019. 257 с.
14. Семак Е. А., Петрова Н. Е. Компьютерная лексика в современном русском языке // 55-я Юбилейная науч. конф. аспирантов, магистрантов и студентов БГУИР URL: https://libeldoc.bsuir.by/bitstream/123456789/35478/1/Semak_Komputernaya.pdf (дата обращения 20.06.2023).
15. Тюленева В. Н., Шушарина И. А. Язык интернета: характеристика, особенности, влияние на речь // Вестник Курганского государственного университета. 2018. № 1 С. 20–25.

References

1. Babaeva YuD, Vojskunsij AE, Smyslova OV. The Internet: impact on the individual. In: Gumanitarnye issledovaniya v Internetе = Humanities Research on the Internet. Moscow; 2000. Pp. 11–40. (In Russ).
2. Volodarskaya EF. Borrowing as a reflection of Russian-English contacts. *Voprosy yazykoznanija = Issues in Linguistics*. 2002;(4):96-117. (In Russ).
3. Dedova OV. The language of the Internet. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya = Bulletin of Moscow University. Ser. 9. Philology*. 2010;(3):25-38. (In Russ).
4. Dedova OV, Li Yang. The structure of the lexical-semantic field “Internet interpersonal communication”. In: *Russkiy yazyk: istoricheskiye sud’by i sovremennost’ = Russian Language: Historical Fates and Modernity*. Moscow: Moscow State University Publ. House; 2019. Pp. 61–62. (In Russ.).
5. Dubina LV. Trends of developments of the russian language in the context of internet-communication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 2013;(2(130):177-181. (In Russ).
6. Ivanova TS. The network as reflection of language presence. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social’nye nauki = Scientific Notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2012;(1(45):251-259. (In Russ).
7. Kakorina EV. The language of Internet communication. In: *Sovremennyy russkiy yazyk: Sistema — norma — uzus = Modern Russian language: System — norm — usus*. Moscow: Languages of Slavic Cultures; 2010. 480 p. (In Russ.).
8. Kondrasheva EV, Tinina AO. New lexicon of the Internet language: ways of formation, reasons of appearance. *Epoha nauki. Yazykoznanie i literaturovedenie = the Age of Science. Linguistics and literary studies*. 2019;(18):134-138. (In Russ.).
9. Li Yang. Lexical-semantic group “interpersonal communication on the internet” influenced by trends in the development and communicative adaptation of internet platforms. *Sovremennaya nauka: aktual’nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki = Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities*. 2021;(5(3):57-61. (In Russ).
10. Li Yang, Dedova OV. The analysis of mechanisms of formation of the lexical semantic group “interpersonal communication on the internet”. *Mir nauki, kul’tury, obrazovaniya = The world of science, culture, education*. 2019;(5):506-509. (In Russ.).
11. Li Yang, Dedova OV. The vocabulary of social media and blogs: the convergence of technology and communication. *Mir nauki, kul’tury, obrazovaniya = The world of science, culture, education*. 2022;(6(97):512-514. (In Russ.).
12. Polyakova AV. The concept of interpersonal interaction in socio-educational environment. *Problemy pedagogiki = Problems of pedagogy*. 2017;(9):25-26. (In Russ.).
13. Radbil’ TB, Marinova EV, Raciburskaya LV, Shchenikova EV, Zhdanova EA, Bakich NA. Aktivnyye protsessy v yazyke interneta: lingvokognitivnyy i pragmaticheskiy aspekty = Active processes in Internet language: linguocognitive and pragmatic aspects. Moscow: Nestor-History; 2019. 257 p. (In Russ.).
14. Semak EA, Petrova NE. Komp’yuternaya leksika v sovremennom russkom yazyke = Computer lexicon in the modern Russian language. In: 55th Anniversary Scientific Conference of Postgraduates, Masters

and Students of BSUIR. Minsk: BSUIR Publ. House; 2019. Available from: https://libeldoc.bsuir.by/bitstream/123456789/35478/1/Semak_Komputernaya.pdf (accessed 20.06.2023). (In Russ.).

15. Tyuleneva VN, Shusharina IA. Internet-language: profile characteristic features and effect on speech. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kurgan State University*. 2018;(1):20-25. (In Russ.).

Информация об авторе

Ли Ян — аспирант кафедры русского языка филологического факультета.

Information about the author

Li Yang — postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 21.03.2023; одобрена после рецензирования 23.05.2023; принята к публикации 02.10.2023.

The article was submitted 21.03.2023; approved after reviewing 23.05.2023; accepted for publication 02.10.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, ПАРЕМИОЛОГИЯ

LINGUOCULTUROLOGY, PAREMIOLOGY

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 9 (479). С. 106–116.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(9(479):106-116. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 81.39

doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-106-116

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ И ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА» С НЕГАТИВНОЙ КОННОТАЦИЕЙ В РУССКО-ПЕРСИДСКОМ СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Косар Салими Абдолмалеки^{1✉}, Халида Сиями Эйдлак²

^{1,2} Боджнордский университет, Боджнорд, Иран

¹ k.salimi@mail.ru, ORCID: 0000-0001-6079-0524

² kh.siyami@ub.ac.ir, ORCID: 0000-0001-9466-7428

Аннотация. Данное исследование представляет собой репрезентацию концепта «женщина» в ее негативном плане у народов разных культур, конфессий и языков, а точнее, в сопоставительном русско-персидском аспекте. Актуальность данного исследования определяется тем, что в последние десятилетия роль женщины в политических, культурно-религиозных и экономических сферах приобретает все более ответственное положение. Методологической базой исследования послужили труды ведущих лингвистов персидской и русской фольклористики, а также лингвистические единицы, отобранные методом сплошной выборки из паремиологических словарей и сборников сопоставляемых языков. Целью настоящего исследования является рассмотрение выявленных универсальных и культурно-специфических способов отрицательных взглядов на женщин в двух сопоставляемых языках. В задачи данного исследования входит анализ особенностей фразеологических единиц, используемых в языковой картине мира русского и персидского народов. Лингвокультурный сопоставительный анализ фразеологических единиц показал, что женщины как в русской, так и в персидской лингвокультурах в негативном отношении характеризуется наличием таких отрицательных качеств, как глупость, болтливость, слабость, обман, хитрость, ревность, зависимость от мужского пола, расточительность и т. д. Научная новизна данной работы заключается в том, что в ней представлен анализ концепта «женщина» с негативной коннотацией с помощью аналитико-описательного и аналитико-тематического подходов; результаты исследования могут найти дальнейшее отражение в лингвокультурологических анализах, а также могут быть применены при составлении русско-персидских словарей пословиц и поговорок.

Ключевые слова: женщина, пословица, устная речь, русский язык, персидский язык, лингвокультурология

Для цитирования: Косар Салими Абдолмалеки, Халида Сиями Эйдлак. Репрезентация и вербализация концепта «женщина» с негативной коннотацией в русско-персидском сопоставительном аспекте // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 9 (479). С. 106–116. doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-106-116

Original article

REPRESENTATION AND VERBALIZATION OF THE CONCEPT “WOMAN” WITH A NEGATIVE CONNOTATION IN THE RUSSIAN-PERSIAN COMPARATIVE ANALYSIS

Kosar Salimi Abdolmaleki^{1✉}, Khalida Siyami Eidlak²

^{1,2} University of Bojnord, Bojnord, Iran

¹ k.salimi@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4446-040x

² kh.siyami@ub.ac.ir ORCID: 0000-0001-9466-7428

© Косар Салими Абдолмалеки, Халида Сиями Эйдлак, 2023

Abstract. This study is devoted to the representation of the concept “woman” in its negative aspect among peoples of different cultures, confessions and languages, particularly, in a comparative Russian-Persian analysis. The relevance of this study is determined by the fact that in recent decades the role of women in the political, cultural, religious and economic spheres has become increasingly important. The methodological basis of the present study were the works of leading linguists of Persian and Russian folklore, as well as linguistic units selected by continuous sampling from paremiological dictionaries and corpora of compared languages. The objectives of this study include the analysis of the features of phraseological units used in the linguistic picture of the world of the Russian and Persian peoples. Linguistic and cultural comparative analysis of phraseological units shows that women in both Russian and Persian linguistic cultures are negatively characterized by the presence of such negative qualities as stupidity, talkativeness, weakness, deceit, cunning, jealousy, dependence on the male sex, wastefulness, etc. The scientific novelty of this work lies in the fact that it presents an analysis of the concept “woman” with a negative connotation using analytical-descriptive and analytical-thematic approaches, and the results of the study can be further reflected in linguocultural analyzes and can also be applied in compiling Russian-Persian dictionaries of proverbs and sayings.

Keywords: woman, proverb, oral speech, Russian language, Persian language, linguoculturology

For citation: Kosar Salimi Abdolmaleki, Khalida Siyami Eidlak. Representation and verbalization of the concept “woman” with a negative connotation in the Russian-Persian comparative analysis. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(9(479):106-116. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-106-116

Введение

Пословицы представляют собой ценную часть народной культуры и фольклористики, происходя из самой глубины души народа. Под культурой мы понимаем совокупность верований, поведенческих ритуалов, норм и традиций какого-либо народа, изучая которые мы можем понять частную и общественную жизнь этого народа, а также его эмоции и мысли. По поводу важности культуры Уинстон Брембек сказал: «глупо изучать язык народа без изучения его культуры» [14]. Что делает пословицы отражением жизни людей, так это то, что они, с одной стороны, представляют всю полноту жизни в яркой и привлекательной форме, а с другой стороны, социальные и религиозные законы излагаются в них в просто, что позволяет каждому понять их. По сути, они отражают самобытную культуру каждого общества.

Проблемы гендера находятся центре внимания таких отраслей наук как психология, социология, политика и т. д. Женщина занимает немаловажное место в семье, обществе и культуре. С недавних пор в Иране все чаще повсеместно можно услышать лозунг «Женщина, Жизнь, Свобода», что привлекло внимание всего мира к проблемам женщин не только в Исламской Республике Иран, но и во всем мире, в чем и заключается актуальность данной работы. Количество пословиц, связанных с концептом «женщина», очень велико, и невозможно представить их в одной статье. Цель данной статьи заключается в репрезентации и вербализации понятия женщины с отрицательной коннотацией на пословичном уровне языка в русско-персидском сопоставительном аспекте. Основные вопросы, на которые пытается найти ответ данная статья: «Каково положение женщин

в персидских и русских пословицах?» и «Какие семейные проблемы чаще всего затрагиваются в этих пословицах?»

Сексистский взгляд на женщин можно наблюдать у многих народов, и персидская и русская культуры также, несомненно, длительное время находились под его влиянием. Рассмотрение устных культур, особенно пословиц, свидетельствует о несправедливом мнении о женщинах. Есть пословицы, которые отражают и положительное отношение к женщине, но их количество ограничено. Во всех странах мы видим много крайних высказываний, либо чрезмерно идеализирующих, либо игнорирующих роль женщины в обществе и ее общественную деятельность. Согласно американскому лингвисту Л. Кершен, «поскольку пословицам свойственно говорить о различных вопросах в сатирической и юмористической форме, они принимают саркастический и язвительный тон, когда их предметом являются женщины»¹. Иранский исследователь фольклористики персидского языка С. Кальхор пишет: «Социальное общение мужчин и их более высокий уровень грамотности облегчили запись пословиц, сказанных мужчинами о женщинах, и в результате они сохранились с течением времени» [9]. Х. Джаявардена считает, что пословицы, в которых речь идет о представителях женского пола, в большинстве случаев являются резкими и критичными [7].

Объектом данного исследования является концепт «женщина» как носитель негативных качеств в русско-персидском сопоставительном аспекте. Предмет исследования паремий в русской

¹ Kerschen L. American proverbs about women: a reference guide. London: Greenwood publishing group: Westport, Connecticut, 1998. 187 p

языковой картине мира с концептом «женщина» с негативной коннотацией и персидских паремий с компонентом «زن» [zan]. Рассматривая пословицы как зеркало культуры общества, размышляя об их значении, мы можем лучше понять точку зрения общества на женщин. Например, в персидских пословицах с женщинами ассоциируются такие качества, как: невежество, неверность, болтливость, упрямство, глупость, наивность, амбивалентность, лень, хитрость, непонимание, схожесть со змеей и драконом, ненадежность и т. д.

Во всех живых языках, включая персидский и русский, существует множество исследований о положении женщин в идиомах и пословицах. В статье «Женщина и сексистские пословицы» иранские исследователи М. Масуми и В. Рахминежад пришли к выводу, что применение такого рода пословиц среди людей невелико [13]. Применяя подход социального интерпретативизма, А. Мохаммадпур и др. показали, что представление о женщине в фольклоре многогранно, неопределенно, а и иногда и противоречиво [14]. Х. Зольфагари исследовал те пословицы, которые касаются членов семьи и отношений между ними, и в некоторой степени выявил их характеристики в том виде, как они воспринимаются в обществе [9]. Я. Кейхаи и Х. Сиаваши занимались исследованием влияния персидских пословиц на культурно-сексистскую структуру [12]. Используя аналитико-критический подход, Р. Форсати Джуибари и М. Наби, А. Имани и др., Амин ар-Райя и др. в иранской лингвокультуре [15; 10; 8] и Г. А. Брандт, О. Г. Дубровская, Н. Г. Архипова и М. А. Куроедова, Е. В. Мистрюкова, Н. В. Новоспаская и др. — в русской лингвокультуре [2; 3; 1; 4; 5] исследовали пословицы о женщинах и пришли к выводу, что женщины всегда подвергались упрекам в классической литературе.

Материалы и методы исследования

В данной статье представлены пословицы с концептом «женщина» в ее негативном значении, отобранные авторами методом сплошной выборки из книг и словарей пословиц и поговорок. Анализ проводился на основе аналитико-описательного и аналитико-тематического подходов. Основным методом, на котором строится наша работа, является контент-анализ. Наиболее важными источниками для сбора персидских пословиц являются: «Амсал-о Хекам» А. Деххода¹, «Двенадцать тысяч персидских пословиц» автора

¹Деххода А. А. Амсал-о Хекам. В 4-х т. Тегеран: Амир кабир. 1939.

Э. Шакурзаде². Материалы русского языка представлены из сборника «Пословицы русского народа» В. Даля³, «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова⁴, а также интернет-ресурсов.

Научная новизна данной работы заключается в том, что в ней впервые анализировались негативные взгляды на женщин в русско-персидском сопоставительном аспекте.

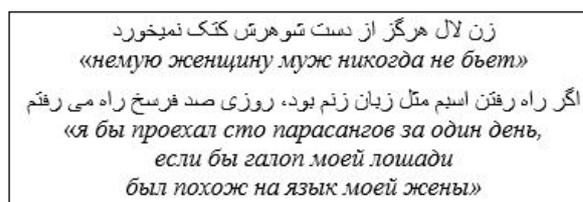
Основная часть

Под характеристиками, приписываемыми женщинам, мы понимаем те пословицы и идиомы, которые содержат фразы, связанные с женщинами. Например: мать, тетя, дочь, сестра, жена, жена отца, невестка, свекровь, специфические женские имена, работа, связанная с женщинами, и т. д. Используя этот метод, мы можем исследовать старые тексты и понять социокультурные особенности прошлого. Изучая вопрос концепта «женщина» с негативной точки зрения, авторы выявили, что в русской лингвокультуре подобное ее видение оформляется таким гендерным маркером, как «баба».

В толковом словаре Д. Н. Ушакова указывается, что «баба» «в устах господ (прежде) и в крестьянском быту» приравнивается к слову «женщина», но имеются также и указания на более широкое значение, а в каких-то контекстах несет вульгарный оттенок⁵.

Психологический аспект женщин

Женщина представлена в персидской лингвокультуре как субъект, любящий пошуметь и поболтать. Приведем более распространенные пословицы персидского языка (рис. 1, 2).

* 1 парасанг примерно равен 5,5 мили.

Рис. 1 (Fig. 1)

² Шакурзаде Э. Двенадцать тысяч персидских пословиц и тридцать тысяч их эквивалентов. Машхад: Астане годс разави, 2011. 1154 с.

³Даль В. И. Пословицы русского народа. В 2-х т. М.: Художественная литература, 1989. 435 с.

⁴Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под общ. ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд. М.: Мир и Образование: ОНИКС, 2012. 1375 с.

⁵ Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка. В 4-х т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Дом Славянской книги, 2017. 960 с.

Рис. 2 (Fig. 2)

Приведем примеры пословиц в русском языке, которые затрагивают данный аспект характера представителей женского пола.

«Где баба, там рынок; где две, там базар» или «две бабы — базар, три бабы — ярмарка».

«Женщина без разговора, что двор без забора».

Исходя из данных примеров можно отметить, что как в русской, так и в персидской лингвокультурах в женщинах ценится такое качество, как молчаливость.

Следование советам, полученным от лиц женского пола, подвергается критике как в персидских, так и русских пословицах. Поскольку те вопросы, о которых мы советуемся с кем-либо, нередко связаны с секретами, консультирующий должен быть настолько надежным, чтобы мы были уверены, что секрет, который ему доверили, не будет каким-то образом раскрыт. Мужчины считают, что женщины не способны хранить секреты, которые им доверяют. Вера мужчин в то, что женщины не умеют хранить секреты, является одной из причин, побуждающих их предостерегать друг друга от консультаций с женщинами и считать, что это вредно для мужчин.

Приведем некоторые пословицы в иранской (рис. 3) и русской лингвокультурах.

Рис. 3 (Fig. 3)

Русская лингвокультура также богата паремиями аналогичного видения женщин, т. е. как сплетниц, ненадежных людей. Приведем примеры.

«Лучше в утлой ладье по морю ездить, чем жене тайну поверить».

«Кто бабе поверит — трех дней не проживет».

«Слово женщины ненадежно».

«Женский совет — для женщин».

Относительно женщины как советчицы русская и персидская (рис. 4) лингвокультуры представлены следующими выражениями:

Рис. 4 (Fig. 4)

Следует отметить что в русской фольклористике были выявлены также пословицы, из которых видно, что женщину нередко метафорически сравнивали также с домашней птицей: «Скажешь курице, а она всей улице» или «Курица гогочет, а петух молчит».

Известно, что предназначение женщины повсеместно определяется как «хранительница домашнего очага», оно реализуется через выполнение обязательств супружеского долга и заботу о доме и детях. Лень является одной из отрицательных характеристик женщины как в персидском, так и в русском языках. Считается, что жизнь с ленивой женщиной нестабильна. Особенно критикуется лень новобрачных в выполнении домашних дел, а ленивая девушка, недавно переехавшая к мужу, вскоре возвращается в дом отца.

Данные качества женщины в иранской лингвокультуре отражаются в следующих паремиях (рис. 5, 6).

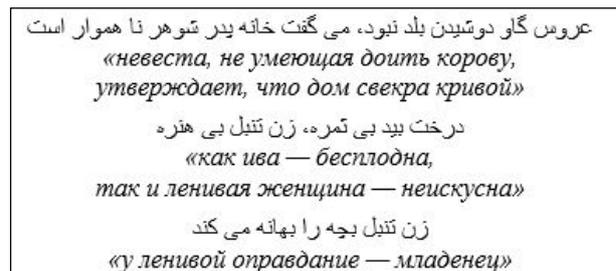

Рис. 5 (Fig. 5)

زنان را از آن نام نباید بلند که بیوسته در خوردن و خفتند
 «причина того, что мы не знаем имен
 знаменитых женщин,
 кроется в том, что они постоянно едят и спят»
 دور هم نشستن زنان، زن تنبل را بی شام می گذارد
 «посиделки женщин
 заставляют ленивую женщину не готовить ужин»

Рис. 6 (Fig. 6)

В русскоязычном этносе это отрицательное качество характера отражается в следующих фразах.
 «Муж в поле пахать, а жена руками махать».
 «Муж пашет, а жена пляшет».
 «Не бывает некрасивых женщин, бывают ленивые».

یلی که زن ساخته باشد، اردک از آن عبور نمی کند
 «через мост, построенный женщиной, и утка не сможет пройти»
 چون زنی پادشاه بود، کار مملکت چنین بود
 «положение страны стало таковым (ведущим к разорению),
 потому что женщина была правителем»

Рис. 7 (Fig. 7)

В русской лингвокультуре им аналогичны такие выражения, как:

«Бабе дорога — от печи до порога».

«Бабы города недолго стоят».

«Жене один путь — от порога до печи».

Мужчины считают, что женщины уступают им в таких личностных качествах как способность к здравомыслию, мыслительные способности, уровень интеллекта, восприятие, образование и грамотность. Женщина воспринимается как символ невежества, и потому ее основная роль — сидеть дома. Такое видение женской доли находит широкое отражение в иранской лингвокультуре (рис. 8).

اگر آب سر بالا رفت، زن هم عاقل می شود
 «если бы вода текла вверх, то, возможно,
 и женщина поумнела бы»
 زن نفهم شوهر را پیر می کند
 «невежественная женщина старит мужа»
 زنان در آفرینش نا تمامند
 «женщины неполноценны в своем создании»
 زن ناقص العقل است
 «женщина — умственно отсталая»

Рис. 8 (Fig. 8)

В русскоязычном этносе мужчины также ставят умственные способности представителей женского пола под сомнение, и выражается это следующим образом.

«Волос долог да ум короток».

«Бабий ум — что перекаати-поле».

«Бабы умы разоряют дома».

На протяжении долгой истории представитель женского пола принимают за слабых, уязвимых, во многом зависимых от мужчин, считают их абсолютно неспособными к самостоятельности, а в ряде случаев и никчемными. Ограниченная социальная роль женщин привела к тому, что им до недавних пор не доверяли на рынке труда, и даже если некоторые из них могли найти работу, их статус во многом уступал представителям мужского пола.

В картине мира иранского народа, слабость, неспособность и некомпетентность женщин выражается в следующих пословицах и поговорках (рис. 7).

Физическая привлекательность женщин испокон веков считается одной из наиважнейших положительных личных качеств женщин. Поэтому в вопросе красоты женщина должна быть выше или равна своему мужу. Часто случается так, что, когда мужчины хотят выбрать женщину в жены, они отдают предпочтение красоте женщины, а не другим положительным ее качествам. В персидской лингвокультуре встречаются пословицы, в которых отражены такие понятия, как некрасивый лик, физически неприглядное состояние женщины, а также увядание красоты женщины после беременности.

Приведем примеры паремий из персидской лингвокультуры, отражающие значение красоты женщины как ее богатства и пути к счастью (рис. 9).

در چادر شب و جوراب، همه زن ها زیبا هستند
 «все женщины красивы в покрывале и носках»
 رها کن زن زشت ناسازگار
 «оставь некрасивую
 и противоречивую женщину»
 زن تا نزا ایده دلیر است، وقتی زایید مادر است
 «женщина привлекательна до родов,
 после она уже мать»
 انگار جن است
 «она словно джинн»

Рис. 9 (Fig. 9)

В русской лингвокультуре красота женщины также имеет немаловажное значение, однако полного отражения в пословицах русского языка она не нашла. По видимому русскому народу важнее

наличие в женщин таких личных качеств, как: трудолюбие — «нет женщин некрасивых, есть ленивые»; доброта — «собой красава, да душа трухлява»; хранительница домашнего очага — «не будь красна и румяна, а чтобы по двору прошла да кур сочла»; счастье и спокойствие — «не родись красивой, а родись счастливой» и т. д.

Доминирование мужчины представлялось непреложным фактом. Пословица «муж — маленький Бог» подразумевает признание представительниц женского пола зависимыми от мужчин. Возможно, именно поэтому женщина видит себя беззащитной перед мужчиной, и вынуждена прибегать к эмоциональным методам, свойственным ее существу, чтобы убедить мужчину прислушаться к ее желаниям и потребностям, но мужчина называет это обманом и хитростью.

В персидской линвокультуре данные качества характера представлены следующим образом (рис. 10).

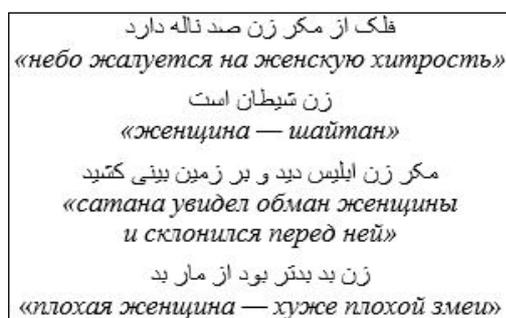

Рис. 10 (Fig. 10)

В русском языке также существуют поговорки о женской хитрости, аналогичные персидским.

«Баба и черта перехитрит».

«Куда черт не поспеет, туда бабу пошлет».

«Перед злою женою сатана — младенец непорочный».

Примечательно что такое психологическое качество, как злость, у народов сопоставляемых линг-

вокультур вызывают одинаковые метафорические ассоциации со змеей. Помимо того, в обоих сопоставляемых лингвокультурах черт наделен таким качеством, как хитрость. Таким образом, хитрость женщины превосходит по своим возможностям и характеристикам хитрость самого черта.

Традиционно принято считать, что женские слезы являются их основным так называемым психологическим оружием в борьбе с мужчиной. Данная особенность женского поведения выражается в следующих поговорках персидской линвокультуры (рис. 11).

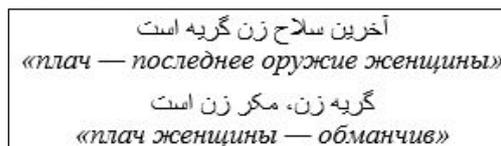

Рис. 11 (Fig. 11)

В русской линвокультуре оно нашло отражение в таких выражениях, как:

«Без плачу у бабы дело не спорится».

«Сила женщины в слезах».

«Женский обычай — слезами беде помогать».

Как в русской, так и в персидской линвокультурах нашло также отражение такое личностное качество характера, как обман. Считается что женщина для достижения своих целей способна прибегнуть ко лжи. В русском языке можно привести в пример следующие поговорки.

«И дура-жена мужу правду не скажет».

«Бабы вранья и на свинье не объедешь».

«Баба бредит, да кто ей верит».

Проблемы ссоры невестки со свекровью, напряженные отношения между невестками, враждебные отношения между мачехой и детьми и т. д., в персидской линвокультуре нашли отражение в поговорках через выражение таких личностных качеств характера, как ревность и зависть (рис. 12).

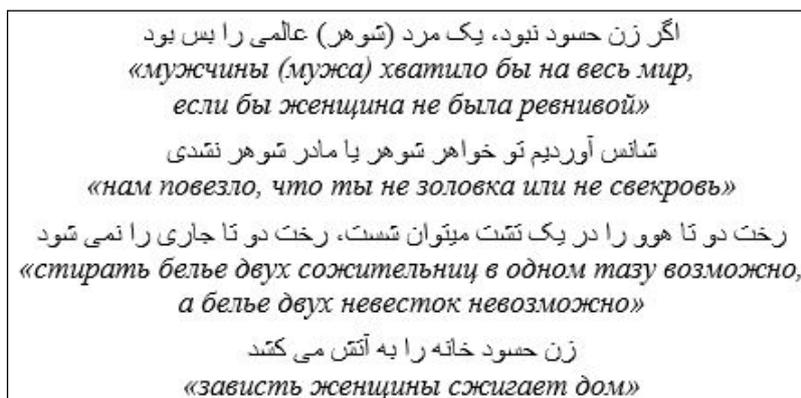

Рис. 12 (Fig. 12)

В русском языке чувство зависти и ревности женщин выражается в следующих паремиях: «если в доме две женщины, пол останется грязным»; «женщина б не жила, если б не ссорилась».

В персидском языке есть несколько пословиц, в которых женщины сравниваются с животными (рис. 13).

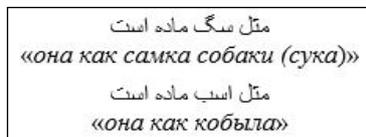

Рис. 13 (Fig. 13)

Употребление слов «самка собаки» и «кобыла» в персидской языковой культуре употребляется только в уничижительном качестве по отношению к женщинам.

В некоторых случаях «собака», даже представлена как существо более ценное чем женщина (рис. 14).

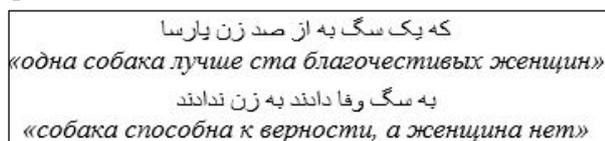

Рис. 14 (Fig. 14)

В русской лингвокультуре также существует большое количество паремий о женщинах с негативной коннотацией с метафорическим использованием представителей животного и растительного мира. К примеру:

«Курица не птица, а баба не человек».

«Баба — что жаба».

«Женщина что ослица — без палки не уgomнится».

В персидской лингвокультуре имеются паремии в которых звучит призыв мужчины наказывать женщин за непослушание или какие-либо другие провинности, например (рис. 15):

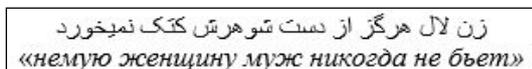

Рис. 15 (Fig. 15)

Помимо того имеются также паремии, которые призывают к насилию над женщиной и без повода (рис. 16).

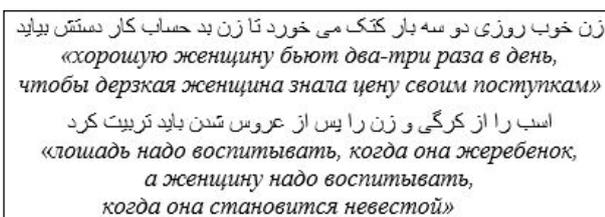

Рис. 16 (Fig. 16)

В русском языке данное явление выражается следующими паремиями.

«Бей бабу молотом, сделаешь золотом».

«Люби жену, как душу, тряси ее, как грушу».

«Жена с сердцем, муж с перцем — натурой ей нос».

Важным фактором в жизни мужчины считается финансовая составляющая в поведении женщин, поэтому в пословицах хорошая бережливая женщина делает жизнь мужчины счастливой, а расточительная — приводит его к разорению. Это отражает тот факт, что экономическая власть находится в руках мужчин, и женщины зависят от них (рис. 17).

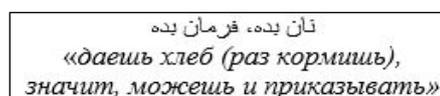

Рис. 17 (Fig. 17)

Кроме того, финансовая превосходство мужчины дает ему возможность взять в жены более одной жены (рис. 18).

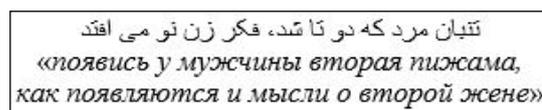

Рис. 18 (Fig. 18)

В нижеприведенных примерах персидской лингвокультуры женщина представлена как расточительная и корыстная (рис. 19).

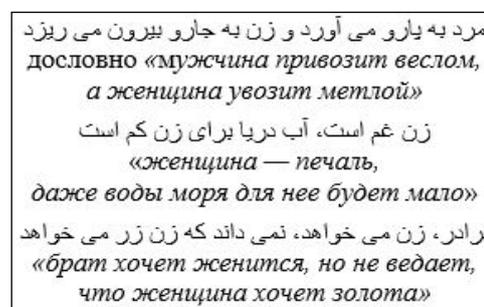

Рис. 19 (Fig. 19)

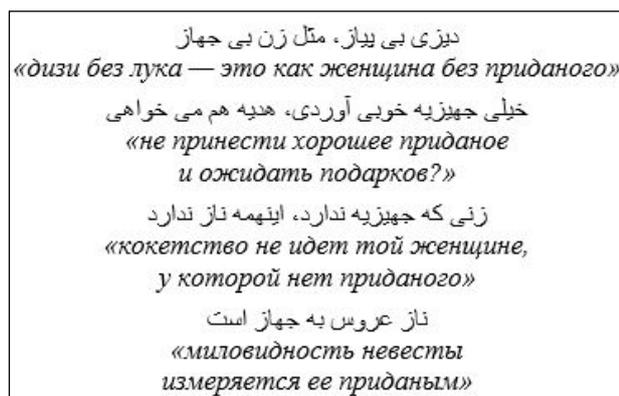
В паремиях русского языка также уделяется мало-важное значение расточительности женщин.

«Жена мужу потакает, пока деньги добывает».

«Женских прихотей не перечтешь».

В персидской лингвокультуре можно выделить ряд пословиц, в которых ценность женщины исчисляется согласно ее материальным и финансовым возможностям. Зачастую они оцениваются в зависимости от приданого, которое женщина приносит при замужестве. Если женщина приходит в дом мужа с маленьким по размеру приданым, то она подвергается критике и порицанию со стороны родных и близких. Это подразумевает, что ценность женщины равна ее имуществу.

В персидской лингвокультуре данную особенность можно выявить в следующих паремиях (рис. 20).

* Дизи — иранское национальное блюдо.

Рис. 20 (Fig. 20)

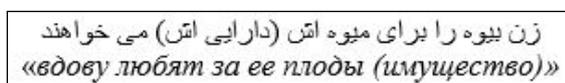

Рис. 21 (Fig. 21)

В пословицах такого рода отражается взгляд персоязычного этноса на ценность вдовы, которая измеряется ее имуществом.

Впрочем, есть и такие пословицы, как на рисунке 22.

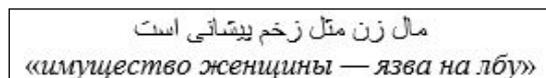

Рис. 22 (Fig. 22)

В них финансовое превосходство жен оценивается противоположно предыдущему примеру.

В русской лингвокультуре авторами не было выявлено паремий, подчеркивающих значение приданого женщины. Напротив, в ней имеются паремии, которые указывают на противоположный взгляд на богатое приданое женщины.

«Жены богатой лучше не брать, чем ей мужем владеть».

«Женское добро колом в глотке стоит».

Это можно объяснить различием отношений при создании семьи. У русских основным критерием создания семьи является, по всей видимости, чувство любви и взаимоуважения, которое способно преодолеть любые преграды. В иранской среде семьи создаются на основе законов шариата, и материальная составляющая при этом имеет большое значение.

В русских и персидских пословицах есть много примеров, в которых отражается негативный взгляд общества на бездетных, разведенных, бесплодных женщин, вдов, старых дев и женщин, имеющих физические проблемы (рис. 23).

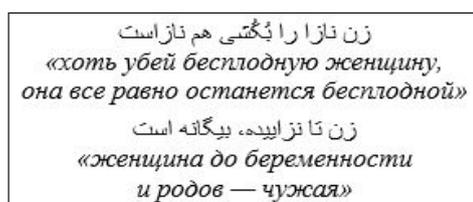

Рис. 23 (Fig. 23)

В русском языке им аналогична следующая паремия: «Бездетная женщина — бесплодное дерево».

Персидская лингвокультура имеет выражения, в которых описывается предвзятое отношение к женщинам-вдовам (рис. 24).

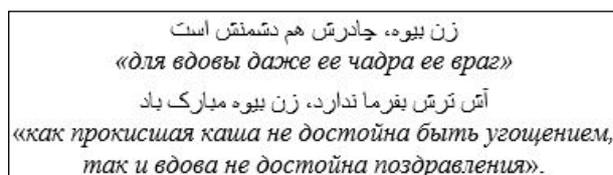

Рис. 24 (Fig. 24)

В русской речи имеются аналогичные им паремии:

«Вдовый обиход — не уход».

«Не видал беды, кто не сватал вдовы».

На протяжении веков идеалом является целомудренная и благочестивая женщина. Такое видение призвания женщин также нашло свое отражение и в паремиях. Однако среди всех исследуемых пословиц не встречается ни одного примера, в котором бы именно к мужчинам звучал призыв сохранения верности. Например, см. на рисунке 25.

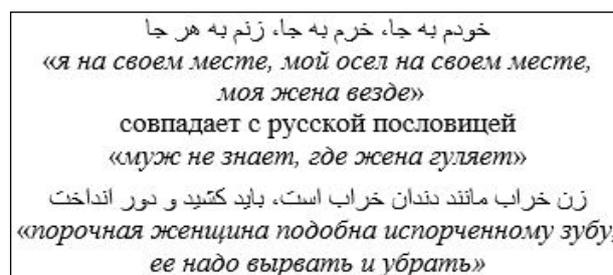

Рис. 25 (Fig. 25)

Заключение

Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ паремий, отражающих концепт «женщина» с отрицательными коннотациями, показал, что гендерные стереотипы о личностных качествах женщин в русской и персидской языковых культурах во многом совпадают. В русской лингвокультуре концепт «женщина» в его отрицательном значении обозначается таким гендерным маркером, как «баба», в то время как в персидском языке такой маркер отсутствует. В сопоставляемых языках концепт «женщина» характеризуется

такими признаками, как болтливость, расточительность, хитрость, слезливость и т. д. Помимо того, было выявлено, что как в персидской, так и в русской лингвокультурах женский пол часто метафорически сравнивают с животными, с которыми они ассоциируются согласно наличию личностных качеств. К примеру, в русской лингвокультуре происходит сравнение с такими животными, как змея, ослица, жаба, курица, собака, а в персидской — кобыла и змея.

Выводы авторов, которые были получены в результате данного исследования, доказывают лингвокультурную общность русского и персидского языков на уровне паремий. Результаты исследования не претендуют на законченность и могут найти дальнейшее отражение в исследовательских работах магистрантов и аспирантов РКИ на базе высших учебных заведений Исламской Республики Иран, а также при составлении специализированных словарей.

Список источников

1. Архипова Н. Г., Куроедова М. А. Образ женщины в пословицах русского и китайского языков // Вестник АмГУ. 2019. № 84. С. 91–96.
2. Брандт Г. А. Природа женщин как проблема: Концепция феминизма // Общественные науки и современность. 1998. № 2. С. 167–189.
3. Дубровская О. Г. К проблеме отражения национального самосознания в пословично-поговорном фонде русского и английского языков. Тюмень : Тюм. гос. ун-т, 2000. С. 27–34.
4. Мистрюкова Е. В. Средства репрезентации концептов «мужественность» и «женственность» в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2005. 223 с.
5. Новоспаская Н. В., Раадранириана А. М. М., Лазарева О. В. Образ женщины в русской, французской, испанской и малагасийской лингвокультурах на материале паремий // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. № 2. С. 301–322.
6. Brembeck W. The development and teaching of a college course in intercultural communication // In: Reading in Intercultural Communication. 1977. С. 14–26.
7. Jayawardena H. S. M. M. Representation of Women in Sinhala and French Proverbs // Proceedings peradeniya university international research sessions. Vol. 18. University of peradeniya. Sri Lanka, 2014. Pp. 645.
8. Аминар-Райя П., Шарифи Ш., Элиаси М. Изучение характеристик, приписываемых женщине в персидских пословицах // Исследование персидского языка и литературы. 2014. № 34. С. 89-120.
و نایز یاه ش هوژپ // ی سراف یاه لثما برض رد ناز هب بستتم یاه ی گژیو ی سررد م ی سایلا ،ش ی فیرش ،پ ایاعرلا نیما و سراف تا اییدا . ۲۰۱۴ . ۸۹-۱۲۰ . ص ۳۴ . هرامش . ی سراف تا اییدا
9. Зольфагари Х. Семья и семейные отношения в персидских пословицах // Культура иранского народа. № 31. 2012. С. 137-155.
ذوالفقاری ح . خانواده و روابط خانوادگی در ضرب المثل های فارسی // فرهنگ مردم ایران . شماره ۱۳ . ص ۵۵۱-۷۳۱ . ۲۰۱۲
10. Имани А., Кесай Г., ЭсламиРасех А. Женщины в персидских пословицах: подход критического анализа дискурса // Женский журнал. № 3. 2015. С. 25-44.
ایمانی آ، کسائی غ، اسلامی-راسخ ع . زن در ضرب المثل های فارسی: رویکرد تحلیل گفتمان انتقادی // پژوهش-نامه زنان . شماره ۳ . ص ۴۴-۵۲ . ۵۱۰۲
11. Кальхор С. Женщина в пословицах // Мах хонар. № 39. 2002. С. 75-81.
كلهر س . زن در ضرب المثل-ها // ماه هنر . شماره ۹۳ . صفحه ۱۸-۵۷ . ۲۰۰۲
12. Кейхай Я., Сияваши Х. Образ женщины в персидских пословицах // Вторая национальная конференция персидского языка и языкознания. Шираз. 2014.
کیخایی ی، سیاوشی ه . سیمای زن در ضرب المثل های فارسی // دومین همایش ملی آموزش زبان فارسی و زبان شناسی . شیراز . ۴۱۰۲
13. Масуми М., Рахиминежад В. Женщины и гендерные пословицы // Персидский язык и литература. 2013. Вып. 4, № 11. С. 135–158.
معصومی م، رحیمی نژاد و . زن و ضرب المثل های جنسیتی // زبان و ادب فارسی . دانشگاه سنندج . ۳۱۰۲ . دوره ۴ شماره ۱۱ . ص ۸۵۱-۵۳۱
14. Мохаммадпур А., Карими ДЖ. Интерпретативное исследование изображения женщин в курдских пословицах // Женщины в культуре и искусстве. 2014. Вып. 4, № 13. С. 65–83.
محمد-پور ا، کریمی ج . مطالعه تفسیری بازنمایی زن در ضرب المثل-های کردی // زن در فرهنگ و ادب . ۴۱۰۲ . دوره ۴ شماره ۳۸-۵۶ . ص ۳۱ .

15. Форсати Джуибари Р., Наби М. Изучение положения женщин в персидских пословицах и поговорах с социологическим подходом // Анализ и критика текстов персидского языка и литературы. 2012. № 16. С. 145–176.

فرستی-جوئیباری ر.، نبی ر. بررسی جایگاه زن در امثال و حکم فارسی با رویکرد جامعه-شناسی // تفسیر و تحلیل متون زبان و ادبیات فارسی. شماره ۶۱. ۲۱۰۲. ص. ۵۴۱-۶۷۱.

References

1. Arkhipova NG, Kuroedova MA. The image of a woman in Russian and Chinese proverbs. *Vestnik AmGU = Vestnik of AmSU*. 2019;(84):91-96. (In Russ.).

2. Brandt GA. The nature of women as a problem: the concept of feminism. *Obshestvennye nauki i sovremennost = Social sciences and modernity*. 1998;(2):167-189. (In Russ.).

3. Dubrovskaya OG. K probleme otrazheniya natsionalnogo samocoznaniya v poslovichno-pogovornom fonde russkogo i angliisskogo yazikov = To the problem of the reflection of national identity in the proverbial-speaking fund of Russian and English. Tyumen: Tyum. State University; 2000. Pp. 27–34. (In Russ.).

4. Mistryukova EV. Sredstva reprezentatsii kontseptov «muzhestvennost'» i «zhenstvennost'» v sovremenom angliiskom yazyke = Means of representing the concepts of “masculinity” and “femininity” in modern English. Abstract of Thesis. Samara; 2005. 223 p. (In Russ.).

5. Novospasskaya NV, Raadraniriana AMM, Lazareva OV. Image of a woman in Russian, French, Spanish and Malagasian linguo-cultures on the material of paremia. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika = Bulletin of RUDN University. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*. 2019;(2):301-322. (In Russ.).

6. Brembeck W. The development and teaching of a college course in intercultural communication. In: *Reading in Intercultural Communication*. 1977. Pp. 14–26.

7. Jayawardena HSMM. Representation of Women in Sinhala and French Proverbs. Proceedings peradeniya university international research sessions. Vol. 18. University of Peradeniya. Sri Lanka; 2014. Pp. 645.

8. Aminal-Raaya P, Sharifi Sh, Eliasi M. Examining the characteristics attributed to women in Persian proverbs. *Issledovanie persidskogo jazyka = Persian language and literature research*. 2014;(34):89-120. (In Pers.).

9. Zolfaghari Kh. Family and family relations in Persian proverbs. *Kul'tura iranskogo naroda = Iranian culture*. 2012;(3):137-155. (In Pers.).

10. Imani A, Kesai Gh, Eslami Rasekh A. Women in Persian proverbs: a critical discourse analysis approach. *Zhenskii zhurnal = Women's Journal*. 2015;(3):25-44. (In Pers.).

11. Kalhor S. Woman in proverbs. *Mah khonar = The moon and art*. 2002;(39):75-81. (In Pers.).

12. Kejkhaj Ja, Sijavashi Kh. The image of a woman in Persian proverbs. Second national conference on Persian language and linguistics. In: *Vtoroja natsional'najia konferentsija persidskogo jazyka = Second National Conference of Persian Language and Linguistics*. Shiraz; 2014. (In Pers.).

13. Masumi M, Rahiminezhad V. Women and gender proverbs. *Persidskij jazyk i literature = Persian language and literature*. 2013;(4(11)):135-158. (In Pers.).

14. Mohammadpur A. An interpretative study of the representation of women in Kurdish proverbs. *Zhen-shina v kul'ture i iskusstve = Women in culture and art*. 2014;(4(3)):65-73. (In Pers.).

15. Forsati Juibari R, Nabi M. Examining the position of women in Persian proverbs and rulings with a sociological approach. *Analiz i kritika tekstov persidskogo jazyka i literatury = Analysis and criticism of texts of the Persian language and literature*. 2012;(16):145-176. (In Pers.).

Информация об авторах

К. Салими Абдолмалеки — кандидат филологических наук, ассистент профессора, преподаватель кафедры иностранных языков.

Х. Сиями Эйдлак — кандидат филологических наук, ассистент профессора, преподаватель кафедры иностранных языков.

Information about the authors

K. Salimi Abdolmaleki — Cand. of Sci. (Philology), Assistant Professor of the Department of Foreign Languages.

K. Siyami Eidlak — Cand. of Sci. (Philology), Assistant Professor of the Department of Foreign Languages.

Статья поступила в редакцию 01.02.2023; одобрена после рецензирования 09.04.2023; принята к публикации 02.10.2023.

The article was submitted 01.02.2023; approved after reviewing 27.06.2023; accepted for publication 02.10.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ QUESTIONS OF TRANSLATION STUDIES

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 9 (479). С. 117–125.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(9(479):117-125. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 81.25.2

doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-117-125

АНГЛО-ШОТЛАНДСКАЯ БАЛЛАДА В СВЕТЕ СМЕНЫ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПАРАДИГМ: ДВА ВЕКА ПЕРЕВОДА

Георгий Игоревич Прокони́чев

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия, gi.prokonichev@mpgu.su,
Researcher ID: D-4648-2017

Аннотация. Перевод поэтического текста во многие эпохи привлекал внимание переводчиков и поэтов, желавших познакомить своих соотечественников с лучшими произведениями чужой культуры. Особым объектом внимания становился фольклорный текст, отражающий самобытные черты иной культуры, ее историю, верования. На разных этапах развития переводческого ремесла бытовали различные подходы к переводу художественного текста. В некоторые эпохи перевод был буквальным, в другие периоды считалось правильным улучшать исходный текст. Некоторые лингвисты считали, что художественный текст непереволим. В XX веке переводоведение сформировалось как наука и выработались основы системного подхода к переводу. История переводов баллады в России насчитывает два столетия. Различные поэты, начиная с Г. П. Каменева, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, работали с текстами баллад и подходы их зачастую были различны. В некоторых случаях переводчики прибегали к доместикации реалий, изменяли ритмико-организационную структуру текста, убирали отдельные куплеты. Такой подход характерен для всего XIX века. Затем парадигма изменилась: специалисты старались сохранить исходное звучание баллад, архаичность языка и свойственный балладам синтаксис. Такие цели перевода ставили перед собой поэты-переводчики XX века, хотя некоторые из них по-прежнему переводили в рамках подхода периода классицизма и вносили в тексты собственные улучшения. Последним этапом становятся новейшие переводы. Исчезновение строгой цензуры дает переводчикам возможность переводить народную поэзию с использованием народных, разговорных, иногда и обценных слов, хотя целесообразность их применения следует тщательно взвешивать в каждом отдельном случае. В ходе исследования мы приходим к выводам о том, что развитие подходов к переводу баллад в целом укладывается в известную периодизацию переводческих парадигм и об открытости некоторых проблем перевода поэтического текста.

Ключевые слова: англо-шотландская баллада, поэтический текст, фольклор, перевод, история перевода

Для цитирования: Прокони́чев Г. И. Англо-шотландская баллада в свете смены переводческих парадигм: два века перевода // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 9 (479). С. 117–125. doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-117-125

Original article

THE ANGLO-SCOTTISH BALLAD IN THE LIGHT OF CHANGING TRANSLATION PARADIGMS: TWO CENTURIES OF TRANSLATION

Georgy I. Prokonichev

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia, Gi.prokonichev@mpgu.su, Researcher ID: D-4648-2017

Abstract. Translation of a poetic text has always attracted the eye of translators and poets who wanted to present the best works of foreign cultures to their compatriots. Due to that the folklore text, which reflects the distinctive

features of a different culture, its history and beliefs, long ago became a special object of attention. At different stages of the development of translators' art, there were different approaches to the interpretation of a literary text. In some eras, the translation was word for word, during other periods it was considered correct to improve the original text. Some linguists believed that literary text was untranslatable. However, in the 20th century, translation finally evolved into a science and the foundations of a systematic approach to translation were developed. The history of ballad translations in Russia goes back two centuries. Various poets worked with these texts and their approaches were often different. In some cases, translators transformed realities which they met into elements of their own culture, changed the rhythmic and organizational structure of the text, and even removed a few couplets. This approach is characteristic of the entire 19th century. Then the paradigm changes: other specialists try to preserve the original sound of the ballads, the archaic language and the syntax characteristic of ballads. Poetry translators of the 20th century set and gradually reach these goals, although some of them still translate within the framework of the approach of the period of classicism and make their own improvements to the text. The last stage is the latest translations. The disappearance of strict censorship gives the translator the opportunity to translate folk poetry using folk, colloquial, sometimes obscene words, although the appropriateness of their use should be carefully weighed in each case. Our investigation allows us to conclude that the development of approaches to ballad translation follows the traditional periodization of paradigms and yet some problems of poetic translation are still open.

Keywords: Anglo-Scottish ballad, poetic text, folklore, translation, history of translation

For citation: Prokonichev GI. The Anglo-Scottish ballad in the light of changing translation paradigms: two centuries of translation. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(9(479):117-125. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-117-125

Введение

Англо-шотландская баллада уже не одно столетие привлекает внимание исследователей. В этих песнях, бывших излюбленным времяпровождением шотландцев и англичан начиная с XV века, находят отражение ряд исторических событий, существовавшие или вымышленные личности, реалии жизни. Однако нас эти тексты привлекают, в первую очередь, своими языковыми особенностями и возможностью их адекватной передачи на русском языке.

Наше исследование посвящено различным подходам к переводу балладных текстов в диахронии для сопоставления их с существующими переводческими парадигмами в целом. Обозначим некоторые ключевые точки.

Античный период перевода характеризуется пониманием того, что переводчик должен донести содержащуюся в тексте информацию, а не выражающий ее код. Вспомним известную максиму Цицерона, повторяемую затем Иеронимом Стридонским: «*non verbum de verbo, sed sensum exprimere de sensu*» — «не словом слово, но смыслом вырази смысл» [17. С. 230]. Однако при работе с литературными текстами античные переводчики очень часто прибегали к чересчур вольному и порой фрагментарному переложению текста, заменяя элементы колорита на собственные и иной раз даже дописывая собственные концовки [1. С. 61].

Затем, когда начинается эпоха бурного распространения христианства, возникает потребность в переводах Библии и иных духовных текстов. Переводческая мысль кидается в новую край-

ность: иконический подход. Раз слово есть образ вещи, то у этой вещи должен быть образ в языке перевода. Это особенно касается тех случаев, когда слово сакрально, божественно [9. С. 65].

Новым этапом стал перевод Библии Мартином Лютером, который действовал в духе интерпретативного подхода, сформулированного много позже М. Ледерером и Д. Селесковичем: перевести значит сделать текст понятным другим [15. С. 120] — и ратовал за переложение текста Библии живым народным языком. При этом уже тогда, в эпоху Возрождения начинают закрадываться первые сомнения в возможности адекватного перевода литературных текстов [11. С. 28].

В XVII веке в эпоху классицизма формируется новый подход к интерпретации (этот термин представляется в данном контексте более уместным, чем термин «перевод») художественной литературы. Текст оригинала воспринимается как относительно сырой, неоконченный. Переводчик вправе внести в него свои коррективы. В результате такого подхода утрачивалось жанровое своеобразие оригинала, особенности авторского идиостиля.

На рубеже XVIII–XIX веков на смену классицизму в литературу и подходы к переводу приходит романтизм. Для воспроизведения образа в художественном переводе на другом языке следует отказаться от буквализма. Целью перевода становится сохранение национального и фольклорного своеобразия подлинника. В то же время усиливаются голоса тех, кто считает адекватный художественный перевод невозможным в принципе. Приведем известное мнение Вильгельма

фон Гумбольдта: каждый народ мыслит и чувствует по-разному, что отражается в его языке; язык же, в свою очередь, воздействует на человека активно. Получается такая специфика, которую вряд ли можно передать средствами другого языка [1. С. 78].

Методология исследования

Методологическую основу исследования составляют труды по проблемам переводоведения И. И. Алексеевой, Л. Л. Нелюбина, Г. Т. Хухуни, Я. И. Рецкера, А. Ф. Федорова, работы по фольклористике и балладному жанру М. Элиаде, Д. Аткинсона, М. Вуда, Н. Г. Елиной, Ф. А. Аутлевой и др.

В статье задействованы филологические методы интерпретации текста с использованием историко-философского, литературно-эстетического контекстов и с помощью методики сравнительно-сопоставительного анализа. Сравнительно-сопоставительный анализ позволяет наиболее полно выявить языковые соответствия тех или иных единиц перевода и прийти к выводам о целесообразности переводческих решений.

Результаты

В период романтизма начинается знакомство русского читателя с балладой как литературным жанром. Пальму первенства исследователи отдают Жуковскому и Батюшкову. Отметим, однако, что отечественные переводчики изначально обращают внимание на балладу литературную, авторскую. Простой народный язык баллад, грубость некоторых выражений, неизящный и порой рваный метр, приспособленный не под чтение, а под пение, не соответствовали традициям русского романтизма [2. С. 26]. В полном соответствии с переводческим подходом той эпохи все надлежало пригладить, «причесать», наложить на собственное восприятие.

В связи с этим интересно обратиться к «Леноре» Жуковского. Многие студенты помнят из курса литературы, что эта зловещая баллада о мертвом солдате короля Фридриха, похищающем свою невесту, приводящем ее на кладбище, где «Твой труп сойди в могилу, / а душу Бог помилуй!» является переводом баллады Готфрида Бюргера «Lenore». Менее известным является то, что в основу «Lenore» Бюргера легла шотландская баллада «Sweet William's Ghost».

К девушке Маргарет является ее возлюбленный Уильям, погибший на неуточненном конфликте англо-шотландского порубежья. Мертвец просит Маргарет освободить его от клятвы вер-

ности, чтобы он смог упокоиться. Придя с ним на кладбище, она узнает, что любимый был ей неверен: “It is three maidens, Marjorie,” he says, / “That I promised once to wed” {77 С 11}. Однако она прощает и отпускает его: Have there again your faith and troth, / And I wish your soul good rest {77 С 14}¹.

Совсем иную интерпретацию приобретает встреча у Бюргера. Ленора, не дождавшаяся жениха, пребывает в отчаянии и начинает обвинять во всем Бога. Прибывший ночью всадник, имеющий облик Вильгельма, увлекает ее за собой. Она начинает о чем-то догадываться лишь тогда, когда он говорит «die Todten reiten schnell», в переводе Жуковского «гладка дорога мертвецам». На это она отвечает ему: “Laß sie ruhn, die Todten”, что, вероятно, является аллюзией на слова Христа: «Пусть мертвые погребают своих мертвецов». На рассвете они прибывают на кладбище, где всадник приобретает облик скелета и приглашает Ленору на свадебное ложе — отверстую могилу. Танцующие вокруг умирающей Леноры духи сообщают, что никто не должен спорить с Богом: “Mit Gott im Himmel hadre nicht”.

Как видим, в своей интерпретации Бюргер прибегает к приему доместикации реалий, помещая действие в современную ему Пруссию и заменяя антропонимы. В духе переводческой парадигмы своего времени он придумывает отсутствующий в исходной балладе зачин. В нем поднимается вопрос конфликта с божьей волей, спор, начавшийся в мировой литературе библейскими историями об Аврааме и Иове, проходит красной нитью через философскую литературу, от «Фауста» до диалога еврея с богом из «Я и ты» Мартина Бубера и вообще характерный для немецкой философии XVIII–XIX веков. Интересно заметить, что «Прафауст» Гёте был написан в 1772–1775 годах, одновременно с «Ленорой» (1773). В исходном тексте Вильям честно предупреждает невесту: ‘My lips they are so bitter,’ he says, / ‘My breath it is so strong, / If you get one kiss of my ruby lips, Your days will not be long {77 С 8} — Мое дыхание тяжело / и горек бледный рот. / Кого губами я коснусь, / Тот дня не проживет (пер. С. Маршака). Во всех вариантах шотландской баллады Маргарет отпускает неверного жениха, в одном варианте текста тот исчезает. Прусский же Вильгельм увлекает возлюбленную обманом и умертвляет. В том, как он бросает Ленору на землю, исследователи М. Вуд и Дж. Сандро усматривают

¹ Здесь и далее после цитат из собрания текстов баллад Ф. Чайлда приводятся сноски вида {номер баллады — вариант баллады — номер куплета}.

эротический подтекст и переход от шотландского натуралистического фольклора к зарождающемуся немецкому романтизму [18. С. 56].

И все же перевод Бюргера имеет ряд сходств с оригинальной балладой. Это некоторые лексические описания: кольцо на двери — «*And ay he tirlid at the pin*» {77 С 1} — «*den Pfortenring / Ganz lose, leise klingling!*», образ протянутой руки — “*her lilly-white hand*” — “*ihre Lilienhände*”, звук, возвещающий рассвет — “*The cocks they are crawling again*” / “*es brummt die Glocke noch*”. В последнем случае мы видим замену реалий с деревенской на городскую, но суть остается неизменной — время, когда «*не место мертвым среди живых, нельзя мне больше ждать*» (пер. С. Маршака). Бюргер разворачивает упрек Леныры к Богу на несколько куплетов. Строка “*O, Mutter, Mutter! Was mich brennt!*”, вероятно, позаимствована из очень строй баллады Edward, где она идет повторяющимся рефреном: “*The curse of hell frae me sall ye beir, / Mither, mither* {13 В 7}.

Мы можем заключить, что перевод Бюргера является характерным примером подхода к интерпретации текста своего времени: вольное переложение с доместикацией реалий, сохранением основных элементов сюжета, добавлением авторских фрагментов и изменением исходной метрической структуры.

В этом отношении текст «Леноры» Жуковско-го является по отношению к исходной шотландской балладе вторичным, поскольку представляет собой перевод литературной баллады Бюргера. В отличие от других переработок («Людмила» и «Светлана») перевод достаточно точен, соблюдены те же реалии — семилетняя война короля Фридриха, тот же стихотворный метр. Переданы конкретные элементы исходного текста, создающие образность, например, уже упомянутый нами звук дверного замка: «*На чужуное крыльцо... Тихо брякнуло кольцо...*». И все же исследователи отмечают, что Жуковский в определенной степени сглаживает выражения, которые кажутся ему слишком простонародными и приближает текст Бюргера к своим представлениям об эстетике стиха [8].

Первым переводчиком, который впервые познакомил русского читателя с шотландской балладой «без посредников» в виде авторских интерпретаций, стал А. С. Пушкин. Объектом его внимания стала баллада о воронах, ведущих беседу над телом убитого рыцаря. Впервые эта баллада появилась в сборнике *Melismata* Томаса Рейвенскрофта в 1611 году под названием “*The Three Ra-*

vens”. Похожий текст, называющийся “*The Twa Corbies*”, опубликовал в 1803 году Вальтер Скотт.

Специфика перевода баллады «*The Twa Corbies*» достаточно подробно проанализирована К. Ю. Бадьиной. Первое, что «бросается в глаза» — изменение ритмической структуры: поэт превращает ямб в нехарактерный для баллад хорей. В то же время на лексическом уровне меняются реалии текста, происходит сближение с русскими былинами. Убитый рыцарь превращается в «богатыря», добавляются характерные для русского песенного дискурса элементы: «*В чистом поле под ракитой / Богатырь лежит убитый*» [4. С. 53]. Из пяти куплетов Пушкин переводит только четыре, оставив за скобками самый натуралистический и «народный», в котором вороны обсуждают, кто из них намерен расклевать глаза, кто грудь и т. д. Такой подход вполне соответствует духу переводчиков романтической эпохи: сгладить все дикое, непристойное, обценное и т. д., а также заменить непонятное понятным.

Совершенно по-иному читается современный перевод, выполненный Ю. Лифшицем в 2017 году. Метр перевода тот же — ямб. Сохраняется важная, по нашему мнению, деталь — образ повествователя: “*As I was walking all alane*” — «*Я шел в раздумье между скал*». Каждый куплет полностью передает смысловую наполненность куплета исходной баллады, содержание не переносится в другой куплет. Этот подход — максимально точная и структурная передача смысла при сохранении ритмико-организационной структуры — является характерным для переводчиков второй половины XX века.

Вскоре после переводов А. С. Пушкина интерес поэтов (как видим, именно они в XIX веке стали первыми переводчиками народной поэзии) обратился к другой балладе — “*Edward*”. Этот текст, приводимый Ф. Чайлдом в двух вариантах, представляет собой диалог матери и сына, Эдварда, в котором она расспрашивает его, почему его меч окровавлен. Наконец, сын признается, что убил отца, а в последнем куплете прокликает мать, толкнувшую его на такой шаг. Эта баллада, по видимому, принадлежит к очень древнему пласту шотландской поэзии. Как и “*The Twa Corbies*” она не имеет начала, читатель не знает о событиях, предшествовавших описанной в балладе трагедии, мы не знаем, кто убил рыцаря и почему Эдвард убил отца. Отметим, однако, что мотив отцеубийства прослеживается в эпосе и сагах многих народов.

Впервые перевод этого текста выполняет поэтесса Каролина Павлова в 1839 году. Этот перевод, по нашему мнению, можно назвать первым точным переводом. Перевод интересен тем, что практически не содержит элементов авторского творчества. Точно соблюден метр — четырехстопный ямб, характерный для шотландских баллад. Количество куплетов, семь, точно соответствует исходному. Точно так же зарифмованы строки, за исключением небольшого расхождения в рифме последней строки каждого куплета, которые зарифмованы между собой, таким образом, в данном аспекте перевод соответствует всем современным подходам.

Вскоре эту балладу переводит А. Толстой, который, к слову сказать, дружил с К. Павловой, так что не исключено, что его перевод был своего рода дружеским соперничеством, впрочем, выполнен он был значительно позднее, в 1871 году. А. К. Толстой усложняет ритм, прибегая к логэде — соединению неодинаковых стоп. В данном случае это ямб + анапест: «*Чьей кровию меч ты свой так обагрил*». Буквально через четыре года балладу переводит П. И. Вейнберг.

Исходный текст баллады содержит значительное количество архаических форм: *fadir (father), steid (steed), auld (old), bluid (blood)*. Существует прием, при котором переводчик также прибегает к архаизации создаваемого текста, используя архаические формы языка перевода, например, стилизуя поэтический текст под былинку. Забегая вперед, отметим, что в переводе баллад такой прием относительно редок, не встречается он и в переводах текста «Эдвард».

При сравнении этих переводов обращает на себя внимание один фрагмент “*Ile set my feit in yonder boat / And Ile fare ovir the sea O*» {13 В 4}, такую епитимью налагает на себя Эдвард за свое преступление. В поздних переводах образ корабля сохранен: «*Я сяду в ладью непогодой морской / и ветру все парусы брошу*» (А. Толстой), «*Вон в ту ладью усядусь я / Чтоб с нею за море уплыть*» (П. Вейнберг), однако происходит доместикация реалий, замена *ship* на *ладья*. В раннем переводе К. Павловой замена реалий происходит на более глубоком, когнитивном уровне: «*Скитаться буду по земле, / покину край родной*». Выбор такого образа продиктован, видимо, тем, что в отличие от небольшой, окруженной морем Шотландии, на Руси образ скитальца — путник с посохом, бредущий по бесконечным ее дорогам.

В целом во второй трети XIX века, вплоть до десятых годов XX столетия поэты и переводчики не уделяют большого внимания балладному

жанру. Можно отметить один перевод: баллада “*The Gypsy Laddie*”, переведенная А. Н. Плещеевым как «Джонни Фа» по имени главного героя. А. Н. Плещеев к переводам относился достаточно вольно. Поэт писал, что не видит большой разницы между переводом и собственно творчеством поэта и считает перевод способом донесения собственных идей [5. С. 13].

Рассматриваемый нами перевод является иллюстрацией такого подхода в духе европейского классицизма. От десяти куплетов исходной баллады остаются семь, меняется название баллады. Накинутый на плечи девушки плед превращается в надетое на палец кольцо. Полностью исчезает характерный для баллад повтор, например: “*I’ll go to bed to my Johny Faa, / I’ll go to bed to my deary*»; {200 А 6} — “*Теперь в лесу зеленом спать / Я буду рядом с милым*”.

Следующей вехой в истории перевода баллад становится начало XX века, и наиболее известная фигура, человек, имя которого называют чаще всего по ассоциации со словами «баллада» и «перевод» — С. Я. Маршак.

Переводы баллад С. Я. Маршака приходятся на период революционных изменений в России — 1916–1917 годы. Произошедшие радикальные перемены не могли не отразиться и на подходах к художественному переводу. В 20-е годы были выработаны два критерия верности перевода: эквивалентность — точность в передаче лексического и семантического содержания подлинника и эквилинеарность — полнота передачи характера синтаксических структур [1. С. 106]. Начинается выпуск серии «Всемирная литература». В то же время развивается работа переводчиков с «подстрочником», близким к тексту рабочим переводом. Такой подход позволял, с одной стороны, соблюдать принципы эквивалентности и эквилинеарности, а с другой стороны, отсеивать идеологически «вредные» элементы текста и интерпретировать их в правильном ракурсе.

Знакомство С. Я. Маршака с английским фольклором началось еще до революции, в годы его учебы в Лондонском университете (1912–1914). Путешествуя пешком по Англии, он слушает народные песни, стихи и, проникшись их духом, начинает переводить. Публикация первых переводов баллад в «Северных записках» происходит в 1916 году, вскоре публикуются другие переводы [6. С. 26]. Вступительная статья В. М. Жирмунского к первому изданию «Английская народная баллада» до сих пор представляет интерес для исследователей балладного жанра.

Приведем высказывание, важное, на наш взгляд, для понимания С. Я. Маршака как переводчика баллад: «Я понял, что такое баллада, когда начал переводить англичан. Это не аристократический жанр, как можно подумать, читая Жуковского, а разговор, короткий рассказ при встрече на улице или среди друзей в таверне, за кружкой эля. Английская народная баллада проста, естественна, как и английский детский фольклор, который я очень люблю» [цит. по: 3. С. 7]. Несмотря на такое понимание природы балладного стиля, переводы С. Я. Маршака исследователи порой сравнивают с работами Пушкина и Жуковского, имея ввиду попытку придать им музыкальность, устранить все грубые и рваные элементы ритма, сгладить натурализм [2. С. 27].

В четвертой строке баллады “The Gay Goshawk”, построенной по классическому для баллад ритму: четыре строки, зарифмованные по типу a-b-a-b, ямба, количество стоп 4-3-4-3- — мы видим в четвертой строке «лишний» слог. “*I bear the lips to her never spake, / And the eyes that her never saw.*” {96 С 2}. Такое явление характерно для фольклорных песен и сглаживалось менестрелем при исполнении, ведь баллады, в отличие от куртуазной поэзии, не предназначались для чтения со страницы. Однако, поскольку современный перевод ориентирован именно на чтение, С. Я. Маршак приводит ритм в порядок: «*Но как мне быть? Ее в лицо / Не видел я ни разу*». То же наблюдаем в упоминаемой нами балладе “*Sweet Willim’s Ghost*” Saying, *Have there again your faith and troth, / And I wish your soul good rest* {77 С 14} — «*Я возвращаю твой обет, / Пусть бог вернет покой!*».

Некоторые переводы Маршака вовсе представляют собой пересказы по мотивам исходного текста. Яркой иллюстрацией является интерпретация баллады “The Twa Magicians”. Выходя из дома, девушка, “*lady*” встречает кузнеца, который совершенно недвусмысленно высказывает свои в ее отношении намерения. Начинается колдовское противостояние превращений: она оборачивается уткой — он селезнем и догоняет ее, она перекидывается зайцем, он — гончей и т. д. Кузнецы у многих народов считались колдунами [12. С. 160], а в этом конкретном сюжете, видимо, отражен один из языческих праздников, в ходе которого одетый кузнецом человек с измазанным сажей лицом преследовал «ведьму». В конечном итоге все заканчивается, нет, не свадьбой, а постелью, поскольку текст явно содержит осколки “*Old Religion*”, отголоски языческих обы-

чаев и обрядов: “*Then she became a silken plaid, And stretched upon a bed, / And he became a green covering, / And gained her maidenhead* {44 14}. В гораздо более позднем и намного точнее передающем как ритмику, так и сочность эротических намеков (а их в тексте много, например, она обращается кораблем, он же: *He ca’ed a nail intill her tail* {44 12}) переводе Н. Голя читаем: “*Тогда она превратилась в плед / и юркнула на кровать / а он покрывалом зеленым стал / и взял, что задумал взять*». Перевод С. Я. Маршака не только меняет ритмико-композиционную организацию баллады, но и превращает ее в шуточную детскую песенку, в финале которой кузнец ведет леди венчаться.

Середина XX века характеризуется новыми изменениями в отечественной переводческой мысли. Переводоведение окончательно формируется как научная дисциплина и направление, появляется теория лексико-семантических соответствий Я. И. Рецкера [10]. В то же время в области художественного перевода противостояние лингвистического и литературоведческого подходов заканчивается победой последнего. Переводчики все чаще ориентируются на передачу образности, а не буквальных текстовых форм, все большую свободу дает им цензура в передаче просторечий, сленгизмов и диалектизмов.

В этот период над переводами баллад работает выдающийся петербургский переводчик Игнатий Ивановский. Ученик М. Лозинского, человек, которому Анна Ахматова подарила сборник стихов с дарственной надписью: «Игнатию Ивановскому, самому лучшему переводчику», — Игн. Ивановский (именно так он всегда сокращал инициал имени) выпустил первый сборник переводов баллад о Робине Гуде в 1958 году, затем в 1962 году — сборник баллад «Дерево свободы».

Первое, на что обращает внимание человек, сравнивающий переводы Игн. Ивановского и оригиналы, является четкое следование ритмико-композиционной структуре оригинала, описанной ранее. Однако Игн. Ивановский также не передает дополнительные слоги, периодически встречающиеся в некоторых строках балладного куплета: «*But such a tale as this before / I think there was never none*; {147 A 2} — *Теперь послушайте рассказ / Однажды, говорят...*

В некоторых случаях Игн. Ивановский допускает неточности в переводе названий баллад, в основном добавляя или меняя прилагательные, иногда меняя название полностью: *Robin Hood and the Monk* — Робин Гуд и коварный монах,

the Simple Ploughboy — Проданный парень, Robin Hood's Golden Prize — Робин Гуд молится Богу. Таким образом, переводчик как бы приоткрывает перед читателем интригующие подробности текста.

Не всегда оказываются верно переданы реалии и просто детали текста баллады, например напитки, которые пьют лесники, встретившие Робина Гуда: *There was he ware of fifteen forresters, / And a drinking bear, ale, and wine* {139 A 2}. Если в переводе Н. Гумилева лесники «*пьют пиво, эль и мед*», то у Игн. Ивановского «*пьют пиво, эль и джин*», которого не могло быть в Англии XII–XIII веков. Несмотря на то, что известные нам тексты баллад о Робине Гуде относятся к XVII–XVIII векам, когда джин начал победное шествование по знатным домам бедных районов городов Англии, этот напиток не упоминается ни в одной из известных баллад, так же, как и виски. Ничего крепче вина герои баллад не пьют.

Последним этапом развития переводческой деятельности становится период с начала 90-х годов. Исчезают цензурные барьеры, переводчики, работающие с фольклорными текстами, чувствуют, что они могут оснастить изначально народный текст таким же народным, сочным словом. В плеяду переводчиков, бравшихся за работу с балладой, входят такие переводчики, как В. В. Эрлихман и М. Кантор. В 2015 году было издано «*Полное собрание баллад о Робине Гуде*», выполненное ими.

Первое, на что хочется обратить внимание в этих переводах, — «*A Gest of Robin Hode*», джеста о Робине Гуде. Эта баллада, или точнее, серия баллад, выстраивающая предания о Робине Гуде в единый сюжет, была напечатана около 1510 года в Лондоне фламандцем Винкеном де Вардом. Первые два деяния, “*fyttes*” (fits) о спасении рыцаря Алана из Дейла переводились Игн. Ивановским и были сокращены почти вдвое. Перевод В. В. Эрлихмана и М. Кантора выгодно отличается более точная передача деталей этих частей, в том числе вступления о том, кого именно следует и не следует грабить.

С купюрами осуществлен перевод Игн. Ивановского одной из наиболее старинных дошедших до нас баллад, “*Robin Hood and the Curtal Friar*”, опущен мотив визита Робина Гуда в Ноттингем, опущена ссора Робина с Джоном по доро-

ге в Ноттингем и отказ Джона сопровождать Робина. Перевод М. Кантора гораздо более полный и подробный. В то же время его перевод в определенном смысле осовременен за счет ряда высказываний вида «*Духовных скреп не видал досель. / За то, что надежно, пью*». Это выражение явно нравится переводчику, епископа он также называет «*Носитель духовных скреп*». На наш взгляд, выражение вполне в духе шервудского остролова и все же относит нас к иной ассоциативной области. Спорными, на наш взгляд, являются встречающиеся в этих переводах слова «каналы», «бугай», «квасят», придающие переводам оттенок отечественного дворового языка.

В то же время приятно внимание к историческим реалиям. Так, в тексте баллады “*Robin Hood and the Potter*” *They wer worthe to nobellys, seyde he* {121 A 81} верно передано название денежной единицы, опущенное в более раннем переводе этой баллады: «*Два нобля, — отвечал гончар*».

В целом, несмотря на некоторые спорные моменты в выборе элементов сниженной лексики, переводы В. Эрлихмана и М. Кантора обладают определенным жанровым своеобразием и позволяют читателю перевода до некоторой степени почувствовать звучание народного языка, которым писались (и пелись) оригинальные баллады.

Заключение

Исследование двух столетий переводов баллад позволяют нам прийти к следующим выводам. Подходы переводчиков в основном укладываются в существующую периодизацию переводческих парадигм. Переводчики XIX века, являясь, в большинстве, талантливыми поэтами, зачастую приукрашивали и изменяли балладный текст. XX век стал периодом более точного перевода с соблюдением ритмической организации оригинала, хотя и не без исключений. Переводчик так или иначе смотрит на мир через призму собственных лингвокультурных представлений, что всегда накладывает отпечаток на перевод, в том числе и фольклорного текста, в котором не выражена исходная личность автора. Вопрос об архаизации языка при переводе, использования в тексте сниженной лексики, адекватной передаче исторических реалий остается в определенной степени открытым.

Список источников

1. Алексеева И. С. Введение в перевод. СПб. : Филол. ф-т СПбГУ ; М. : Изд. центр «Академия», 2004. 352 с.

2. Аринштейн Л. М. Английская и шотландская народная баллада: The English and Scottish popular ballads. М. : Радуга, 1988. 512 с.
3. Аутлева Ф. А. Английские баллады и романтическая поэзия в русских переводах. Майкоп : Издательские электронные технологии, 2016. 69 с.
4. Бадина К. Ю. О переводе англо-шотландских баллад // Вестник Марийского государственного университета. 2011. № 6. С. 51–55.
5. Банников В. Н. А. Плещеев. М. : Сов. Россия, 1975. 254 с.
6. Галанов Б. Е. С. Я. Маршак: Очерк жизни и творчества. М. : Детгиз, 1957. 312 с.
7. Елина Н. Г. Развитие англо-шотландской баллады // Английские и шотландские баллады. М. : Наука, 1973. С. 104–131.
8. Машевский А. Баллады Жуковского // Литературное приложение к газете «1 сентября». 2001. № 30.
9. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней). М. : Флинта : МПСИ, 2006. 416 с.
10. Рецкер Я. И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык // Вопросы теории и методики учебного перевода. М. : Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1950. С. 156–183.
11. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). М. : Изд. дом «Филология Три», 2002. 416 с.
12. Элиаде М. Шаманизм: Архаические техники экстаза. М. : София, 2000. 480 с.
13. Atkinson D. The Anglo-Scottish ballad and its imaginary context. Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2004. 228 p.
14. Child Francis James. The English and Scottish Popular Ballads, Vol. 5. Dover publications, 2003.
15. Seleskovich D., Lederer M. Interpréter pour traduire, Paris: Didier Erudition, 1984. 311 p.
16. Smith R. A. The Scottish minstrel: A Selection from the Vocal Melodies of Scotland, Ancient and Modern. Vol. 4. Edinburgh : Robt. Purdie, 2017.
17. Steiner G. After Babel. London, 1975. 520 p.
18. Wood M., Sandro J. Anglo-German dramatic and poetic encounters. Perspectives on exchange in the Sattelzeit. Lehigh University Press, 2019. 258 p.

References

1. Alekseeva IS. Vvedenie v perevod = Introduction to Translation. St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University; Moscow: Academia Publishing Center; 2004. 352 p. (In Russ.).
2. Arinstein LM. Angliyskaya i shotlandskaya narodnaya ballada = the English and Scottish popular ballads. Moscow: Rainbow; 1988. 512 p. (In Russ.).
3. Autleva FA. Angliyskie ballady i romanticheskaya poeziya v russkikh perevodakh = English ballads and romantic poetry in Russian translations. Maykop: Publishing electronic technologies; 2016. 69 p. (In Russ.).
4. Badiina KYu. On the translation of Anglo-Scottish ballads. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Mari State University*. 2011;(6):51-55. (In Russ.).
5. Bannikov VN. A. Pleshcheyev = A. Pleshcheev. Moscow: Sov. Rossiya; 1975. 254 p. (In Russ.).
6. Galanov BE. S.Ya. Marshak: Ocherk zhizni i tvorchestva = S.Y. Marshak: Sketch of life and work. Moscow: Detgiz; 1957. 312 p. (In Russ.).
7. Yelina NG. Razvitie anglo-shotlandskoy ballady = Development of the Anglo-Scottish Ballad. In: Angliyskie i shotlandskie ballady = English and Scottish ballads. Moscow: Nauka; 1973. Pp. 104–131. (In Russ.).
8. Mashevsky A. The ballads of Zhukovsky. *Literaturnoye prilozheniye k gazete «1 sentyabrya» = Literary supplement to the newspaper “September 1”*. 2001;(30). (In Russ.).
9. Nelyubin LL, Khukhuni GT. Nauka o perevode (istoriya i teoriya s drevneyshikh vremen do nashikh dney) = Science of translation (history and theory from ancient times to our days). Moscow: Flint: MPSI; 2006. 416 p. (In Russ.).
10. Retzker YI. On the natural correspondences in the translation into the native language. In: Voprosy teorii i metodiki uchebnogo perevoda = Theory and methodology of educational translation. Moscow: Publ. house of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR; 1950. Pp. 156–183. (In Russ.).
11. Fedorov AV. Osnovy obshchey teorii perevoda (lingvisticheskie problemy) = Fundamentals of the general theory of translation (linguistic problems). Moscow: Publ. house “Philologia Tri”; 2002. 416 p. (In Russ.).

12. Eliade M. Shamanizm: Arkhaicheskie tekhniki ekstaza = Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy. Moscow: Sophia; 2000. 480 p. (In Russ.).
13. Atkinson D. The Anglo-Scottish ballad and its imaginary context. Cambridge, UK: Open Book Publishers; 2004. 228 p.
14. Child Francis James. The English and Scottish Popular Ballads. Vol. 5. Dover publications; 2003.
15. Seleskovich D, Lederer M. Interpréter pour traduire. Paris: Didier Erudition; 1984. 311 p.
16. Smith RA. The Scottish minstrel: a Selection from the Vocal Melodies of Scotland, Ancient and Modern. Vol. 4. Edinburgh: Robt. Purdie; 2017.
17. Steiner G. After Babel. London; 1975. 520 p.
18. Wood M, Sandro J. Anglo-German dramatic and poetic encounters. Perspectives on exchange in the Sattelzeit. Lehigh University Press; 2019. 258 p.

Информация об авторе

Г. И. Проконичев — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода и коммуникации института иностранных языков.

Information about the author

Georgy I. Prokonichev — Cand. of Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Theory and Practice of Translation and Communication, Institute of Foreign Languages.

*Статья поступила в редакцию 24.10.2022;
одобрена после рецензирования 16.11.2022; при-
нята к публикации 02.10.2023.*

*The article was submitted 24.10.2022; approved
after reviewing 16.11.2022; accepted for publication
02.10.2023.*

Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'255.2:6

doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-126-131

ТЕХНОЛОГИЯ DEEPL TRANSLATE В ПЕРЕВОДЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Веста Николаевна Смирнова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия, vesta_smirnova@inbox.ru, ORCID: 0000-0002-0978-1590

Аннотация. Представлены результаты исследования лингвистических возможностей машинного перевода английских пословиц и поговорок на основе технологии DeepL Translate. Выработаны методические рекомендации по стилевой адаптации цифрового перевода. Сделан вывод о необходимости совершенствования программы DeepL Translate в аспекте ориентации на прагматическую адаптацию полученного текста с учетом доминант художественного перевода.

Ключевые слова: пословицы и поговорки, машинный перевод, жанровые нарушения, стилевая адаптация

Для цитирования: Смирнова В. Н. Технология DeepL Translate в переводе пословиц и поговорок (на материале английского языка) // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 9 (479). С. 126–131. doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-126-131

Original article

DEEPL TRANSLATE TECHNOLOGY IN THE TRANSLATION OF PROVERBS AND SAYINGS (ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH LANGUAGE)

Vesta N. Smirnova

Penza State University, Penza, Russia, vesta_smirnova@inbox.ru, ORCID: 0000-0002-0978-1590

Abstract. The article presents the results of the study of the linguistic capabilities of machine translation of English proverbs and sayings based on DeepL Translate technology. Methodological recommendations for style adaptation of digital translation have been developed. Correction of automated translation of proverbs and sayings is recommended to be carried out with the use of such translation methods as communicative way of translation, interpretation, holistic transformation technique, equivalence, and others. It was concluded that the DeepL Translate program needs to be improved in terms of pragmatic adaptation of the received text to the dominants of the literary translation.

Keywords: proverbs and sayings, machine translation, genre mistakes, style adaptation

For citation: Smirnova VN. DeepL Translate technology in the translation of proverbs and sayings (on the material of the English language). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(9(479):126-131. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-126-131

Введение

Как было отмечено нами в предыдущих публикациях, «современное развитие международных коммуникаций способствует преобразованию практического перевода из вспомогательной сферы в самостоятельную отрасль лингвистического производства с собственной структурой и специфическими проблемами» [11. С. 171]. Такие тексты малого объема как английские пословицы и поговорок

характеризуются значительным сосредоточением средств оформления художественной информации и выполняют эстетическую функцию. Это обуславливает необходимость приложения максимума усилий в работе над коммуникативной равноценностью перевода.

В условиях расширения применения цифрового перевода оценка его лингвистических возможностей в области художественной речи на примере работы с пословицами и поговорками

приобретает особую актуальность и вызывает значительный исследовательский интерес. Использование перевода на основе искусственного интеллекта предполагает «умение правильно отредактировать полученный текст» [12. С. 64], поэтому оценка стилистического соответствия и выработка методических рекомендаций по коррекции нарушений машинного перевода поговорок и пословиц приобретают особую актуальность.

Стилевая адаптация перевода пословиц и поговорок рассматривается с опорой на концепцию общей теории перевода отечественных исследователей Е. В. Бреуса, В. Н. Комиссарова, Я. И. Рецкера, В. С. Слеповича, А. А. Утробинной, А. В. Федорова, А. Д. Швейцера, практические основы перевода, предложенные И. С. Алексеевой, В. С. Горбуновой, К. А. Гузеевой, Т. А. Казаковой, исследование функционально-стилевых особенностей художественного перевода А. В. Большак и К. С. Волошиной, на переводческие решения Е. В. Макаровой и Т. В. Пархамович; использовались электронные словари и источники для анализа¹ (*WoordHunt*², *Merriam-Webster Dictionary*³, *Collins Online Dictionary*⁴), онлайн сервис *DeepL Translate*⁵.

Материалы и методы

Для исследования выбран современный онлайн-переводчик *DeepL Translate* (от англ. *deep learning* — глубокое обучение), позволяющий переводить 72 языковые пары на немецком, английском, французском, голландском, польском, русском, итальянском, испанском, португальском языках. Технология *DeepL Translate* предложена компанией DeepL GmbH из Кёльна в августе 2017 года и ставит целью преодоление языковых барьеров и сближение культур: “Our goal is to overcome language barriers and bring cultures closer together.” Функционирование программы *DeepL Translate* осуществляется через нейронный машинный переводчик, работающий на основе свёрточных нейросетей, которые проявляют

¹ Английские пословицы и поговорки. URL: <https://skysmart.ru/articles/english/anglijskie-poslovicy-i-pogovorki> (дата обращения: 05.05.2022).

² WoordHunt — ваш помощник в мире английского языка. URL: <https://woordhunt.ru> (дата обращения: 05.05.2022).

³ Dictionary by Merriam-Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 05.05.2022).

⁴ Collins Online Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 05.05.2022).

⁵ DeepL Translate. URL: <https://www.deepl.com/ru/translator> (дата обращения: 05.05.2022).

большую эффективность в переводе длинных последовательных словосочетаний, чем рекуррентные нейронные сети или программы статистического перевода. По форме организации взаимодействия программы и человека *DeepL Translate* представляет собой систему с постредактированием: исходный текст перерабатывается машиной, а человек-редактор исправляет результат. В данном переводчике есть возможность разметить и отредактировать исходный текст. Кроме браузерной версии данный переводчик представлен десктопной и мобильной версиями, представленными в виде приложений для *iOS* и *Android*. В десктопной и браузерной версиях представлена возможность перевода файлов в формате docx, pdf, pptx размером до 5 Мб.

В процессе исследования применялся метод сопоставительного анализа вариантов машинного и человеческого перевода английских пословиц и поговорок, методы стилистического и контекстуального анализа несоответствий, связанных с передачей жанровых характеристик оригинала.

Результаты исследования

При рассмотрении переводческих проблем представляется целесообразным исходить из теоретического положения о том, что «перевод — это преобразование сообщения на исходном языке в сообщение на языке перевода» [6. С. 9]. При этом смысл текста при межъязыковом преобразовании подлежит сохранению и модификации в рамках концепций эквивалентности и адекватности [5. С. 29]. По мнению исследователей А. В. Большака и К. С. Волошиной, «именно переводчик является тем связующим звеном между автором и аудиторией, которая и будет получателем переведенного текста» [3. С. 27].

Как отмечает переводовед И. С. Алексеева, пословицы и поговорки «несут комплекс когнитивной, эмоциональной и эстетической информации», обладая при этом содержательным и формальным единством [1. С. 242]. Коммуникативные задачи исследуемых текстов заключаются в передаче обобщенных и основанных на жизненном опыте сведений об окружающем мире. Пословицы и поговорки как жанровые явления обладают схожими текстовыми признаками, поэтому общий подход и методические рекомендации к их переводу принципиально одинаковы. Наиболее эффективным способом перевода в таком случае становится эквиваленция, проявляющая синтагматический характер и охватывающая сообщение в целом [4. С. 64].

В концепции Т. А. Казаковой для передачи исходных текстов, имеющих высокую социально-культурную значимость, подробное содержание которых предназначено для массового получателя, используется коммуникативно-прагматический полный перевод [6. С. 18]. Е. В. Бреус отмечает важность прагматического аспекта теории перевода, предполагающего «сопоставление не только двух языковых кодов, но и двух культурных общностей» [2. С. 3]. Так, в работе с пословицами и поговорками необходима ориентация на коммуникативный способ перевода, когда содержательное и эмоционально-эстетическое значение становится главным объектом.

Исследование лингвистических возможностей цифрового перевода *DeepL Translate* позволило определить уровень качества межъязыкового преобразования английских пословиц и поговорок в области оформления эстетической информации, выработать методические рекомендации по коррекции недостатков создания художественной формы автоматизированных переводческих решений и достижению нормостилевого и прагматически эквивалентного варианта перевода. Сопоставительный анализ перевода пословиц и поговорок с английского на русский язык на основе технологии *DeepL Translate* и рекомендованного перевода показал четыре аспекта проблематики качества машинного перевода.

Буквализм. При оценке качества перевода буквализм квалифицируется как недостаток перевода. Мы не разделяем идеи обязательного смыслового преобразования пословиц и поговорок с целью доместикации, поэтому к переводческим недостаткам программы *DeepL Translate* следует отнести буквальный перевод элементов исходного текста при явном искажении смысла. Это прослеживается в следующих примерах.

Пример 1

Оригинал: *Cat after kind.*

DeepL Translate: *Кошка за добрым*¹.

Рекомендуемый перевод: *Кошка спит, а мышей видит.*

Пример 2

Оригинал: *Like author, like book.*

DeepL Translate: *Как автор, как книга.*

Рекомендуемый перевод: *Каков горшок, такова и крышка.*

Пример 3

Оригинал: *Beauty is but skin deep.*

DeepL Translate: *Красота — это только глупина кожи.*

Рекомендуемый перевод: *Красота обманлива.*

Пример 4

Оригинал: *You cannot wash a charcoal white.*

DeepL Translate: *Вы не можете отстирать угольную белизну.*

Рекомендуемый перевод: *Черного кота не отмоешь добела.*

Пример 5

Оригинал: *You can't have your cake and eat it too.*

DeepL Translate: *Ты не можешь взять свой торт и съесть его тоже.*

Рекомендуемый перевод: *Нельзя усидеть на двух стульях.*

Тексты рекомендуемых вариантов перевода в представленных примерах, основанные на общекультурных ценностях и речевых традициях переводящего языка, позволяют сосредоточить внимание на передаче универсальных сведений в художественной форме.

Создание иного ситуативного контекста.

Ситуативный контекст, который является основным фактором для источника текста и получателя информации, определяет объективность когнитивного ряда пословиц и поговорок. Переводческие решения технологии *DeepL Translate* в следующих примерах содержат передачу несколько другого жизненного смысла и отсутствие эквивалентности перевода на прагматическом уровне.

Пример 6

Оригинал: *That joke is as old as the hills.*

DeepL Translate: *Эта шутка стара как холмы.*

Рекомендуемый перевод: *Эта шутка стара как мир.*

При выборе запрограммированного словарного значения слова *hills* — *холмы* создается ситуативный контекст, отличающийся от художественной формы аналогичной поговорки в русском языке. В рекомендуемом варианте перевода происходит лексическая трансформация, посредством замены слова *холмы* на *мир* создается прагматически эквивалентный перевод.

Пример 7

Оригинал: *He is as drunk as a lord.*

DeepL Translate: *Он пьян как лорд.*

Рекомендуемый перевод: *Он пьян как сапожник.*

Данный машинный перевод поговорки также демонстрирует создание иного ситуативного контекста из-за значения слова *лорд* и создает необходимость подбора такой культурно-адаптированной формы сравнения, как *сапожник*.

¹ Здесь и далее см.: DeepL Translate. URL: <https://www.deepl.com/ru/translator> (дата обращения: 05.05.2022).

В рекомендуемых вариантах перевода коммуникативная задача пословиц как сообщение значимых обобщенных понятий, обличенных в художественную форму, реализована, на наш взгляд, более успешно.

Отход от приема целостного преобразования. Следует отметить, что в немногочисленных случаях применения технологии перевода *DeepL Translate* пословицы и поговорки передаются с применением лексической трансформации.

Пример 8

Оригинал: *Strike while the iron is hot.*

Перевод DeepL Translate: *Куй железо, пока горячо.*

Рекомендуемый вариант перевода: *Куй железо, пока горячо.*

Широкий ряд вариантов перевода паремий с применением *DeepL Translate* может быть отредактирован посредством целостного преобразования.

Пример 9

Оригинал: *Don't judge a book by its cover.*

DeepL Translate: *Не суди книгу по ее обложке.*

Рекомендуемый перевод: *Не все то золото, что блестит.*

Пример 10

Оригинал: *Too many cooks spoil the broth.*

DeepL Translate: *Слишком много поваров портят бульон.*

Рекомендуемый перевод: *У семи нянек дитя без глаза.*

Прием целостного преобразования посредством ухода от калькирования синтаксических конструкций и лексико-грамматических форм необходим при коррекции перевода идиоматических выражений.

Пример 11

Оригинал: *to talk through one's hat*

DeepL Translate: *разговаривать, не снимая шляпы.*

Рекомендуемый перевод: *преувеличивать, говорить глупости, хвастаться.*

Нарушение нормы и узуса переводящего языка. Данный тип снижения уровня качества цифрового перевода включает недостатки, касающиеся нарушений лексических и грамматических норм переводящего языка. Сущность подобных нарушений сводится к использованию слов, словоформ, словосочетаний, конструкций, не соответствующих прескриптивной норме переводящего языка. Так, в следующем примере в соответствии нормой русского языка словоформа *сладок* как краткая форма прилагательного *сладкий*

выбрана в речевой ситуации, имеющей характер суждения.

Пример 12

Оригинал: *the forbidden fruit is always the sweetest.*

DeepL Translate: *Запретный плод всегда самый сладкий.*

Рекомендуемый перевод: *Запретный плод всегда сладок.*

Заключение

Проведенное исследование показало, что лингвокультурное своеобразие паремийного материала можно сохранять в тех случаях машинного перевода, где отсутствует явное искажение смысла. В большинстве случаев технология *DeepL Translate* отражает принцип буквального перевода пословиц и поговорок без учета сопоставительно-культурных особенностей ситуаций в исходном и переводящем языке и предлагает формализованный перевод с учетом грамматики. В ряду других аспектов проблематики качества автоматизированного перевода выявлены такие нарушения, как создание иного ситуативного контекста, отход от приема целостного преобразования, нарушение нормы и узуса переводящего языка. Использование технологии *DeepL Translate* создает ограниченную интерпретацию переводимого текста пословиц и поговорок, требует перепроверки и глубинного семантического анализа.

Коррекцию машинного перевода пословиц и поговорок рекомендуется проводить на основе таких способов перевода, как коммуникативный способ, интерпретация, целостное преобразование, эквиваленция, поиск аналогичного высказывания, построенного на словесно-образной основе, отличной от исходной. При адаптации переводческих решений программы *DeepL Translate* актуально осуществлять поиск готового соответствия в русском языке. В случае с переводческой интерпретацией пословиц и поговорок приоритет прагматики над семантикой и синтаксисом, с возможностью достижения прагматической эквивалентности при сохранении семантической и синтаксической структуры высказывания, составляют основное отличие естественного перевода от цифрового способа технологии *DeepL Translate*.

В ряду языковых средств, актуальных для нормостилевой адаптации цифрового перевода, следует выделить: 1) формы настоящего времени, повелительное наклонение глагола; 2) собирательную семантику подлежащего; 3) эмоционально оценочную лексику; 4) фонетические повторы; 5) одинаковое ритмическое построение

двух частей логической фигуры высказывания; 6) метафору, передающуюся вариантными соответствиями; 7) сравнение; 8) морфологические, лексические и синтаксические архаизмы; 9) инверсию.

Таким образом, рекомендацией по улучшению программы *DeepL Translate* в переводе словиц и поговорок является совершенствование

ее технических возможностей с ориентацией на прагматическую адаптацию полученного текста с учетом доминант художественного перевода. Основные преимущества применения технологии *DeepL Translate* заключаются в возможности автоматизации и ускоренности процесса межъязыкового преобразования, мотивации творческой редакторской функции исполнителя перевода.

Список источников

1. Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика. СПб. : Перспектива : Союз, 2008. 288 с.
2. Бреус Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. М. : Изд-во УРАО, 1998. 208 с.
3. Большак А. В., Волошина К. С. К вопросу о подходах к переводу поэзии // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 9 (455). С. 27–33.
4. Горбунова В. С., Сботова С. В., Куляева Е. Ю. Основы теории перевода : курс лекций. Ч. 1. Пенза : ПГУАС, 2014. 128 с.
5. Гузеева К. А. Практическое пособие по переводу с английского языка на русский. СПб. : Перспектива, 2018. 205 с.
6. Казакова Т. А. Практические основы перевода. English <=> Russian. СПб. : Перспектива, 2020. 310 с.
7. Комиссаров В. Н., Рецкер Я. И., Тархов В. И. Пособие по переводу с английского языка на русский. М. : Высшая школа, 1965. Ч. 2. 286 с.
8. Макарова Е. В., Пархамович Т. В. 25 Days to a Better English Grammar. Минск : Попурри, 2019. 80 с.
9. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М. : Р. Валент, 2010. 244 с.
10. Слепович В. С. Курс перевода. Мн. : ТетраСистемс, 2004. 320 с.
11. Смирнова В. Н. Жанровые нарушения машинного перевода технической инструкции // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 9 (455). С. 171–177.
12. Смирнова В. Н., Гринцова О. В., Гринцов Д. М. Специализация интернациональной лексики при переводе инженерно-строительных текстов // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 6 (428). С. 161–170.
13. Утробина А. А. Основы теории перевода. М. : Приор-издат, 2006. 144 с.
14. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М. : Высшая школа, 1983. 115 с.
15. Швейцер А. Д. Теория перевода. М. : Наука, 1988. 256 с.

References

1. Alekseeva IS. Professional'nyy trening perevodchika = Professional training of the translator. St. Petersburg: Perspective: Soyuz Publishing House; 2008. 288 p. (In Russ.).
2. Breus YeV. Osnovy teorii i praktiki perevoda s russkogo yazyka na angliyskiy = Fundamentals of the theory and practice of translation from Russian into English. Moscow: URAO Publishing House; 1998. 208 p. (In Russ.).
3. Bolshak AV, Voloshina KS. On the question of approaches to the translation of poetry. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2021;(9(455)):27-33. (In Russ.).
4. Gorbunova VS, Sbotova SV, Kulyaeva EYu. Osnovy teorii perevoda : kurs lektsiy. CH. 1. = Fundamentals of the theory of translation: a course of lectures. Part 1. Penza: PGUAS; 2014. 128 p. (In Russ.).
5. Guzeeva KA. Prakticheskoye posobiye po perevodu s angliyskogo yazyka na russkiy = A practical guide for translating from English into Russian. St. Petersburg: Perspective; 2018. 205 p. (In Russ.).
6. Kazakova TA. Prakticheskiye osnovy perevoda. English <=> Russian = Practical foundations of translation. English <=> Russian. St. Petersburg, Perspective; 2020. 310 p. (In Russ.).
7. Komissarov VN, Retzker YaI, Tarkhov VI. Posobiye po perevodu s angliyskogo yazyka na russkiy = Manual for translation from English into Russian. Part 2. Moscow: Higher school; 1965. 286 p. (In Russ.).
8. Makarova EV, Parkhamovich TV. 25 Days to a Better English. Grammar. Minsk: Popourri; 2019. 80 p. (In Russ.).

9. Retsker YaI. Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoy teorii perevoda = Translation theory and translation practice. Essays on the linguistic theory of translation. Moscow, R. Valent; 2010. 244 p. (In Russ.).

10. Slepovich VS. Kurs perevoda = Course of translation. Minsk, TetraSystems; 2004, 320 p. (In Russ.).

11. Smirnova VN. Genre violations of machine translation of technical instructions. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2021;(9(455):171-177. (In Russ.).

12. Smirnova VN, Grintsova OV, Grintsov DM. Specialization of international vocabulary in the translation of engineering and construction texts. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2019;(6(428):161-170. (In Russ.).

13. Utrobina AA. Fundamentals of the theory of translation. Moscow, Prior Publishing; 2006. 144 p. (In Russ.).

14. Fyodorov AV. Osnovy obshchey teorii perevoda = The basis of general theory of translation. Moscow: Higher School Publ.; 1983. 115 p. (In Russ.).

15. Shveytser AD. Teoriya perevoda = The theory of translation. Moscow, Science Publ., 1988. 256 p. (In Russ.).

Информация об авторе

В. Н. Смирнова — кандидат философских наук, доцент, преподаватель СПО.

Information about the author

Vesta N. Smirnova — Cand. of Sci. (Philosophy), Associate Professor, Secondary Professional Education Lecturer.

Статья поступила в редакцию 16.06.2022; одобрена после рецензирования 18.02.23; принята к публикации 02.10.2023.

The article was submitted 16.06.2022; approved after reviewing 18.02.2023; accepted for publication 02.10.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

MONTIBVSEI SIN
IOIACIABAT CORI
CRVDEIIS AEXI NI
CARMINI NOS TRI
RE MORI M F DN VN
MONTIBVSEI SIN
IOIACIABAT CORI
CRVDEIIS AEXI NI
CARMINI NOS TRI